

МАЛЫЦЕВА А.В.

† BONUS

НИГ

DON'T SPEAK
DON'T SPEAK

Мальцева А.В.

НГ (Не Говори)

Данное издание предназначено для бесплатного распространения.

Полное или частичное копирование и/или распространение любыми способами разрешено только с указанием имени автора.

Содержание на стр. 180

От автора

Дорогой друг! Перед тобой сборник рассказов, которые созданы специально для тебя. Да-да! Именно о тебе я думала, когда их писала. Я представляла, как ты начнешь перебирать слова одно за другим, плавно продвигаясь по тексту. Видела, как по твоей коже пробегут мурашки, и ужас охватит все твое существо.

Часть рассказов помимо всего прочего поможет тебе задуматься о тех вещах, которые должны беспокоить каждого мыслящего человека. А ведь ты именно такой, не так ли?

Но есть у меня одно предостережение... если ты донельзя чувствителен и слабонервен, твое сердце не способно выдержать страшных переживаний, мой тебе совет: начни читать с «Бонуса», там гораздо более безобидные для твоей психики вещи.

Кстати об этой части (я имею в виду «Бонус»), в ней ты найдешь два рассказа, один из которых входит в сборник под незамысловатым названием «Рассказы», а второй в сборник мистических рассказов «Клуб мертвых сердец». Надеюсь, ты проникнешься ими и прочтешь и сами сборники.

Приятного чтения!

Мальцева А.В.

Бой Курантов

- Почему бы не встретить Новый год, как обычно, дома, а? – устало спросил Ильшат, листая газету. Ему было вовсе не до шумных вечеринок за городом, где уйма незнакомых людей, решила отпраздновать наступление 2013 года дорогущим банкетом и увеселительными приятными, устроенными организаторами за баснословные деньги. Он так уставал на работе, что мечтал лишь о том, чтобы спокойно проваляться на диване все праздничные дни, а не крутится в вальсе со своей неугомонной супругой.

Но вопрос его был, скорее риторическим. Он знал, что, если Полине что-то взбрело в голову, то никакие увещевания на нее не подействуют.

И она это прекрасно знала, поэтому только цокнула языком и закатила глаза, всем своим видом показывая нелепость только что услышанного.

- Вот, нашла! – спустя минут десять, воскликнула она, - ты только взгляни на это!

- Можно я тут посижу? – вздохнул Ильшат, не отрываясь от своего чтения.

- Иди давай уже, - настаивала Поля.

Ильшат неохотно свернул газету и поднялся с дивана, медленно направившись к компьютерному столу, за которым восседала жена.

- Боже! Ты только взгляни! – умилилась Полина, перелистывая фотоальбом загородного отеля, который ей приглянулся больше других. На экране мелькали красивые картинки интерьеров в стиле рококо, слишком вычурных для Ильшата, но в самый раз для Поли. Она всегда была локомотивом по жизни, а муж следовал за ней по инерции. Он предпочитал спокойствие и уют, а она движение, приключения и роскошь.

- Красиво, - выдавил Ильшат в угоду жене.

- Красиво? Да это обалденно! А ты посмотри, какая у них программа шикарная, - Поля открыла расписание новогоднего уикенда отеля и принялась читать вслух наиболее запавшие в душу моменты, - прогулка на санях с конной упряжкой, открытый подогреваемый бассейн, пригодный для плавания даже зимой, дискотека в аквапарке, шведский стол из блюд со всего мира, профессиональная фотосессия и фотоальбом с яркими моментами на память, огромная ледяная горка длинной в

километр и высотой в шесть метров, - взхлеб декламировала Полина, каждым словом вводя Ильшата в оцепенение, - конкурсы, караоке, подарки и, наконец, костюмированный новогодний бал!

- Думаешь, тебе этого будет достаточно?

- Давай без сарказма, а? Я хочу, чтобы этот Новый год был незабываемым!

- Что такого особенного в этом Новом году?.. – еле слышно пробурчал Ильшат, плетясь обратно к дивану, - почему именно он должен чем-то выделяться среди остальных?..

- Что? – обернулась Полина.

- А? Ничего... - вяло улыбнулся Ильшат и плюхнулся на диван.

Вскоре отель был забронирован, и новогодний пакет полностью оплачен, что Полю приводило в жуткий восторг, а Ильшата в благоговейный ужас.

- Так, я ничего не забыла? – уже в ста километрах от Москвы спохватилась Полина.

- Заедем купим, - спокойно сказал Ильшат.

- Ты купишь здесь туфли от Gucci или платье от Prada? – вскинула брови Поля.

- А ты предлагаешь вернуться обратно за каким-то платьем и туфлями? – тяжело вздохнул муж, зная, что именно так они и сделают, случись жене правда забыть свои наряды.

- За каким-то платьем и туфлями - нет, а за платьем от Prada и туфлями от Gucci – да. Останови машину.

- Ты серьезно?

- Да, хочу проверить. А то мне кажется, что я оставила их дома.

Ильшат послушно съехал на обочину, бурча себе под нос. Он давно перестал протестовать и ругаться с женой, несмотря на то, как мог подолгу о чем-то с ней спорить в начале их отношений и первые годы брака. Ни разу его оппозиция не выигрывала, и в итоге он смирился с ролью мебели в своей семье. Они были женаты уже десять лет, сыграв свадьбу, когда обоим было по двадцать с хвостиком. До сих пор они не обзавелись потомством, хотя Ильшат давно мечтал о детях. Но Полина хотела пожить для себя и говорила, что еще не время. Не время было в двадцать, не время было в двадцать пять, не время было и теперь, когда обоим перевалило за третий десяток. Ильшат, возможно, и рад был бы

найти другую жену или, хотя бы, завести любовницу, как делали многие его сослуживцы, но слишком любил свою занозу-Полину и был попросту донельзя ленив для подобных интрижек и поисков новой спутницы жизни. Он так пригрелся рядом со своей женой-зажигалочкой, которая порой опаливала его своей неутомимой энергией, что не хотел покидать насиженного места, зная, что оно долго пустовать не будет.

- Ну и чего ты сидишь? – скрестила руки Полина.

- А что я должен еще делать? – удивился Ильшат, выполнивший требование жены по остановке транспортного средства, - могу сплясать...

- На улице минус двадцать. Ты предлагаешь мне самой идти лезть в багажник за чемоданом?

Ильшат закрыл глаза, подавляя внутренний порыв решит дело смертоубийством, и молча вышел из машины.

- Дверь закрой, – крикнула Поля, - холодно же!

- Неужели?.. – стуча зубами, вымолвил тот.

Вытащив оба Полининых чемодана из багажника, мужчина положил их на заднее сидение джипа и вернулся на водительское место. Полина принялась рыться в багаже, стараясь ничего не помять.

- Ну слава богу! – воскликнула она, поняв, что все на месте.

- Да уж... слава... ему... теперь можем ехать?

- А чемоданы ты убрать не хочешь? – хмыкнула жена.

- Ты правда хочешь, чтобы я ответил?

- Иди уже, - легонько толкнула его Поля.

Положив все обратно, Ильшат съехал с обочины и продолжил путь, надеясь, что Полина не разродится очередной «гениальной» идеей, претворение в жизнь которой ляжет на его усталые плечи.

- Боже мой! – воскликнула Полина, - как же красиво!

На этот раз с ней сложно было поспорить. Ильшат с Полиной доехали до места назначения уже затемно и словно попали в сказку. Новогоднюю сказку. Кругом были небольшие домики, рассыпанные по заснеженной территории, поросшей многовековыми соснами. Повсюду горели разноцветные фонарики, как на Рождественских открытках. Фигурки оленей, чудесных животных, нарядные елки. Все это не могло оставить Ильшата равнодушным, и он улыбнулся, радуясь, как ребенок. «Может, и не зря она меня сюда притащила?» - мелькнула в его голове мысль, принесшая спокойствие и прогнавшая недовольство всей этой затеей.

Главный корпус был куда больше коттеджей и напоминал дворец с колоннами и мраморной лестницей. Ильшат с Полиной забронировали номер именно в нем, хотя, увидев округу, чета пожалела о своем решении, решив сменить бронь на коттедж. Но было слишком поздно для подобных рокировок, ибо все места оказались выкуплены заблаговременно, посему семейная пара отправилась на второй этаж, где их ждал супер-люкс с мини-баром и джакузи.

На дворе был вечер тридцатого декабря две тысячи двенадцатого года, на который конец света возлагал большие надежды, коим так и не было суждено оправдаться. Полина развешивала свои наряды, предвкушая, как она будет блистать в них перед местной публикой, а Ильшат, наскоро разложив свои немногочисленные пожитки, развалился на кровати и уставился в телевизор, вещавший о скором приближении праздника.

- Пощелкай каналы, - дала новый приказ Поля, вешая в шкаф очередное творение Yamomoto.

- Я смотрю, вообще-то, - справедливо заметил муж.

- Пройдись по всем каналам и смотри себе на здоровье.

- Это еще зачем?..

- Помнишь тот фильм про парочку, остановившуюся в придорожном отеле?

- Какой именно? Их кучи.

- Там, где их снимали на видео, а потом, вроде, убить хотели.

- Э... ну и?

- Там один из каналов в номере, вещал внутреннюю сеть с видео из их комнаты.

- Ага... - понял, что у жены паранойя, Ильшат.

- Ну! Чего ты ждешь?

- И правда... чего это я жду?.. – еле слышно сарказмировал Ильшат и потянулся за пультом.

Пройдя все сто пятьдесят каналов, он вымученно произнес:

- Теперь твоя душенька спокойна?

- Почти, - сказала Полина, выживая из своего барахла какую-то штуквинку. Ильшат сперва не проявил никакого интереса. Но спустя минут десять ходьбы жены по номеру с этим непонятным предметом, спросил:

- Это еще что?

- Антижучок, - как само собой разумеющееся ответила она.

- Зачем же ты сюда потащишься, если считаешь, что тут повсюду скрытые камеры и маньяки?

- Доверяй, но проверяй, - урезонила мужа Поля, направившись на проверку уборной.

- Когда ж ты уже угомонишься?.. – покачал головой Ильшат, моля Силы Небесные, даровать ему мир и спокойствие.

Разобравшись с отсутствующей прослушкой, Полина приняла душ и разоделась в пух и прах для предпраздничного ужина.

- Ты в этом пойдешь? – возмутилась она, глядя на одетого в джинсы супруга.

- Могу одеть костюм слона... - при полном отсутствии мимики, сообщил муж.

- Да ты шутник, - скривилась Поля.

- Мы идем или нет? – теряя терпение, спросил Ильшат.

- Я да, а ты в этом не выйдешь из номера ни на шаг.

- Поль, - устало вздохнул мужчина, - завязывай, а. Завтра я напялю на себя все, что захочешь, а сегодня еще не Новый Год, так что пойдём поедим без всей этой мишуры.

- Ты представляешь, как будешь выглядеть в этих тряпках на фоне моего платья?

- Я это переживу.

- А я нет.

- Ну тут уж... - пожал плечами Ильшат, пытаясь выйти в холл.

Полина преградила путь мужу.

- Не выводи меня.

Ильшат провел по лицу ладонью, стоя на распутье. Жена давно отбила у него желание отстаивать свои права и мнение, поэтому он сдался, взвесив урон от спора и радость от возможной победы:

- И что я, по-твоему, должен одеть?

- Ты маленький, что ли? – упрекнула его Поля, - сам не в состоянии подобрать себе гардероб?

- Я уже это сделал, если ты не заметила...

- Господи! – воздела руки к небу та и проследовала к гардеробу, - ну вот же нормальная одежда, а ты, как назло, нацепил на себя какое-то тряпье.

Полина всучила мужу темно-серый костюм и с утомленным видом уселась на диван, ожидая, когда он облачиться в одежды.

- Не прошло и года, - упрекнула она, когда Ильшат, наконец, закон-

чил.

Он промолчал и направился на выход, надеясь, что сможет уже беспрепятственно отужинать.

В ресторане отеля собралось уже много народу. Здесь были и такие же любительницы покрасоваться, как Полина, и такие же уставшие от жизни спутники светских львиц, мечтающие только о диване и хорошем минете, как Ильшат. Некоторым из них повезло, и их дамы не заставили их одевать щегольской наряд, они спокойно сидели в своих заранее потертых дизайнерами джинсах и попивали оплаченные сполна напитки. Шведский стол ломился от угощений. Здесь были и блюда европейской, и средиземноморской, и восточной и русской кухонь. Ильшат наложил себе пригоршню запеченного с укропом и чесноком картофеля, добрый кусок свиной отбивной, мясной салат и три кусочка черного хлеба. Видя это, Полина была в полном негодовании. Сама же она аккуратно накладывала в свое блюдо роллы и прихватила парочку канапе с тигровыми креветками. Опустившись за столик, она улучила момент, чтобы попрекнуть мужа в его мещанстве:

- Ты бы еще натер горбушку чесноком и посыпал солью, чтобы залудить со стопариком.

- Отличная идея, - загорелся Ильшат.

Полина одарила его убийственным взглядом, давая понять, что его жизнь будет кончена, если он отважится на подобный поступок. Бедняга понял, что его радость по приезду была преждевременной.

Началась развлекательная шоу-программа с певцами, актерами и прочей лабудой, столь противной ненавистнику шума и гама Ильшату. Полина же с удовольствием участвовала во всяческих конкурсах и даже спела дуэтом с одним из «звездун» отечественной эстрады, когда он вызвал добровольца. Она привыкла быть первой везде и всегда, видя себя на гребне волны в то время, как муж считал ее «в каждой бочке затычкой».

Предстояла тяжелая ночь, ибо веселье планировалось до самого утра. Ильшат умоляюще смотрел на жену, прося позволения уйти.

- Ты что меня хочешь одну здесь оставить? Я могла бы вообще тогда одна и поехать.

- Это точно... - закручинился муж, гадая, почему же она именно так и не поступила.

- И тебе все равно?! – возмутилась она, - а если меня будут помогать-ся?!

- Ты знаешь, что делать в подобных ситуациях... - стараясь подавить зевок, ответил супруг, вспомнив о том, как однажды она чуть ли ни сломала нос неудавшемуся ухажеру, считавшему, что она непременно должна оставить ему свой телефончик.

- А вот ты, как я вижу, нет, - стиснула зубы она, считая, что ее аксессуар в виде мужа должен сопровождать ее везде и всюду, дабы поддержать созданный ею образ удачливой и успешной женщины.

Кругом носились неугомонные дети, вереща хуже представителей эстрады, и Ильшат молил о том, чтобы тех поскорее раскидали по койкам, дабы не травмировать его ранимые уши. Он любил детей, но не в таком количестве и не с таким уровнем децибел. Ближе к ночи, вся мелюзга рассосалась, и началась взрослая программа с полуобнаженными девицами в карнавальных костюмах, как на бразильском карнавале, и пошловатые конкурсы от «дуже забавного» тамады. Поначалу Ильшат оживился, разглядывая спортивных загорелых барышень, но получив язвительный комментарий от жены, вновь сник, понимая, что в ином случае останется в новогоднюю ночь без... «снегурки».

Когда начались танцы, Полина потащила мужа на танцпол, хоть и знала, что из него лучше вышел бы папа... Бедолага из последних сил переминался с ноги на ногу, надеясь, что скоро включить что-нибудь помедленнее, и он сможет прикорнуть на плече жены, делая вид, что обнимает ее.

После перерыва с очередным номером, Ильшат направился в уборную, прихватив со шведского стола парочку стопок водки, которую выпил в туалете, как школьник. Возвращаясь назад, он понял, что жена уже снова отплясывает, не замечая его появления. Тогда он стал глотать стопки одну за другой, не отходя от «кассы», посекудно оглядываясь, чтобы благоверная не заметила его отступления от правил. Вскоре он дошел до кондиции и завалился на диван в углу зала, поджав ноги и подложив под голову ладошки. Ильшат не был из тех, кого тянет на приключения со спиртного, он просто отключался, будто выпил снотворного, и его нельзя было разбудить и пушечным выстрелом в течение нескольких часов. Именно это и раздражало Полину, когда ее муж пил. Она думала, нет бы был, как все нормальные люди, которые несутся в пляс и начинают дурачиться. Ну или заводил бы разговоры «за жизнь» на худой конец. А тут раз и в отключке. Даже не поскандальить.

Проснулся Ильшат, когда все уже почти разошлось. Полина вращалась в обществе, позабыв о своем спящем красавце, и, по всей види-

мости, неплохо провела время в его отсутствие. Он поднялся и побрел в номер, желая продолжить начатое на диване. Полина распрощалась с новыми знакомыми и поторопилась за мужем, заметив его попытку бегства.

- Выспался? – язвительно спросила она.

- А что не видно? – еле шевеля языком, спросил Ильшат, пытаясь хоть немного открыть слипающиеся глаза.

- Ты, как всегда, пропустил все самое интересное!

- Как я мог?.. – выдавил тот.

- Вот давай только без сарказма, - ткнула его жена, - я познакомилась с такими милыми людьми, ты не представляешь! Хотя, Вика – стерва порядочная, - она огляделась по сторонам, дабы убедиться, что свидетели ее критической оценки отсутствуют, и, не заметив лишних ушей, продолжила, - а Дина – шлюха еще та, но в общем и целом, остальные очень даже ничего.

- Угу...

- Какой же ты все-таки скучный!

- Угу...

- Ты что не выключил свет, когда мы уходили? – возмутилась Поля, открыв дверь номера.

- Какая разница?..

- А как же экономия энергетических запасов земли?!

- Господи, помоги мне... - слотнул Ильшат и, скинув туфли, быстро разоблачился и залез под одеяло.

- А ты душ принять не хочешь и зубы почистить?

- У-у... - уже вновь засыпая, ответил супруг.

- А поцеловать меня? – залезла на кровать Полина, запуская руки под одеяло, - и еще чего-нибудь, а?

Она тоже изрядно подвыпила, что на нее действовало как раз совершенно противоположным образом, нежели на Ильшата.

- ...давай потом?..

- Ну, Илечка, - надула губки Полина, проведя рукой по его отросшему за годы семейной жизни и восхождения по карьерной лестнице животу.

Илечка издал неподражаемый храп, оповестив жену о своем отбытии в мир грез.

- Вечно ты не как мужик, - хлопнула она его по спине, на что Ильшат всхрапнул еще громче, но так и не проснулся.

Часам к одиннадцати, Полина будила Ильшата, что есть мочи. Ей не терпелось прокатиться на огромной ледяной горке и нырнуть в открытый подогреваемый бассейн, в котором она сможет продемонстрировать результаты своих занятий в спортзале. Ильшату продемонстрировать было нечего, поэтому он вовсе не горел желанием в такой мороз нырять куда бы то ни было. Но для кого его желания имели хоть какое-нибудь значение?

Ни минуты покоя не было за весь день, и Ильшат с ужасом вспоминал о том, что как Новый Год встретишь, так его и проведешь. А ему вовсе не хотелось все грядущие триста шестьдесят пять дней носиться, словно в его задницу вмонтирован моторчик. Но, опять же, кто его будет об этом спрашивать?

- Как я тебе? – крутилась перед зеркалом Полина, облачаясь в свой карнавальнй костюм для новогоднего праздника. Она решила одеться Авророй из «Спящей Красавицы», сочтя сей образ наиболее подходящим для себя, хотя муж скорее видел ее в роли Королевы из «Белоснежки». Естественно, при сложившихся обстоятельствах ему был уготован костюм Принца Филиппа, что не могло не повергнуть его в отчаяние, ибо перспектива одевать трико ему вовсе не улыбалась.

- Хорошо, - кивнул Ильшат, бросив мимолетный взгляд на жену и тут же вернувшись к телевизору.

- И все? – уперла она руки в бока.

- Э... ты прекрасна, как Спящая Красавица, - с полувопросительной интонацией произнес тот, пытаясь угадать правильный ответ.

Полина молчала, сверля мужа глазами.

- Ты очень красиво выглядишь, великолепно, сногшибательно, ну я не знаю, что еще сказать, - взмолился Ильшат, - ты же знаешь, я не мастак на речи и комплименты.

- На что ты вообще мастак? – обиженно отвернулась Поля, продолжив свой ритуал облачения, - и чего ты валяешься? До банкета всего два часа.

- Всего? – протянул Ильшат, явно считая вполне достаточным и десять минут, чтобы нацепить на себя этот дурацкий клоунский наряд принца.

- Мы должны придти заранее, чтобы успеть сфотографироваться.

- Только не это, - чуть не плача, выдавил муж. Он совершенно не хотел иметь задокументированное свидетельство своего позора.

- Вставай и одевайся, - тоном, не терпящим возражений, сказала жена.

- Есть, сэр, - лениво стал подниматься с кровати Ильшат.

- Не язви.

- Слушаюсь и повинуюсь...

Полина крутилась перед фотографиями, как заведенная: она вставала в позы, посылая воздушные поцелуи и пыталась взаимодействовать с Филиппом, которого изображал ее вставший, как истукан, нерадивый мужинек, по ее мнению, портящий все кадры.

После фотосессии семейная пара заняла свое место в банкетном зале в ожидании кто новогоднего чуда, а кто новогоднего угощения, способного хотя бы временно компенсировать моральный ущерб от всей этой вакханалии. Столы были накрыты восхитительными кушаньями от карпаччо до изысканного фуа гра. Помимо индивидуальных блюд на одну персону из выбранного заранее меню вдоль одной из стен находился нетленный шведский стол, ломившийся от лакомств и деликатесов. Не успев приняться за уже имеющиеся блюда, Ильшат помчался к общему столу, чтобы набрать самого вкусного, пока другие не успели все растащить по своим тарелкам и набить этим брюха. Полина не хватило доли секунды, чтобы остановить, по ее личному убеждению, неприлично ведущего себя Принца Филиппа, и осталась краснеть в полном одиночестве вплоть до его возвращения с двумя тарелками, под завязку наполненными чем попало.

- Я ничего не просила мне приносить, - сквозь зубы процедила Аврора, стараясь улыбаться.

- А я тебе ничего и не принес, - пожал плечами Ильшат, размещая свои тарелки.

Полина чуть не лопнула от злости и наколола жирную куриную ножку из блюда мужа, дабы тому неповадно была так пахабно себя вести.

- Но... - хотел было объяснить, что это его Филипп.

- Все твое – мое, - словно приговор сказала Аврора и, содрав румяную кожицу, откусила кусочек нежной курятины.

Это было словно ножом по чувствительному сердцу Ильшата, он никогда не понимал, как можно есть курицу без шкуры, ведь это в ней самое вкусное. Он слотнул, сверля лежащую на тарелке жены шкурку.

- Даже не думай, - воткнула в нее вилку та.

Ильшат стиснул зубы и повиновался.

Начались пламенные речи об уходящем годе, которые вовсе не вол-

новали Принца Филиппа, не царское это дело слушать всякую ерунду, тянущуюся, как розовые сопли. Аврора же с энтузиазмом аплодировала каждому оратору, светясь счастьем и светскостью. Она старалась быть все время наготове, зная, что по зале рыскают фотографы и в любой момент могут заснять ее с перекошенным лицом, если она потеряет бдительность.

Время близилось к двенадцати, заканчивались последние в этом году выступления и тосты, приближая волнительный момент с каждой секундой.

- Добрый вечер, друзья! – вышел на сцену молодой человек в черном облачении, на костюме которого было лишь одно яркое пятно в виде золотой римской цифры один. За ним выскочили еще одиннадцать таких же, радостно улыбаясь.

- Это еще что?.. – пробормотал мужчина за столиком возле сцены, обращаясь к своему соседу.

- Не знаю... этого не было в программе... - был в такой же растерянности тот, - пойду проверю, что там происходит, - он встал и направился за кулисы, чтобы разобраться в сбое программы, которую он знал от начала до конца, являясь одним из ее составителей.

- Сядь! – крикнул ему артист с цифрой на животе.

- Это Вы мне? – опешил мужчина.

- Тебе, дорогой! Досмотри представление!

- Что здесь происходит?.. – выдавил тот, но сосед потянул его за рукав, не желая, чтобы и остальные гости заметили, что что-то не так.

- До Нового Года осталось всего пятнадцать минут, - продолжил «Первый», - вы все сегодня такие нарядные и красивые! Одели эти костюмчики и думаете, что сможете спрятать за ними свою сущность?! – он продолжал улыбаться, поэтому люди в зале пребывали в некоем смятении, не улавливая связи между смыслом сказанного и интонацией. Большинству это показалось неудачной шуткой, а мужчина за столиком возле сцены был в бешенстве, все же решившись отправиться за сцену и разобраться с тем, кто ответственен за столь неуместные вещи, - сядь, я сказал! – громко выкрикнул «Первый», перестав улыбаться.

- Что это за идиотизм?! – не выдержал мужчина.

- А ну сядь! – направил в его лицо выхваченный из-за спины автомат «Первый».

Мужчина судорожно слотнул и медленно опустился на свой стул. По залу пронеслись крики, кто-то попытался бежать, но все двери

были заперты.

- Все по местам! – приказал «Первый», пока остальные одиннадцать выудили и свои автоматы. Все они улыбались, что придавало происходящему еще больше зловещего флера, совершенно неуместного в новогоднюю ночь.

Но люди не торопились возвращаться обратно, пытаясь ломиться в запертые двери.

- А ну на место, а то там, где стоите останетесь навечно! – вновь крикнул «Первый».

Большинство послушалось его приказа, но вот одна слабонервная дамочка продолжала дергать ручку главных ворот залы, при этом попискивая и произнося не разбираемый набор слов.

- Это и Вас касается, мадам! Или Вам нужно особое приглашение?! – не унимался «Первый».

- Ми-ми-ми, что же, ми-ми-ми, этого не может быть, ми-ми-ми, боже, боже, я не могу, я жить буду... - словно не слыша его, продолжала попискивать женщина, по-прежнему дергая ручку.

- Ты сделала свой выбор, - «Первый» быстро прицелился и нажал на курок.

Зала разразилась грохотом автоматной очереди, и в одно мгновение женщина у двери упала на пол, а праздничное платье кремового цвета залилось кроваво алым.

Люди кричали и теряли сознание от только что увиденного ужаса.

- Тихо! – перекричал их всех «Первый», подойдя к микрофону.

Вскоре присутствующие стихли, боясь повторить судьбу неудавшейся беглянки.

- А теперь я продолжу, - вновь заулыбался «Первый», - с вашего позволения, конечно, - засмеялся он, глядя на побледневшего от страха мужчину за столиком возле сцены, - теперь у нас осталось всего десять минут, - сверился он с часами, - но нам этого, думаю, хватит. На чем я остановился? Ах, да!

- Как ты можешь есть? – впервые после появления мужчин в черных костюмах подала голос Полина.

- Очевидно, что мы умрем, - бесцветно произнес Ильшат, - я лучше проведу последние десять минут своей жизни с удовольствием, чем роняя слезы и сопли.

Нет, его выдержка не была столь железной. Просто у разных людей шок проявляется по-разному: кто-то паникует и ломится в дверь,

как та мертвая леди на полу, а кто-то доедает свой праздничный ужин, видя, что ничего больше не остается. Чувства Ильшата просто отказали, он не ощущал ни страха, ни волнения, ни удивления, ни ужаса - ничего. Словно заслон отгородил его тело и мозг от чувств и эмоций. Он просто ел то, что было в его тарелках, даже не ощущая вкуса пищи.

- Не могу поверить, что прожила с тобой все эти годы, - уронила слезу Полина, - возможно, скоро я умру прямо на твоих глазах, а тебе все равно.

- Вам не удастся скрыть свои черные зажавшиеся души под этими нарядами сказочных принцев и диснеевских красавиц! – вещал «Первый», - успокой уже своего выродка, если не хочешь, чтобы он лег рядом с этой! – закричал он, не выдержав надрывных криков малыша в дальнем углу залы.

Мать насильно заткнула рот своему маленькому сыну, боясь за его жизнь. Из ее глаз хлестали слезы, и она с силой прикусила свои напомаженные алым губы, чтобы не выпустить крик ужаса и отчаяния, подобравшийся к ее горлу.

- Каждый ваш дурацкий наряд, каждый сраный финик на вашей дебильной тарелке стоит больше, чем нормальный человек зарабатывает в месяц!

- Ах вот оно что... - понимающе кивнул Ильшат, кладя в рот очередную порцию оливье.

Полина сглотнула, смотря то на мужа, то на «Первого».

- Вы все сейчас сидите и спрашиваете себя, почему мы здесь! Для чего! Разве я неправ, а?! Я вам отвечу! Вы все – зажавшиеся скоты, забывшие, что в этой жизни не купишь всего! Нельзя покупать людей, их жизни и любовь! Говорят, что бедняки – паразиты на теле общества! А я вам скажу: НЕТ! Это вы! Вы все паразиты! Вы только жрете и гадите, где попало, считая для себя возможным все, потому что у вас есть деньги! Вы ездите на дорогих машинах, не пропуская никого, кто классом ниже вас! Вы смотрите на всех свысока, думая, что вы лучше нас! Черта-с два! Ваши миллионы не увеличат вам члены и мозги, не сделают вас молодыми, как бы вы ни натягивали свои морщинистые рожи, выглядящие, как восковые рожи чертовых кукол! Ваши деньги никогда не сделают вас лучше, они только дают вам эту иллюзию! Так вот, мы здесь, чтобы ее разрушить! Развенчать ваши заблуждения и очистить вас от ваших же пороков! Думаю, вы уже догадались, что подобные грехи можно смыть только кровью!

По зале вновь пронеслись всхлипы и крики ужаса.

- Еще шесть минут, - пожал плечами Ильшат, продолжая жевать, - а вот про члены он все-таки ошибается... но суть в общих чертах мне ясна.

- Максим, не надо, - раздался женский голос.

- Поздно, дорогая, - страшно улыбнулся «Первый», - поздно.

Девушка из зала смотрела в его переливающиеся жутким блеском глаза, надеясь, что еще можно что-то исправить.

- Как тебе с твоим пузанчиком жилось без меня? – спросил он, не спуская с лица дьявольской улыбки.

- Не надо, - замотала она головой, не отводя взгляда.

- Пузанчик, иди к нам, - обратился «Первый» к мужчине в теле, сидящему рядом с его собеседницей.

Тот вжался в стул и больше никак не отреагировал.

- Иди сюда, я сказал! – рявкнул «Первый».

- Максим, прекрати! – вскрикнула девушка, видя, что ее спутник в полном оцепенении.

- А он у тебя еще и баба, я посмотрю! Может, он тебя пальцем имеет, а? Пока ты сосешь его денежки!

- Теперь все понятно, - чавкнул Ильшат, - мы сдохнем из-за того, что какая-то баба бросила этого неадекватного Максима и ушла к богатенькому. Супер.

У Полины задрожал подбородок, она хотела бы попробовать поговорить с этим Максимом «Первым», чтобы привести его в чувства, остановить, вразумить, но все слова исчезли, в голове была полная пустота, лишь слезы застилали глаза перед страхом возможности скорой смерти.

- Пять мину-у-ут, пять мину-у-ут, это мно-ого или мало-о, - дурашливо улыбаясь, запел «Первый», наставляя автомат на Пузанчика, тот готов был сходить под себя от страха, что, собственно, и сделал.

- Ааа!!! – бросился один из сидящих за ближним к сцене столиком молодой человек, надеясь выхватить автомат из рук «Первого».

Раздались автоматные очереди, поразившие отчаянного и задевшие несколько случайных людей.

- Еще добровольцы есть?! – прогремел «Первый».

- Прекрати, Максим, пожалуйста, - взмолилась девушка, - я вернусь к тебе, я всегда буду с тобой, только прекрати, - из ее глаз брызнули слезы, а ужас от происходящего дурманил сознание.

- Поздно, моя дорогая, - вновь улыбнулся «Первый», не меняя содержания своего послания бывшей возлюбленной, - по-оздно!

- И чего она его бросила? – продолжал комментировать Ильшат, поглощая свой ужин - ума не приложу. Такой обаятельный молодой человек. А какая харизма. И актерские данные неплохие, вон как хорошо Куранты изображает со своими товарищами. Даже бить через две минуты, по всей видимости, будут как настоящие...

- Ты не человек, - выдавила Полина.

- Скоро мы все не будем людьми, а станем трупами, - дожевывая очередной бутерброд, заключил Принц Филипп. Его возможность трезво мыслить совсем отключилась, рождая неуместные остроты. Хотя, вполне возможно, он впервые за всю свою жизнь мыслил ясно как никогда.

- Кто хочет быть первым?! – выкрикнул «Первый», видя, что сейчас начнется отсчет, - Пузанчик, эта честь предоставляется тебе!

Он навел автомат на толстяка, который тут же «ожил» и полез под стол, оставив свою подругу жизни.

- Ай-ай-ай, как нехорошо, - покачал головой «Первый», и услышав первый удар Курантов, доносящийся из большой плазмы за спиной, нажал на курок. Еда на столе Пузана разлетелась в стороны, а сам он издал сдавленный крик, получив очередь в свое грузное тело.

- Нееееет!!! – закричала его спутница, выскакивая из-за стола.

Раздался второй удар. Вперед выступил «Второй» и выпустил очередь в случайного мужичка, лоснящегося от пота и жира. С третьим ударом пришел черед «Третьего», и так продолжалось, пока круг не замкнулся, огласив округу нескончаемыми автоматными очередями с наступлением нового года, который должен был быть лучше, чем предыдущий. Что ж, говорят, после смерти попадают в лучший мир... тогда своеобразным способом надежды присутствующих сбылись...

Когда «Куранты» стихли, зала была наполнена мертвыми, ранеными и стонающими людьми.

«Первый» подошел к своей бывшей возлюбленной, разглядев ее среди кровавого месива. Она была жива, но корчилась от боли. Максим приблизился к ее израненному телу, видя, что оно уже никогда не будет прежним:

- Добить тебя или оставить калекой на всю жизнь? – улыбаясь, спросил он.

- Не надо, - еле выдавила девушка, захлебываясь кровью.

- Что именно не надо? - присел на корточки тот.

Девушка закашлялась и зажмурилась от пронзившей каждую клеточку ее тела боли.

- Такая ты никому не будешь нужна, - позлорадствовал Максим, - тем более таким толстосумам, как твойдохлый Пузанчик. Да? Правильно я говорю, а, Пузанчик? – ткнул он неподвижный труп дулом автомата.

Девушка была на грани жизни и смерти, но ни секунды не пожалела о том, что бросила этого человека, начинившего ее тело пулями лишь за то, что она ушла к другому.

- Нам пора, - крикнул «Первый» остальным.

Чувствуя себя победителями, двенадцать людей с номерами на обтянутых черным торсах направились на выход, решив, что представление закончено.

Поля лежала на полу, с трудом делая каждый вдох. Ее изрешетило пулями, и оставались считанные минуты, пока она не сделает последний выдох. Пять минут... это много или мало?

Ильшат лежал неподалеку, сжимая в руке недоеденный бутерброд и думая, почему же они все-таки не встретили этот Новый Год дома в кругу их маленькой ячейки общества, а потащились в этот загородный отель, чтобы встретить свою смерть среди кучи незнакомых людей, чьи жизни были походя отобраны из-за классовой ненависти и слишком восприимчивого бывшего молодого человека одной из собравшихся.

Работа над ошибками

- Боже мой, как же я устала... - чуть не плача, выдавила Мила, стягивая тяжелые сапоги. Она опиралась о стену с давно потертыми обоями, в который раз думая, что надо купить пуфик в коридор со следующей зарплаты, чтобы можно было обуваться и разуваться сидя, как «белые люди».

- Давай сходим в кино после ужина! – озорно предложил Ванечка, уже сбросив ботинки, доставшиеся ему от сына подруги Милы, и раскидав их в разные углы прихожей.

- Ты издеваешься? – сурово посмотрела на него та, - я с ног валюсь. Какое кино?

- Ты всегда так, - проворчал мальчик и поплелся в комнату, волоча за собой портфель, - с друзьями ты меня не пускаешь, а сама никогда не ходишь.

- Я работаю, как вол, чтобы тебе было что поесть и что носить, а ты мне еще претензии предъявлять будешь?! – возмутилась Мила, наконец, совладав с непослушной обувью.

- Наверное, поэтому я донашиваю все за другими детьми и ем одни макароны... - буркнул себе под нос Ваня.

- Что? – прислушалась женщина, не расслышав сына, - что ты сказал?

- Ничего, - отрезал он и упал на кровать, уставившись в потолок.

Он хотел бы запереться в своей комнате с табличкой «не беспокоить» или «вход воспрещен», врубить музыку и игнорировать материнские упреки, но у них была всего одна комната на двоих, поэтому оба были вынуждены пытаться уживаться в этих не самых комфортных условиях. Когда Ванечка был младше, все было вполне сносно, но с годами мать и сын стали все острее ощущать недостатки однокомнатных квартир.

Мила растила сына одна с тех пор, как ему исполнилось два года. С мужем у них не сложилось, и тот решил, что развод с женой является основанием забыть и о ребенке, которого она ему родила. Ваня совсем не помнил отца и не считал себя брошенным, потому что сложно ощутить потерю кого-то, если никогда и не чувствовал его присутствия.

Мила была типичным примером того, чем заканчиваются ранние

браки. Она выскочила замуж в восемнадцать, ведомая буйством гормонов и юношеским максимализмом. Он был первым ее мужчиной, который не понимал, насколько серьезную ответственность должен взять на себя. В итоге семейное счастье закончилось, не успев начаться. Брак висел на волоске, удивительным образом не распавшись в первый же год. В итоге пара развелась через три года семейной жизни, когда их отпрыску только-только стукнуло два.

С тех пор прошло десять лет. Десять лет без мужчины, денег и счастья. Мила поставила крест на личной жизни после нескольких попыток наладить ее. Кандидаты были то слишком глупые, то пьющие, то просто не лежало к ним сердце, то они не нравились Ване. В итоге девушка поняла, что поиск семейного счастья приносит гораздо больше боли и проблем, чем его отсутствие.

Выйдя замуж в столь юном возрасте, Мила так и не получила высшего образования. Она не была глупа, но и гением ее назвать было сложно, поэтому говорить о престижной работе не приходилось. Сначала, когда сын был маленьким, она устроилась в детский сад нянечкой, чтобы иметь возможность быть всегда рядом и при этом зарабатывать хоть какие-то деньги. Потом она пошла следом за ним в школу и до сих пор работала там. Начинала она простой уборщицей, что ее очень тяготило и заставляло прятать глаза, когда кто-то задерживал на ней взгляд. Теперь она трудилась в столовой, закончив курсы по специальности повара.

Денег не хватало, но при этом Мила никогда не таскала ничего из продуктов, как то делали другие сослуживицы, не брезговавшие воровством еды, предназначенной детям. Сначала Мила пыталась бороться с этим, но те скооперировались против нее, решив выжить «мисс честность». В итоге она смирилась с их способом существования, но сама так и не влилась в коллектив, не видя в себе сил брать то, чем она должна покормить детишек, одним из которых был ее собственный сын. Хотя остальные растаскивали продукты, как и прежде, и Милю неучастие в этом мало что меняло, она, все же, не могла пойти на сделку с совестью и быть причастной к подобным вещам.

Самым страшным во всей этой истории было то, что женщина заметила, что ее сын начал стыдиться ее. Практически у всех его одноклассников родители были более презентабельными, чем она. Работали они в офисах и ездили на дорогих авто. Не все, конечно, но даже те, кто не был богат, имел должность не столь низко-классную, как она.

Учителя, менеджеры, программисты, строители, инженеры, врачи. Ни один не был младшим поваром в школьной столовой. Тем более в столовой школы, где учится их отпрыск, вынужденный ежедневно замечать косые взгляды детей, знающих о том, что это его мать стоит возле огромной кастрюли с половником, являясь одной из тех, из-за кого их кормят тем, что на вкус похоже на помой.

Однажды Ваня вдруг ни с того, ни с сего перестал разговаривать с Милой. Лишь спустя несколько дней, ей удалось выудить из него пару слов. Она была готова провалиться сквозь землю. Выяснилось, что Ване нравилась одна девочка в классе. Он поделился этим с другом, а тот «по секрету всему свету», и весть дошла до предмета его обожания. Узнав о симпатии Вани, она лишь поморщилась и сказала, что никогда не взглянет на сына школьной поварихи. Это было ударом для обоих. Иван понимал, что его возлюбленная оказалась мелочной и глупой стервой, если подобное определение подходит для одиннадцатилетней девчонки, но так же он понимал, что не одна она такого мнения о нем и его матери. Поэтому он злился на Милу, будучи еще слишком юным, чтобы суметь пройти это испытание достойно. Мила же была ранена до глубины души. Но поделаться с этим она ничего не могла. Ей сложно было объяснить Ване, что в этой ситуации неправа лишь эта девочка, потому что сама она чувствовала вину за собой. Это случилось год назад. С тех пор мать с сыном отдалились, до того будучи, можно сказать, лучшими друзьями. Теперь их, по большей части, объединяли взаимные претензии и недовольство друг другом.

- Иди ужинать.

Ваня лежал с закрытыми глазами, ритмично покачивая головой.

- Иди ужинать, я говорю, - повысила голос Мила.

По-прежнему ноль реакции.

- Я к кому обращаюсь? – ткнула в ногу мальчика та, теряя терпение.

Он открыл глаза, вздрогнув от неожиданности, и, увидев стоящую рядом мать, вынул наушник, спросив:

- Что?

- Есть иди, говорю, - сурово произнесла Мила и вернулась на кухню.

- Ммм... - протянул Ваня, увидев свою тарелку, - макароны, - и добавил с сарказмом, - а я-то гадал, что же у нас сегодня будет на ужин?!

- Не нравится – готовь сам, - нервно накалывая вилкой остатки ужина, отрезала мать.

За последнее время она научилась все меньше считать виноватой

себя в несостоятельности и все больше обвинять сына в неблагодарности. Если раньше он безропотно принимал все, что она ему давала, заставляя своим невинным видом испытывать чувство вины за то, что она не способна обеспечить его достойным образом, то теперь Ваня постоянно выражал лишь недовольство, отбив у мамы желание стараться на его благо и жить лишь ради него.

Подобным образом проходило большинство дней их маленькой ячейки общества, и Миле оставалось лишь жалеть об ошибках молодости, не соверши она которые, могла бы иметь сейчас нечто большее, чем неблагодарного сына и мало оплачиваемую работу в школьной столовой.

Любую свободную минуту она тратила на мысли о том, как все могло бы сложиться, не выскочи она замуж в восемнадцать и не роди в столь юном возрасте, отказавшись от высшего образования, карьеры и любви, которая, по ее разумению, обязательно присутствовала бы в ее жизни, ответь она отказом на предложение руки и сердца в те далекие времена.

Мила была родом из состоятельной семьи. Братьев и сестер у нее не было, поэтому все внимание и деньги доставались ей. Она сносно училась, но много о грядущей карьере не думала, будучи привычной к тому, что получает все на блюдечке с голубой каемочкой без каких-либо усилий. Родители прочили ей обучение за границей, как только та закончит школу. Они уже подобрали частный колледж-пансион, но планы были нарушены появлением жениха у их неразумной дочери. Миле это казалось счастьем на тот момент. Она и думать забыла о том, чтобы покинуть страну. Все ее мысли были заняты любовью.

И отец и мать были против выбора дочери. Против и ее отказа от отъезда в колледж. Против отказа от учебы вообще. Против свадьбы. И против того, за кого она намеревалась выйти замуж. Он был не их круга. В молодости подобные вещи кажутся кощунственными и лицемерными, ведь родители вечно учат быть честными, добрыми и терпимыми, не судить других по одежке, по размеру кошелька и сословию. Лишь с возрастом понимаешь, что людей для общения и жизни нужно подбирать, действительно, из своего круга. И речь тут вовсе не о количестве нулей на их банковском счете, а об уровне серого вещества в их головах и воспитании. Лишь с годами Мила поняла это, но было уже поздно. Ее родители отказались присутствовать на бракососо-

четании собственной дочери. Вскоре они покинули страну, переехав на постоянное местожительства за границу, где нашли замену своему нерадивому отпрыску в виде усыновленного пятнадцатилетнего мальчика. Спустя три года, мать с отцом Милы скончались, попав в автокатастрофу. К тому времени их приемный сын достиг совершеннолетия и унаследовал все, что принадлежало им. Все эти годы Мила не общалась с родителями, а узнав о трагедии, произошедшей, как раз, в год ее развода, в связи с чем и попыталась наладить мосты, она не смогла найти способа получить свою часть наследства, так как плохо разбиралась в законодательстве страны, гражданами которой стали ее родители.

Вот и все. Она оказалась женщиной не своего круга, променяв все на то, что ей казалось любовью.

Теперь Миле оставалось лишь грезить о том, как могло все сложиться, отправься она на обучение в этот колледж.

В ее мечтах все мальчики там были эталонными красавцами, помимо тех, кто служил лишь декорациями или эпизодическими лицами в ее пьесе имени себя. Она жила в отдельной комнате, убранной в пастельных тонах, с огромной кроватью и туалетным столиком, на котором водружалось множество духов и украшений, делавших ее еще более привлекательной. Она видела себя молодой девушкой, у которой все впереди, которая станет в этой жизни кем-то, не споткнувшись о случайного паренька не своего круга.

- Опять ты в астрал ушла, - усмехнулась Лида, сослуживица Милы, таща стопку тарелок.

Та очнулась, смущенно улыбнувшись, и вернулась из своих грез на землю к поварешкам и котлетам, состоящим на большую половину из чего угодно, только не из мяса, растащенного остальными сотрудницами по домам и на продажу.

Мила ненавидела свою жизнь и была готова на все, что угодно, лишь бы ее изменить, но только не на то, чтобы взять себя в руки, прекратить жаловаться, клясть судьбу, считая себя обреченной на несчастья, и найти, хотя бы, для начала другую работу. Она могла часами фантазировать, видя себя менеджером крупной компании или агентом по недвижимости, но была уверена, что такое возможно только в мечтах, что она не способна на что-то большее нежели то, чем занимается сейчас. Ею владел страх перемен. Они казались ей куда более пугающими, чем привычная постылая жизнь, не приносящая никакого удовольствия.

«А что, если у меня не получится?» - не раз задавалась она вопросом. «Все равно хуже уже быть не может», - твердил внутренний голос, но та, все же, откладывала решительные действия на потом, пока время шло, забирая у нее годы, которые она могла потратить на то, чтобы наладить свою жизнь, а не опускаться в пучину отчаяния и вечной апатии.

У Вани сегодня было мало уроков, поэтому он должен был вернуться домой гораздо раньше мамы. Та со спокойной совестью ушла с работы, пройдясь по магазинам, где купила необходимые продукты, выискивая, что подешевле, и с тяжелыми сумками пришла к порогу своей квартиры, начав звонить в дверной звонок, ожидая, когда сын ей откроет. Но тот не торопился. Тогда Мила опустила пакеты на пол и принялась рыскать по сумке в поиске ключей. Наконец, выудив их, она открыла замок и прошла внутрь, будучи уверенной, что Ваня просто заснул. Но дома никого не оказалось. Женщина судорожно принялась звать мальчика, но тот не отзывался. Тогда она набрала номер его мобильного и стала ждать ответа. Но он не брал трубку. Мила не знала, что и думать. Она принялась обзванивать друзей, чьи номера смогла вспомнить, и на втором нашла то, что искала.

- Алло, - раздался знакомый голос мальчика по имени Саша, учившегося вместе с Ваней до четвертого класса. Его было еле слышно из-за какого-то шума.

- Здравствуй, Саша. Это мама Вани.

- Здравствуйте, Людмила Викторовна, - изменился в голосе мальчик.

- Ты не знаешь, где Ваня?

- Мы в кино, - растерянно ответил тот.

- А... - не знала, что сказать женщина. С одной стороны она была зла на сына, что он нарушил ее запрет, с другой же была рада, что тот жив здоров, - скоро оно закончится?

- Через полчаса, - сказал Саша.

- Спасибо, - произнесла Мила и повесила трубку.

Она быстро набрала сыну смс, в котором строго-настрого наказала ему сразу после сеанса идти домой. Закончив с этим, она опустилась на кровать, чувствуя, что готова расплакаться. Только теперь она поняла, что ее сын ныне не просто маленький мальчик, а уже подросток, который не хочет находиться под ее крылом и опекой, который скоро вырастет окончательно и покинет ее, забрав с собой смысл ее существования. Когда он был совсем еще ребенком, все свои несчастья она

оправдывала тем, что ради этой крохи можно все стерпеть. Главное, чтобы ему было хорошо. Но теперь все это теряло смысл. Он больше в ней не нуждался. Это оказалось столь очевидным и болезненным открытием, что Миле стало тяжело дышать. Несмотря на натянутые отношения в последний год, она, все же, чувствовала себя мамой, пусть не столь любимой и, возможно, не столь любящей, как прежде, но мамой. Теперь же она поняла, что будет для сына просто назойливым предком, живущим с ним под одной крышей.

- Не хочу, - бормотала она сквозь слезы, - не хочу так жить... не хочу... НЕ ХОЧУ!!! - вырвалось изнутри, отдавшись эхом в пустой квартире.

- А как ты хочешь? – раздался спокойный голос.

Мила вздрогнула и уставилась на мужчину неопределенного возраста, сидящего на кровати ее сына.

Женщина потеряла дар речи, взглядом ища что-нибудь тяжелое.

- Ты знаешь лишь то, чего не хочешь. Этого не достаточно для того, чтобы что-то изменилось, ведь я не знаю, что дать тебе взамен.

- Кто Вы? – пролепетала Мила, судорожно схватившись за лампу на ее прикроватной тумбочке.

- Это лишнее, - сказал мужчина, бросив взгляд на оружие в руке собеседницы.

- Кто Вы и как сюда вошли? – старалась звучать убедительно та, вцепившись в лампу уже обеими руками.

- Ты можешь называть меня, как хочешь, - спокойно ответил тот, - каждый дает мне то имя, которое ему ближе.

- Вы больной? – опешила та, пятясь к двери.

- Если тебе будет так проще думать, - пожал плечами незнакомец.

- Убирайтесь отсюда, или я... я за себя не отвечаю! – пригрозила Мила, замахиваясь лампой.

- А когда ты последний раз за себя отвечала, а не плыла по течению?

- Что?..

- Так чего ты хочешь? – вернулся к прежнему вопросу мужчина.

- Хочу, чтоб Вы убрались из моей квартиры!

- Ты уверена, что это все? Ведь я уйду, и ты останешься с тем, что имеешь и что тебе столь противно, - он сделал шаг в сторону двери, которую перекрывала Мила. У той не выдержали нервы, и она, подумав, что он приближается к ней, чтобы причинить зло, опустила лампу прямо на голову странного человека.

Произошедшее дальше напугало ее еще больше: лампа прошла насквозь незнакомца, не нанеся ему урона. словно он был лишь голограммой, иллюзией, призраком.

- Вы всегда взываете о помощи, но не можете потрудиться открыть глаза, чтобы увидеть то, что вам дано...

Глаза Милы, которые тот призывал открыть, закатились, и она уже больше ничего не слышала, упав в обморок.

Когда Мила начала приходить в себя, она ощутила, что находится вовсе не на полу, на который упала, отключившись. Приоткрыв глаза, она увидела цветы нежных оттенков. Приглядевшись получше, Мила поняла, что это узоры на одеяле, которым она накрыта. Женщина приподнялась на локтях и с удивлением стала осматривать помещение, в котором находилась. Это была уютная комната, убранная в постельных тонах, с большим окном, завешанным шторами с таким же узором, что и на пододеяльнике, а у противоположной стены находился туалетный столик, на котором водружались всевозможные духи и украшения.

- А... м... х... э... - издавала обрывочные звуки Мила, не понимая, что происходит. Вдруг она резко подскочила и начала с опаской оглядываться по сторонам, вспомнив о странном человеке-голограмме. Рядом никого не было.

Она осторожно опустила ноги на пол, укрытый прикроватным ковриком, словно боялась, что сейчас твердь разверзнется и поглотит ее в огненные пучины. Поняв, что ничего подобного не произойдет, она встала с кровати и неровным шагом принялась обходить помещение, разглядывая изысканные элементы его интерьера и декора. Все это она уже видела. Видела и не раз. Только тогда было это не настоящим, являясь лишь порождением ее воображения. Мила смотрела на все, думая, что находится во сне. Вспомнив о приеме для выяснения реальности происходящего, она не преминула ущипнуть себя за руку. Боль явственно отдалась в конечности, но мираж не исчез, и женщина не проснулась в своей однокомнатной квартирке. Она по-прежнему стояла в комнате, убранной в постельных тонах.

Мила дошла до туалетного столика и принялась перебирать пузырьки и баночки с кремами и духами. Все, как она себе представляла, отправляясь в путешествие по мечтаниям, где она молодая девчонка, приехавшая учиться в Англию. Женщина поднесла к носу узорный флакон и вдохнула запах его содержимого, зажмурившись от удовольствия.

ствия. Когда она открыла глаза, то выронила духи и от неожиданности отпрянула назад. Она была не одна. Испуганными глазами на нее глядела девочка.

- Где я? – спросила Мила, решив разобраться с волнующим ее вопросом.

Но незнакомка не ответила, лишь пошевелив губами. Мила сконфуженно уставилась на ту и ахнула от удивления, прикрыв рот рукой. Незванная гостья вторила ее движением, тоже поднеся руку к губам.

- Не может быть... - выдохнула Мила. Она осторожно вытянула ладонь, пытаясь потрогать девочку, чье лицо было до боли знакомым, - но как?.. – задала безадресный вопрос женщина, поняв, что ее догадка оказалась верна.

Рука ее уперлась в холодную поверхность гладкого зеркала, из которого на Милу смотрело ее отражение четырнадцатилетней давности.

- Ведь этого ты хотела? – из-за спины раздался уже знакомый голос.

Мила резко развернулась и уперлась спиной в туалетный столик.

- Кто Вы? – испуганно, но настойчиво спросила она.

- Ты уже задавала этот вопрос, - пожал плечами мужчина, - сейчас важнее другое.

- Что про... - хотела узнать, что здесь происходит, невероятным образом помолодевшая женщина, но незнакомец жестом остановил ее и сказал:

- Ты узнаешь все, что тебе нужно. Остальное не важно. Большую часть своей жизни ты проводишь здесь. Ты застряла в прошлом, точнее, в возможном прошлом, которое было тебе предназначено родителями, не сделай ты тот, как ты уверена, неправильный выбор. Поэтому я решил, что будет верным дать тебе прожить эту жизнь.

- Вы даете мне второй шанс? – пыталась понять смысл сказанного девушка.

- И еще одно, - словно не слыша вопроса, продолжил тот, - в любой момент ты сможешь вернуться обратно. Если ты выберешь все же ту жизнь, то в эту уже не вернешься никогда.

С этими словами мужчина исчез, оставив Милу в полном одиночестве в ее комнате, убранной в постельных тонах.

Она еще пару минут не двигалась с места, пытаясь осознать происходящее. Немного придя в себя, Мила подошла к прикроватной тумбочке, на которой стоял стакан воды. Она осушила его полностью и опустилась на мягкий матрац с независимыми пружинами.

- Я сплю, - не могла поверить в случившееся девушка, - и это самый лучший сон...

Она расплылась в улыбке, поняв, что ее несбыточная мечта воплотилась в реальность. Даже если это просто иллюзия и скоро она проснется, оказавшись в своей однокомнатной квартирке, сейчас Мила здесь и ощущает все так, будто это происходит на самом деле. К чему терять время на размышления и страхи? Надо насладиться подаренной возможностью и взять от нее все, о чем она так долго мечтала.

Открыв огромный платяной шкаф цвета шампань с классическим орнаментом, девушка ахнула: он был увешан всевозможными нарядами, подобранными на ее вкус, будто она самолично их и покупала. И тут Мила осознала, что именно она это и делала. В ее памяти родились воспоминания, соответствующие новой реальности. Она «вспомнила», как ходила по магазинам Лондона вместе с лучшей подругой Аннет, мулаткой из предместья Парижа, учащейся вместе с ней. Они познакомились в первый же день приезда в столовой колледжа и сразу нашли общий язык. А еще Мила помнила, как сообщила своему парню, с которым они хотели пожениться, что уезжает в Англию. Помнила, как они оба рыдали от горя, и как, спустя всего пару недель на чужой земле, Мила и думать забыла о том, что дома ее ждет жених. Как и говорили родители, здесь было невероятное количество гораздо более интересных и привлекательных юношей, обходящих по всем параметрам ее неудавшегося в этом мире мужа.

Раздался дребезжащий попискивающий звук, и Мила уже знала, что это ее мобильный телефон - старая забавная штука, которая с трудом помещалась в дамскую сумочку. Звонила Аннет с не более элегантного аппарата, чтобы напомнить о предстоящей встрече в кафетерии кампуса с двумя очень привлекательными молодыми людьми, с которыми они вчера разговорились после лекции по философии античности. У Милы замерло сердце, она «вспомнила», как выглядят эти двое. И могла поклясться, что никогда не общалась ни с кем подобным в той другой жизни. Два статных блондина, один с симпатичными ямочками, другой с чуть вздернутым носом. Тут девушка стала припоминать всех, кого она «встречала» в колледже за полгода своего пребывания здесь, и поняла, что абсолютное большинство – это красавцы, коих свет не видывал. Остальные представители сильного пола, оставшиеся в меньшинстве – ребята, служившие неотъемлемым дополнением социума, чтобы успешным и красивым было над кем издеваться. Все именно так,

как она себе рисовала в своем воображении.

«Это точно сон...» - подумала она, понимая, что в реальности такое просто невозможно. В колледжах учатся совершенно обычные ребята, а не фотомодели, отобранные на кастинге. Но слишком уж реален был этот сон, чтобы думать, что все происходящее не больше чем просто игра воображения.

Мила надела приглянувшееся платье моды конца девяностых и, накинув поверх дутую куртку, помчалась в кафетерий. У выхода из общежития она столкнулась с Аннет, чмокнувшей ее в щеки в знак приветствия. Все было так дико и при этом столь знакомо, что вызывало бурю эмоций сродни эйфории. О большем она и не мечтала. Девочки мерным шагом направились к месту встречи, не желая показывать, что очень взволнованы предстоящим событием. Мила давно не общалась с противоположным полом, хотя в ее новых воспоминаниях значилось уже несколько ребят, добравшихся дотуда, докуда в параллельной реальности имел к этому моменту доступ лишь отец ее будущего ребенка.

«О, Боже...» - опомнилась Мила, у нее перехватило дыхание: только теперь она поняла, что изменив свою судьбу таким образом, она никогда не произведет на свет того, ради кого жила все последние годы той жизни, где ей уже за тридцать. Ванечки никогда не будет в этом мире, она никогда не увидит его детские глазки, маленькие ручки, никогда не научит его ходить и не услышит его первого слова.

- Ты в порядке? – заметила, что с подругой что-то не так, Аннет.

И он никогда не будет стыдиться ее... никогда понравившаяся девочка не посмеется над его чувствами, потому что его мать – младшая повариха в школьной столовой... и они с сыном никогда не отдалятся друг от друга... и Мила никогда не будет стыдиться самую себя, клясть судьбу и мечтать оказаться на том месте, где стоит она сейчас...

- Просто голова закружилась от голода, - натянуто улыбнулась Мила.

- От голода ли? – подмигнула Аннет, заподозрив, что та просто волнуется из-за двойного свидания.

«В любом случае, я смогу вернуться, когда захочу... - размышляла Мила, - так что не стоит столь необдуманно все бросать... ведь сюда я больше никогда не смогу переместиться... вот состарюсь здесь и тогда пойду обратно, снова стану тридцатилетней...» - заключила она и со спокойной совестью зашла в предбанник столовой кампуса.

Ребята уже сидели за столиком неподалеку от витрины с провизией и болтали о чем-то веселом, судя по их натянутым от уха до уха улыб-

кам. Заметив девушек, они немного стушевались, но вскоре спохватились и пригласили их к себе.

- Обсуждали, кто кого затащит в постель, - хмыкнула Аннет, прокомментировав поведение этих двоих, и направилась к ним легкой походкой.

«Чувствую себя девственницей» - дрожала всей душой и телом Мила, приближаясь к ребятам.

- Что будете есть? – спросил тот, что с ямочками.

- Хлопья и тосты, - тут же ответила Аннет, явно положив глаз именно на него.

- Будет сделано, - улыбнулся он и направился за подносом, - а пить что будешь?

- Чай с молоком, - предпочла чисто английский завтрак француженка, правда, побрезговав овсянкой, которая у нее уже разве что из ушей не лезла после шести месяцев в Британии.

- А ты что будешь? – смущенно обратился паренек к Миле.

- Кофе, - опуская глаза, сказала она.

- И все?

- И тосты с джемом...

- Я возьму, - подскочил второй.

- Я сам, - запротестовал первый.

Они цапались из-за того, кто принесет Миле завтрак. Именно так она все себе и представляла, отправляясь в своих мечтаниях в это место. И точно так же, как в своих грезах, она не могла определиться, кому отдать предпочтение.

Аннет заскучала, видя, что не вызывает интереса ни у одного из светловолосых товарищей, и сказала, что ей пора идти на лекцию.

- Как насчет кино? – спросил один из ребят.

Вскоре все трое сидели в кинотеатре на последнем ряду, ожидая, когда закончится реклама. Ребята уселись по краям от Милы, разместив ее посередине. Она вжалась в сиденье, чувствуя, как оба косятся на нее, обдумывая дальнейший план действий. Представлять подобное было гораздо приятнее, чем испытывать взаправду. В своем воображении она допускала и более фривольные вещи сразу с двумя представителями сильного пола, но сейчас чувствовала себя крайне неудобно даже просто сидя между ними. А уж когда те поочередно решили взять ее за руки, не знала, куда деваться. Так она просидела до конца сеанса, стесняясь убрать руки из их ладоней, но и не получая от этого ни ма-

лейшего удовольствия. Стоило пойти титрам, как она сделала вид, что смотрит на часы, и сказала, что тоже опаздывает на лекцию. Товарищи старались уговорить ее прогулять занятие, но Мила была непреклонна и ретировалась, надеясь, что огромная территория кампуса позволит им еще долгое время не встречаться.

- Ну и как прошло? – стараясь казаться веселой, спросила Аннет, хотя Мила прекрасно знала, что та жутко раздосадована из-за того, что оказалась обделена вниманием блондинов, которые предпочли ее подругу.

- Лучше и не спрашивай... - отмахнулась Мила.

- Ладно, не буду, - нахмурилась девочка, - а хотя нет, - засмеялась она, - выкладывай все со всеми мерзкими подробностями.

- Да нечего рассказывать, - передернула плечами Мила, - сходили в кино, они оба дышали мне в затылок, видимо считая, что меня это должно возбудить, а потом я сказала, что должна идти...

- Что-то я ничего не понимаю... они же тебе понравились?..

- Я думала, все будет не так... было как-то не по себе... давай не будем об этом, ладно?

- Ну... если все-таки захочешь поговорить, я рядом.

- Хорошо... просто, по всей видимости, я не из тех, кому нравится игра на два фронта...

- Ясно... - протянула Аннет, - какая-то ты сегодня странная...

- Просто нездоровится...

- Ладно... - недоверчиво покосилась подруга, сочтя, что товарка что-то недоговаривает.

Занятия оказались довольно интересными, преподаватели заботились о знаниях своих студентов, а сами ученики были приветливы с Милой, здороваясь при каждой встрече, даже если сталкивались раз по двадцать на дню.

Она оказалась довольно популярной и была желанной гостьей на любой вечеринке. Поначалу ей показалось нелогичным, что этот странный незнакомец переместил ее не в день, когда она должна была сообщить жениху об отъезде, а сразу в начало второго полугодия первого курса, но теперь понимала, что вряд ли смогла бы сама выстроить все столь удачно, как о том мечтала ранее. И с каждым днем пребывания здесь Мила осознавала, что эти полгода прожила вовсе не она, а какая-то другая девушка. Девушка, которой быть она мечтала, но никогда не

была.

- Хочешь чипсы? – протянула открытую пачку Аннет, сидя на зеленой травке перед учебным корпусом.

Холода уже отступили, и Туманный Альбион посетило весеннее тепло, приближая приход лета с каждым часом. Когда Мила осознала, что помимо всего прочего ее родители живы, она испытала шок и счастье одновременно. Первый телефонный разговор был столь чувственным и волнительным, что она чуть ли ни потеряла сознание. Теперь звонки были привычной частью ее существования, но приближение лета говорило о том, что скоро она должна будет вернуться домой на каникулы, где вживую увидит тех, кто давно уже умер в той другой жизни, в которой они от нее отказались. И, выходит, отказались и от своего внука. От Ванечки... Мила по нему скучала и порой просыпалась в слезах, мечтая обнять своего сына и просто быть рядом. Но каждый раз останавливала себя от того, чтобы вернуться, понимая, что это будет необратимо, и она вновь станет мечтать вернуться сюда, в свой сон, которому уже не будет суждено сбыться.

Она понятия не имела, что надо сделать, чтобы опять попасть в ту реальность, где она тридцатилетняя разведенка с неблагодарным сыном на руках, но что-то ей подсказывало, что, когда она окончательно решит быть там, а не здесь, тот незнакомец это поймет.

- Давай, - засунула руку в пакет Мила и выудила пригоршню картошки.

- Что у тебя с Нэйтоном? – поинтересовалась подруга.

- Ничего, он пригласил меня в кафе, а потом стал звать к себе в комнату в братстве, ну я его и послала, - пожалала плечами Мила, хрустя чипсами.

Они говорили об очередном ухажере, которого отшила Мила. Ее не прельщал интим на первом свидании, поэтому она категорически отвергала всех, кто пыталась залезть ей в трусики, не успев толком представиться. С тех пор, как она тут оказалась, у нее было два непродолжительных романа с ребятами с последнего курса. С малолетками Мила старалась не связываться, в конце концов, она еще помнила, из какого возраста вернулась в свои семнадцать. А таких одиночных свиданий у нее было хоть пруд пруди, но они ничем не заканчивались, оставляя лишь порой приятные, а порою не очень, воспоминания.

После расставания с женихом, Мила поняла, насколько иллюзорны могут быть чувства, которые ты считаешь самым важным в своей

жизни. Поэтому она стала довольно избирательной и не бросалась на первого же красавчика, обещающего ей луну с неба. Можно сказать, ей достаточно было ткнуть в любого из их студ-городка, чтобы он пошел за нею. Все, как она и мечтала... но при таком огромном выборе, когда ты можешь получить все, что хочешь, начинаешь хотеть гораздо меньше, чем можешь себе позволить. Ирония судьбы или же просто предрасположенность к вечному недовольству - не важно - результат был один: Миле наскучили ухлестывания за нею, и она стала задумываться о настоящих отношениях с одним-единственным, отказавшись от обилия предоставленного ей выбора самцов на любой вкус и цвет.

Покидая Хитроу, Мила старалась не думать о том, как сурово обошлись с нею папа с мамой в том другом мире. Здесь они в ней души не чаяли и наверняка уже были на пути в Шереметьево, чтобы встретить свою любимую дочурку, с которой не виделись несколько месяцев. Мила «помнила», как была дома на новогодних каникулах, как они гордились ее успехами в колледже, ознакомившись с табелем об успеваемости, который им ежемесячно высылали по почте. Но то была не ее встреча, а той незнакомой девчонки, за которой она наблюдала в своих снах. Теперь же именно ей, Миле, предстояло пообщаться с родителями, постаравшись не вспомнить ошибки, которые они так и не совершили.

Их разделяли всего несколько часов полета, и Мила судорожно тербила подлокотники кресла, дожидаясь встречи с отцом и матерью, которых не видела уже более четырнадцати лет и которых успела оплакать, узнав об их смерти.

- Милочка! – замахала рукою мама, стоя в толпе среди ожидающих. Папа заулыбался, встретившись глазами с дочерью, которая не удержалась от слез и постаралась быстрее пройти к своим родным.

Ее окутала волна счастья, нежности и теплых чувств к маме с папой, которые трепетно обнимали ее, приветствуя на родине. Им было много, о чем поговорить, и они говорили, говорили и говорили всю дорогу до дома, за ужином, и когда уже солнце скрылось за горизонтом.

Первые дни дома были очень радужными и веселыми, но, когда все по привычке к воссоединению, начались мелкие конфликты и взаимные претензии из-за долгого принятия ванны, грязной посуды и нежелания идти в магазин. С этими бытовыми проблемами Мила стала возрождать и чувства по поводу того, как с нею обошлись, когда там

она отказалась от поездки в Англию. Ведь, несмотря на то, что здесь этого не случилось, это были все те же люди, готовые отказаться от родной дочери, когда та приняла, пусть, показавшееся им глупым, неправильным и роковым, но свое самостоятельное решение, перечащее их ожиданиям.

Обстановка накалялась, и уже не было все столь мило и безоблачно, как в первые дни приезда Милы. Устав от надоедливой дочери, родители преподнесли ей подарок на восемнадцатый День Рождения в виде путевки в Грецию. Мила была рада, но прекрасно понимала, откуда ноги растут.

О таком ли она мечтала? Конечно, с теми знаниями, которые она имела из другой жизни, все казалось иначе. Была бы она счастлива, если бы никогда не побывала там? Никогда не вышла замуж, никогда не отказалась от учебы за границей и никогда не родила сына, тянущего ее назад... но ведь это ничего не меняло, как если бы жена не знала об изменах мужа. Он продолжал бы быть изменником, обманывающим ее и лгущим в глаза. Но тогда бы она, возможно, была счастлива? Хотя жила бы в святом неведении с тем, кто наставляет ей рога... наверное, спроси ее, хочет ли она знать, если ее муж ей изменяет, она сказала бы, что да... но редкая мудрая женщина сначала бы взвесила все за и против, а не торопилась с ответом...

И Мила понимала всю неоднозначность своего положения, желая остаться в неведении, ибо знания лишь причиняли боль, не неся в себе практической пользы, по крайней мере, она ее не замечала, но всякий раз представляя, что чудесным образом она забыла все воспоминания той жизни, Мила чувствовала себя обманутой, не решаясь отказаться от того, что знала.

Все же нельзя сказать, что Мила была несчастна. Скорее, она была счастлива. Да, определенно счастлива. Поэтому она окончательно убедилась в том, что родители были правы, говоря, что юношескую влюбленность глупо принимать за любовь и высказывать замуж за мальчугана, не имеющего ни кола, ни двора, ни жизненного опыта, ни ответственности даже за самого себя, а уж за жену с ребенком и подавно.

- Как лето провела? – после радостной встречи с объятиями и дружескими поцелуями спросила Аннет Милу.

Та рассказала о своей поездке в Грецию, где ее обихаживал один

статный грек, заслуживший ее благосклонность и незабываемый курортный роман с нею. Аннет в свою очередь поделилась своими похождениями, и обе еще долго муссировали тему «как я провел лето». Им было, что рассказать друг другу, но самые яркие впечатления от встречи с родителями Мила оставила при себе.

Начался новый учебный год, с ним пришли новые заботы и развлечения, в общем, все шло своим чередом, если для вас нормально оказаться в возможном прошлом, покинув то, что вы считали реальностью.

Мила усердно трудилась над учебниками и исправно посещала лекции, не желая и здесь оказаться поварихой, а планируя более престижную карьеру. Периодически она ходила на свидания, наслаждаясь обществом людей, которых никогда бы не встретила в своей прошлой жизни. Несмотря на их возраст – самому старшему из кавалеров было двадцать два года – большинство оказывалось гораздо умнее и образованнее тех, с кем Миле доводилось общаться после окончания школы. Избрав себе в мужья паренька, как выражались родители, не своего круга, она опустила себя до его уровня, несмотря на перспективы, ожидавшие ее при ином исходе. Сейчас же ей было приятно говорить на темы, не принятые среди ее прошлых знакомых, предпочитающих не нагружать мозг, а посасывать пиво на лавочке под хруст семок. Теперь она свободно общалась об истории, философии и политической обстановке в мире, пускай даже ее собеседники зачастую вели такие разговоры только ради того, чтобы затащить ее в постель. Но все дело в том, что они это могли. Могли без проблем поделиться знаниями в этих областях или затронуть иные вопросы, например, квантовую физику или дезоксирибонуклеиновую кислоту. И там раньше ей было интересно узнавать различную информацию из областей культуры и науки, но со временем и со всеми навалившимися проблемами с мужем, с ребенком, с работой Мила забыла, каково это открывать для себя что-то новое, а погрязла в бытовухе, забросив все помимо непреложных обязанностей. Порой она думала, что было бы интересно узнать то-то или то-то, но, приходя с работы, она валилась с ног, и ее хватало разве что на то, чтобы нажать на кнопку на пульте телевизора.

Теперь она видела, сколько всего интересного упустила в жизни, сколько информации, знаний и людей прошло мимо нее. Хотя порой Мила задумывалась о том, что все же дело вовсе не в том, что она не поехала в колледж, а в ней самой, в ее лени и отсутствии мотивации.

Ведь, если здраво взглянуть на вещи, ничто не мешало ей закончить не поварские курсы, а отучиться на вечернем или, хотя бы, заочном отделении института и получить ту профессию, которая не заставила бы ее стыдиться самую себя.

- Простите, а где здесь деканат? – спросил молодой человек Милу, вышедшую из аудитории после очередной лекции.

Девушка машинально начала объяснять, как пройти к искомому объекту, даже не взглянув на парня, она слишком пресытилась всеми этими красавчиками, встречающимися на каждом шагу. Тот поблагодарил и отправился в указанном направлении. Лишь тогда Мила мельком взглянула на незнакомца и тут же пожалела о своей невнимательности.

- Ты чего встала, как вкопанная? – толкнула ее в плечо Аннет.

- Кто это был? – заворожено спросила та.

- Ты о ком? О парне, с которым только что говорила?

- Ну да...

- Не знаю, - пожалала плечами подруга, - пошли в столовку, а то сейчас очередь соберется.

Мила не могла выкинуть его из головы. Он был красив, высок и выглядел старше, чем студент колледжа. Но помимо внешности в нем было нечто особенное, невидимое человеческому глазу. Но Мила это чувствовала. Чувствовала сердцем, в которое он проник, даже не представившись. Вот уж что называется любовью с первого взгляда, о которой она так мечтала, но давно разуверилась.

Именно так она себе это представляла: миг – и все, что было прежде, кажется бессмысленным по сравнению с этим чувством. Ты словно смотришь на мир другими глазами, все кажется иным и приобретает новые формы и краски. Все меняется, хотя на самом деле изменился лишь ты.

Мила задумчиво ковыряла свой ланч, смотря в невидимое остальным нечто.

- Ау, - помахала перед ее лицом ложкой Аннет, приведя ее в чувства. Мила вздрогнула и, смущенно улыбнувшись, вернулась к еде.

- О чем задумалась? – с ухмылкой спросила девочка.

- Да так...

- Ой, да ладно тебе! – встrepенулась Аннет, - уж мне-то ты можешь сказать. Хотя я и так уже все знаю.

- Он такой... такой... волшебный... - не удержалась Мила.

- Кх! – чуть не поперхнулась девочка, и, давась от хохота, переспро-

сила, - волшебный? Да кто так говорит, вообще?

- Я так говорю, - надулась Мила, уже пожалев, что открыла душу.

- Да ладно тебе, - смеялась Аннет, - ты же знаешь, что я шучу. Значит, ты запала не него?

- Я думаю, это слово здесь не совсем подходит...

- Даже так?

- Это больше...

Прошло уже несколько дней, а Мила так больше и не видела столь запавшего ей в душу незнакомца, хотя исходила всю территорию кампуса, бывая даже там, куда обычно не заглядывала. Она боялась, что уже больше никогда его не встретит, но это была ее сказка, посему подобный поворот событий оказался бы весьма нелогичен.

- Это он, - вцепилась в руку Аннет Мила, завидев его перед административным корпусом.

- Ауч, - с расстановкой произнесла подруга, чувствуя, как в ее кожу впиваются наманикюренные ногти взволнованной девушки.

- Извини, - опомнилась Мила и убрала руку.

- Ну что ж, - пожала плечами Аннет, - дерзай.

- Как?

- Подойди к нему и заговори. Маленькая, что ли?

- Вот так просто подойти и заговорить?..

- Можешь усложнить, если тебе так больше нравится, - хмыкнула та.

- Он идет в нашу сторону... - замерла Мила.

- Тем более, сам бог велел.

- Нет... нет, я не могу...

- Привет, - улыбнулся молодой человек Миле, проходя мимо.

- Привет, - промямлила она, проводив его взглядом.

Когда тот скрылся из виду, она поняла, что задержала дыхание, и тут же вдохнула, боясь потерять сознание от недостатка кислорода.

- Ну что ж, для начала неплохо, - потеряла подбородок Аннет, наблюдая за еле живой подругой.

- Он меня узнал... - бормотала Мила с блаженной улыбкой на лице, - узнал...

- Началось... - устало выдохнула Аннет, уже зная, что будет дальше.

И ее предположения оказались верны: после нескольких дней «приветствий без последствий» молодой человек подсел к Миле в столовой, когда Аннет задержалась на лекции, и сделал первый шаг, после кото-

рого их ждал долгий совместный путь рука об руку.

- Привет, я Джонатан, - без лишних инсинуаций сказал парень.

- Я Мила, - улыбнулась девушка, надеясь, что собеседник не слышит грохот ее норовящего от волнения выпрыгнуть наружу сердца.

Он оказался студентом университета, прибывшим для научных изысканий к местному профессору, чтобы собрать материалы для курсовой. Вскоре он должен был отправиться обратно, но расстояние было небольшим, посему это не было трагедией. После его отъезда молодые люди постоянно созванивались и виделись каждые выходные, а порой и на неделе, если у обоих находилось свободное время. Их отношения развивались стремительным, но естественным образом. Они не формировали события, но и не следовали графику, предписывающему, на каком свидании можно позволить поцелуй, а на каком пора переходить на более интимную стадию.

- Мне предложили работу, - сказал однажды Джонатан.

- Что за работа? – поинтересовалась Мила, сидя напротив него в ресторане.

- В Америке.

- И ты согласился?.. – чуть не выронила столовый прибор девушка.

- Я пока ничего не ответил... да и это только через полгода, когда я закончу университет... но я думаю сказать «да»...

- Но... - опустила глаза Мила, не зная, что и думать.

Они встречались уже четыре месяца, и девушка не видела своей жизни без него. Скоро подойдет к концу учебный год, она закончит второй курс колледжа, а он станет выпускником университета, который, оказывается, уедет в США, а не останется здесь с нею.

- И я хочу, чтобы ты поехала со мной.

- Что? – подняла глаза та.

- Выходи за меня, - вдруг выпалил он.

- Ты делаешь мне предложение? – лицо Милы озарилось. Это было столь неожиданно после услышанного, но столь долгожданно и естественно, будто иначе и быть не могло.

- Да, - уверенно ответил тот, - только, извини, я не купил еще кольцо... но ты сможешь выбрать себе любое, какое понравится...

- Мне не нужно кольцо, - улыбнулась девушка, - я согласна.

И Джонатан сообщил работодателям, положившим глаз на молодого-

го перспективного специалиста, что согласен на их условия. После выпускных экзаменов они с Милой поженились. Невеста была прекрасна в дорогом белом платье от именитого дизайнера. Эта свадьба была совершенно не похожа на ту, затерявшуюся в закромах памяти той другой Милы, у которой был сын Ванечка, стыдившийся ее и попрекавший бедностью. Теперь ее ждала совершенно новая жизнь, новый муж, новая семья. Но она все так же продолжала просыпаться по ночам в слезах, мечтая прижать к себе своего сынишку.

Вновь Мила отказалась от колледжа ради любви, но в этот раз ее суженный позаботился о том, чтобы ее приняли в местное учебное заведение, и его жена смогла закончить обучение, а не быть недоучкой. Она была ему за это благодарна, хотя теперь ее больше интересовали поварешки и вечерние посиделки с любимым, нежели учебники и надоедливые лекторы. Но она через силу продолжала ходить на занятия, чтобы не разочаровать его и довести дело до конца.

У них была, что называется, образцовая семья. Джонатан с Милой жили душа в душу, понимая друг друга и уважая свою вторую половинку. «Разве такое бывает?» - удивлялась Мила, не веря, что на ее долю выпало подобное счастье. После первого брака, о котором новый муж не мог и догадываться, она разуверилась в институте семьи и брака как таковом, а уж ввиду не сложившихся отношений после развода, она поставила крест на возможности существования столь идиллического союза в принципе. Но теперь вера вернулась, ибо воочию она созерцала то, о чем мечтают миллионы женщин по всему миру, но мало кто из них удостоивается такого подарка судьбы.

- Всем спасибо, до следующей лекции, - закончил занятие профессор, попрощавшись со своими слушателями.

Мила собрала тетради и направилась на выход из аудитории. Вдруг раздался писк, напоминающий ей о времени приема противозачаточных. Она вышла в уборную и достала блистер. Там оставалось две таблетки, одну из которых она тут же приняла и убрала последнюю в сумочку. Собралась на выход, но остановилась на полпути. Она посмотрела в календарь на телефоне. Сегодня была пятница. Каждую третью пятницу цикла Мила принимала последнюю таблетку из блистера, а на следующий день приходили месячные. Так было последние три года, что она провела в этом мире, и ни разу этот порядок не был нарушен.

Но сейчас была пятница, а у нее оставалась еще одна таблетка. Это могло означать только одно – в один из дней она забыла о приеме противозачаточных.

Для большинства женщин, находящихся в счастливом браке, подобное не показалось бы трагедией. Но Мила вовсе не планировала заводить детей с Джонатаном. У нее уже был ребенок, у нее был Ванечка, к которому она планировала вернуться, когда ее дни здесь будут сочтены. Но как она сможет это сделать, если в памяти окажутся другие дети, которых она никогда уже не увидит?

Не став медлить, Мила отправилась к гинекологу, надеясь, что это лишь ложная тревога, и пропуск одной таблетки не позволит ей забеременеть.

Но опасения ее были вовсе не беспочвенными. Оказалось, что Мила находится уже на третьей неделе беременности, и прихода месячных ей не стоит ожидать, примерно, месяцев девять.

Мила была не из тех, кто спокойно ложится на аборт и бежит по своим делам после убийства собственного ребенка. Она прекрасно себя знала и понимала, что с ее совестью этот номер не пройдет, и сказке придет конец, если в нее вторгнется подобное злодеяние.

Придя домой, Мила упала на диван и залилась слезами, не зная, что делать дальше. До прихода мужа оставалось совсем немного времени, поэтому она постаралась успокоиться, привела себя в порядок и принялась стряпать ужин, решив, что пока ничего ему не скажет о беременности.

Дни тянулись невыносимо медленно, и каждый раз Мила откладывала разговор с мужем. Она не знала, что делать, и варилась в собственных размышлениях и переживаниях. Там ее ждал сынишка, застряв во мгновении, в которое она исчезла из той реальности. И, если она туда не возвратиться, он так и останется застывшим навеки, словно и не существовавшим никогда. Словно та жизнь была лишь пшиком, а Ванечка бессмысленным отпечатком из забытого прошлого. Но ведь Мила могла вернуться обратно в любой момент, могла состариться в этой счастливой жизни, и на исходе лет стать вновь молодой и жить той жизнью, которую покинула. Но что станет тогда с этим ребенком? Да, сейчас она его еще не знает. Пока он лишь маленький комочек в ее животе. Но, когда он родится, Мила полюбит его, что казалось предательством по отношению к Ване, которого она променяет на нового ребенка. И когда она состарится, как сможет решиться на то, чтобы

навек покинуть ребенка из этой реальности? Как настоящая любящая мать может бросить свое чадо? Но ведь она уже это сделала... она бросила Ванечку, хотя и пытается оправдать все тем, что вернется к нему, а он даже и не заметит ее исчезновения, не будет иметь никакого понятия о всех годах, прожитый вдаль от него...

- Сыночек, - Мила стояла перед зеркалом, смотря на свой начавший становиться заметным животик. Она обращалась вовсе не к тому, кто в нем сидел. Она говорила с Ванечкой, который ее, конечно же, не слышал, - прости, мой родненький... прости...

Шли дни, недели, ребенок во чреве Милы рос и развивался. Скоро уже можно будет определить его пол. Конечно же, Джонатан уже был в курсе предстоящего пополнения и был на седьмом небе от счастья. Мила видела его улыбку, когда он прикасался к ее животу. От этого ей становилось невыносимо больно. Ей было обидно за Ванечку, который никогда не знал отцовской ласки. Когда она носила его под сердцем, его отец и не думал проявлять подобную заботу и интерес. И Мила всегда мечтала испытать подобное, всегда хотела найти мужчину, который сможет стать настоящим отцом и окутает ее нежностью в ожидании чуда, сделав беременность праздником, а не тяжким испытанием.

Она получила, что хотела. Получила то, о чем так долго мечтала. Но не была рада своему счастью, коря себя за предательство, за то, какую цену она заплатила и кем пожертвовала для этой идиллии.

У Милы началась бессонница, потому что каждый раз, закрывая глаза, она оставалась наедине со своими мыслями и чувствами, не дававшими заснуть. Жизнь ее превратилась в тяжелое испытание, несмотря на то, что у нее было все, о чем она мечтала, чего так страстно желала в той другой жизни.

- Я люблю тебя, - погладила она по голове спящего рядом мужа, - и никогда тебя не забуду.

Мила вылезла из-под одеяла и направилась в другую комнату. По щекам ее текли слезы, но она была полна решимости, зная, что так больше продолжаться не может.

- Верни меня обратно... - прошептала Мила, и только Бог знал, насколько тяжело ей дались эти слова.

Тишина.

Мила огляделась по сторонам, думая, что незнакомец где-то рядом.

Но того нигде не было.

- Я хочу вернуться, - теряя самообладание, повысила голос женщина.

Снова не получив ответа, она с надрывом выкрикнула:

- Я хочу обратно!

- Я знаю, как нелегко тебе дались эти слова, - наконец, послышался долгожданный ответ, - и я знаю, что иначе и быть не могло.

Мила открыла глаза и поняла, что лежит на полу в своей однокомнатной квартире.

- Мама, - испуганно повторял Ванечка, - мама, что с тобой? Мамочка, прости, я больше так не буду.

- Сыночек! – обхватила она его лицо ладонями, - любимой мой, Ванечка.

Женщина обняла мальчика, роняя на его разгоряченное лицо соленые слезы.

- С тобой все хорошо, мам? – не на шутку перенервничав из-за найденной в бессознательном состоянии матери, спросил сын.

- Теперь да, мой родной, теперь да.

Новогоднее чудо

Новый год – любимый праздник миллионов детей по всему миру. Они ждут подарков, они ждут праздничных угощений, они ждут чуда.

А еще они ждут того, кто все это им принесет, того, кем притворяются родители или приглашенные артисты на забаву малышне. В разных странах он носит разные имена и Корбобо, и Папа Паскуаль, и даже Йоулупукки... но в России этот персонаж известен всем как Дед Мороз. Старый добрый дедушка с красным носом и своей незаменимой внучкой Снегурочкой. Он появляется с большим мешком подарков на своих расписных санях и одаривает всех сполна.

Такой мы слышали эту историю с детства. И именно таким добрым и щедрым нам представляется Дед Мороз. Сказочный персонаж... вырастая, люди теряют веру. Веру в сказку, в волшебство, в чудо.

Но мир полон чудес! Только никто не говорил, что они могут быть исключительно добрыми.

Улицы устланы снегом, мерцающим в новогодних огнях, развешанных по всему городу. Всюду снуют люди, торопящиеся купить подарки для всех, кто им дорог, или кого они обязаны одаривать по долгу службы или иным жизненным обстоятельствам. Есть и те, для кого грядущий праздник лишь повод от души набить пузо и несколько дней ничего не делать. А кому-то и вовсе не до веселья, потому что для них это обычные рабочий день и рабочая ночь, лишённые улыбок и подарков друзей. Конечно, находятся и те, кто полностью свободен с тридцать первого декабря на первое января, но совершенно не горят желанием бдеть под елкой, дожидаясь боя Курантов. Они спокойно лягут спать, заткнув уши берушами покрепче, чтобы праздничные фейерверки не нарушили их безмятежного сна. Да, кто-то может поступить и так. Кто-то, но только не Ирочка, ожидающая своего первого Нового Года, в который ей разрешат не ложиться спать до самого его прихода. Она будет сидеть за столом, как взрослая, и загадает свое заветное желание ровно в полночь, когда один год сменит другой, дав надежду на лучшее будущее.

Она решила очень ответственно подойти к этому вопросу и в ночь с тридцатого на тридцать первое декабря легла пораньше, чтобы вы-

спаться и не уснуть до важного события. Весь последний день уходящего года Ирочка «помогала» маме на кухне, разбив пару яиц на полу и опрокинув миску со свеклой, только что сваренной для селедки под шубой. После чего она была выпровожена смотреть мультфильмы. С чувством выполненного долга девочка уселась на диван, и, уплетая шоколад, уставилась на телеэкран, передававший праздничные выпуски любимых анимационных фильмов.

Округу уже давно поглотила тьма, а Ирочка все еще бодрствовала, чувствуя, что с этого дня все будет иначе. В прошлом году ей было только девять лет, и мама не разрешила ей встретить с нею Новый Год, а уложила ее, как обычно, спать, будто это не была самая волшебная ночь в году. Но сегодня она, наконец, воочию увидит, как старый год уступает место новому. Раньше Ирочка силилась не уснуть до полуночи, чтобы встретить этот миг, пусть и в кровати. Но лежа в темной комнате, укрывшись одеялом, она раз от раза не могла дотянуть до заветного часа. Ее неминуемо клонило в сон, и она сама не замечала, как засыпала, открывая глаза, лишь когда новый год властвовал над миром всю, пробежавшись по планете.

- Пора за стол, - сообщила мама, и Ирочка тут же помчалась занимать отведенное ей место. Она нарядилась по случаю Нового Года, надев свое самое красивое любимое платье. Атмосфера праздника, запах хвои и мандаринов, стол, ломящийся от вкусностей – все это теперь и для нее тоже!

За столом уже собрались гости, некоторых из которых девочка даже не знала. Она заприметила знакомое лицо в дальнем углу комнаты. Это была дочь одной семейной пары, с которой мама Иры работала. Ирочка побежала, желая поздороваться с единственным помимо нее ребенком на празднестве, но не рассчитала и нечаянно задела бутылку водки, стоявшую со своими «коллегами» ровным рядочком вдоль стены.

- Ой... - остановилась она, не зная, что делать.

- Иди в свою комнату, - стиснула зубы мама, видя, как огненная вода растекается по полу вместо того, чтобы «согреть» собравшийся люд.

- Я уберу, - начала собирать осколки девочка.

- В свою комнату. Живо, - процедила женщина, - спать.

Эти слова прозвучали словно приговор. Ирочка попыталась уговорить маму, но та была непреклонна и выпроводила дочь в спальню, пригрозив смачной оплеухой.

Из глаз Ирочки текли слезы. Не так. Только не так она представляла

себе сегодняшние вечер и ночь. Она знала свою мать и знала, что та ни за что не выпустит ее до утра. Девочка опустилась на кровать и горько заплакала, стараясь не всхлипывать слишком громко, чтобы не получить дополнительное наказание.

Оставалось совсем немного до полуночи. За окном мерцали редкие звезды, пробивающиеся сквозь дымчатую городскую поволоку, а из залы доносились уже не совсем трезвые голоса, шутившие несмешные шутки и говорившие о странных для маленькой девочки вещах.

- Ненавижу... - одними губами произнесла Ира.

- Давайте-давайте-давайте! – донеслось из соседней комнаты. Считанные минуты отделяли от наступления Нового Года, и все торопились наполнить свои бокалы и написать желания на листочках.

А Ирочка лежала в темноте, наблюдая за переливающимися лампочками гирлянды на ее маленькой елочке. Она, может, и хотела бы уснуть, но уже не могла. Ей было плохо, одиноко и обидно. Обидно из-за несправедливости мамы и своей неуклюжести. И очень плохо из-за того, что этот год она встретит в полном одиночестве.

- Хоу-хоу-хоу, - раздался скрипучий голос, - или как оно там?..

Ирочка вздрогнула и попыталась разглядеть темную фигуру, появившуюся возле елки. Свет гирлянды скудно освещал комнату, лишь обрисовывая очертания предметов. И девочка смогла увидеть невысокого полноватого человека в шапке, отороченной мехом, и длинном пальто или шубе.

Незнакомец откашлялся и вновь заговорил наперебой с курантами, начавшими свой отсчет:

- Ты была хорошей девочкой, Ирочка?

- Д-да... - испуганно произнесла та.

- Не врешь?

- Н-нет...

- Молодец, - одобрил незванный гость, - люблю таких: лживых и дрянных девчонок.

Ирочка сглотнула и вжалась в стену.

- Вы Плохой Санта?..

- Ха-ха-ха, - утробно засмеялся тот, - это просто сказки, деточка. Неужели ты в них веришь? - незнакомец явно счел свою шутку остроумной и вновь загоготал. Отсмеявшись, он представился, - я... Дед Мороз.

- Значит... ты настоящий? – от удивления расширила глаза девочка, пытаясь разглядеть его лицо, поросшее растительностью.

- Как видишь, - расплылся в улыбке тот, сверкнувшей в отблеске мерцающих огней.

Ирочка вздрогнула и потерла глаза, надеясь, что увиденное ей только померещилось: изо рта Деда торчали длинные острые зубы.

Вскоре должен был раздаться последний удар из двенадцати, и наступить Новый Год. Ирочка взяла себя в руки и поторопилась, чтобы не упустить шанса:

- А я могу загадать желание?

- Загадать желание? – вновь скрипуче засмеялся Мороз, - загадать можешь.

- Я хочу, чтобы мама больше никогда на меня не ругалась и не наказывала, - протараторила Ира.

- Это можно, - вновь оскалился Дед, и девочка поняла, что ей вовсе не показалось, у него и впрямь торчал ряд острых, как ножи, зубов.

Шаркая по полу, он направился к двери, волоча за собой мешок и опираясь на длинную палку.

- А ты уже всем остальным раздал подарки? – спросила Ирочка, заметив, что мешок совершенно пуст.

- Сегодня я получаю подарки, - не оборачиваясь, сказал тот и прошел сквозь дверь, не открывая ее.

Ирочка была в полном смятении и растерянности. С ясельного возраста она слышала истории о добром Дедушке Морозе, который приносит детишкам подарки под елку. Когда-то она в него даже верила, но прошло время, малышка подросла и поняла, что Дед Мороз – это просто очередной мамин ухажер, нацепивший на себя красный халат и бороду из ваты. Теперь перед ней откуда ни возьмись появился этот сказочный персонаж с посохом, мешком и жуткими зубами, о которых ни в одной из новогодних историй не упоминалось. Радость и некий страх смешались воедино, путая мысли и чувства Ирочки. Но Дед Мороз пообещал, что исполнит ее желание! Это ли не радость? Это ли не Новогоднее Чудо?

Из залы доносились радостные крики гостей, приветствующих наступление Нового Года. Они кричали, поздравляли друг друга, взрывали хлопушки. Ирочка слушала их из-за стены, ожидая, что мама позовет ее ко всем, потому что Дедушка сделает ее доброй и хорошей. Но мама не шла, а крики становились все громче, только казались уже не такими радостными как в начале. С улицы стали слышны оглушительные раскаты салютов и фейерверков, из-за которых становилось почти

не слышно то, что происходит в квартире.

Вскоре остались лишь звуки грохочущих ракетниц и возгласы с улицы. В доме стихло.

- Хочешь быть Снегурочкой? – неожиданно услышала Ирочка и увидела, что темная фигура возвращается.

- Да! – радостно подпрыгнула она на кровати и мигом соскочила на пол, думая, что мама зовет ее ко всем остальным, а Дедушка Мороз останется на угощение.

- Идем, - протянул руку Дед.

Ирочка увидела, что на его заскорузлых пальцах, показавшихся синими и бородавчатыми, растут длинные ногти, больше похожие на звериные когти, которыми можно рвать добычу. Она немного замешкалась, но протянула свою маленькую ручку в ответ старику. «Ведь никого нельзя судить по внешности, - подумала она, - он же не виноват, что такой страшный». Докоснувшись до холодной кожи, Ирочка почувствовала, что та покрыта чем-то липким. Она хотела отдернуть руку, но Дед уже схватил ее и потянул за собой. Девочка молча послушалась и последовала за ним.

На этот раз Мороз открыл дверь, впустив в комнату свет, который тут же ударил Ирочке по глазам, привыкшим к темноте. Когда они миновали небольшой тамбур между комнатами, девочка потеряла глазки свободным кулачком и, прищурившись, посмотрела на своего проводника. Он был одет в потрепанную шубу и такую же шапку, из-под которой торчали серые спутанные волосы, похожие на проволоку. Над стариком возвышалась длинная палка, увенчанная огромным лезвием, в красных разводах. Это был вовсе не посох, а здоровенная коса, заточенная, как острая бритва. Ирочка опустила глаза на державшую ее руку Мороза и поняла, что та тоже измазана чем-то красным, а кожа и впрямь какого-то странного сине-зелено-серого цвета.

- Дедушка... - пролепетала Ира.

- Что? – резко обернулся Мороз, явив на обозрение свое серо-зелено-синее лицо, поросшее лохматой растительностью, которая тоже оказалась в красной субстанции.

- Ты в чем-то испачкался... - в маленькой головке не укладывалось то, что сразу бы зародилось в мыслях взрослого человека.

Тот промолчал и лишь улыбнулся, вновь показав свои острые зубы, оказавшиеся прозрачными ледышками, с которых стекали красные капли.

Ирочка почувствовала странный запах и только теперь посмотрела по сторонам. Красный цвет. Все в красном. Повсюду валяются непонятные ошметки, и все обои в каких-то красных разводах.

- Что это?.. – испуганно произнесла Ирочка, - где моя мама?

- А вот она, - скрипуче произнес Мороз и указал на огромную елку, стоящую в углу. Зеленая красавица, привезенная из заповедного леса, в котором она росла долгие годы, пока браконьеры не срубили ее под самый корешок, была украшена странными гирляндами и игрушками, а на самой верхушке красовалась голова матери Иры.

- АААА!!! – завопила девочка и попыталась вырвать руку, но Дед держал ее мертвой хваткой.

- Теперь она никогда не будет ругаться и наказывать тебя, - засмеялся Мороз, - я исполнил твое желание. Теперь твоя очередь.

Ирочка не прекращала кричать от ужаса, находясь наедине с непонятным чудовищем, разорвавшим в клочья всех гостей и украсившим елку их кишками и остальными потрохами.

Дед Мороз, все еще не отпуская Иру, подошел к своему мешку, который уже не был пуст, а оказался наполнен оторванными конечностями гостей и их требухой, которые он решил забрать себе в качестве новогодних подарков.

Девочка кричала без остановки, не видя и не слыша ничего вокруг. Она даже не заметила, как похолодало. Но, спустя несколько минут, мороз стал невыносимым и поубавил ее пыл. Она смотрела по сторонам, тяжело дыша и выпуская пар изо рта. Это была не ее квартира. Это вообще была не квартира. Больше не было красного. Лишь белый снег и вечно зеленые ели, чьи заснеженные ветви поблескивали в призрачном свете луны.

Она умоляюще уставилась на Мороза, который, наконец, отпустил ее руку. Ирочка хотела бежать, но страх и холод сковали ее тело, и она не могла сдвинуться с места.

- Моя Снегурочка, - страшно улыбнулся Дед Мороз, показав свои жуткие зубы-сосульки.

Из глаз малышки потекли слезы, тут же замерзшие на бледных щеках.

Мороз оскалился и схватил Иру. Не успела она опомниться, как почувствовала, что стоит спиной к чему-то твердому и холодному. Это был ствол дерева. Ствол огромной ели. Ее руки были связаны веревкой, протянутой вокруг всего толстого ствола.

- Снегурочка, - скаясь, произнес Мороз и больше не вымолвил ни слова за все то время, пока стоял напротив Ирочки, молившей его о пощаде до тех пор, пока холод не заставил ее замолчать навеки.

В один конец

Белобрысый парень шел по пустынной улице, пиная мыском потертой кроссовки жестянку, лязгающую при каждом соприкосновении с асфальтом. Постапокалиптический пейзаж навевал мысли о том, что он последний человек на земле. Возможно, ему так было приятно думать, ведь он безумно устал от общества своих родных и знакомых. Но не было никаких катастроф и жутких вирусов, покосивших все население планеты или превративших их в агалтельных зомби, пожирающих всех на своем пути. То был простой заброшенный район некогда процветающих фабрик и заводов, в середине двадцатого века ставших градообразующими предприятиями для небольшого поселения в Сибири. Апокалипсис пришел, быть может, только для этих ветхих зданий, полвека назад дававших надежду на светлое будущее, и этому светлому будущему людей, веривших в торжество коммунизма. Чуть поодаль находился санаторий, такой же обветшалый, как и эти мертвые отголоски прошлого, в которых, казалось, если прислушаться, можно и сейчас уловить звуки разговоров фабричных работников, обсуждающих начальника цеха на перекуре.

В строительстве этих нынче бесполезных развалин принимал участие его прадед, потом дед гнул спину на алюминиевом заводе, отец паренька пошел по стопам своего предка, но после развала СССР был вынужден стать разнорабочим и перебиваться случайными заработками. Теперь же его сын стоял перед выбором, который делать не имел ни малейшего желания. Он был и очевиден и болезнен в одно и то же время: остаться с семьей, отказавшись ото всех перспектив и мечтаний, или уехать, бросив их загибаться в этом богом забытом месте.

- Эй, красotka! – раздался голос с хрипотцой.

Парень, не отрывая взгляда от жестянки и не замедляя шаг, вытянул средний палец и выставил его в сторону, откуда доносился звук.

- Ого-го, Златовласка сегодня не в духе, - заржал Хриплый.

- Ладно тебе, Алекс! Иди к нам, - позвал другой голос, принадлежавший приземистому мальчугану с испещренной шрамами головой, создававшими впечатление, что у него нечто вроде лишая.

- Вы уж как-нибудь без меня сегодня, - наконец, отозвался белобрысый, все же не отрывая взгляда от жестянки.

- Как знаешь, - пожал плечами Плешивый, - нам больше достанется! Светловолосый паренек поднял обе руки, сжав их в победном жесте, тем самым с сарказмом желая знакомым удачи в их начинаниях.

- Да пошел ты, Алекс! – взорвался Хриплый, поднявшись с корточек и начав кричать что есть мочи, высовываясь из зияющей дыры в стене старого санатория, - думаешь, ты лучше нас?! Думаешь, уедешь отсюда, выучишься и станешь чистеньким и умненьким, а?! Никому ты там не нужен! Ты всегда останешься дворовым оборванцем с кудряшками, как у девчонки.

Светловолосый паренек стиснул зубы и сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает злость. Он частенько дрался с этим соседским забиякой с хриплым голосом, давшим повод придумать ему кличку, заменившую имя, по которому долгие годы к нему уже никто не обращался, разве что мать да старая бабка, дни которых уже должны были быть сочтены, но она все еще цвела и пахла самогоном, которым снабжала добрую половину молодежи в городишке и которым «лечилась» сама.

- Иди сюда, и посмотрим, кто из нас девчонка! – выпалил Алекс, не найдя в себе сил сдержаться.

- Пф! – фыркнул Хриплый и сплюнул сквозь расщелину между зубов, - отсоси, - он схватился за свою промежность и потряс ею, дразня соперника.

Светловолосый знал, что тот хочет вывести его из себя, поэтому решил не поддаваться на провокацию и просто крикнул в ответ:

- Пилотку не сосут!

- Что ты сказал?! – лицо Хриплого исказила гримаса злости, - а ну повтори!

- Хотя откуда тебе знать, что с ней делают? – засмеялся Алекс и вернулся к своей жестянке, не обращая внимания на вопли старого знакомого.

А тот не мог оставить все, как есть, и помчался вниз по полуразвалившейся лестнице, чтобы настигнуть обидчика, удаляющегося вниз по безлюдной улице, ведущей в лесной массив.

Алекс слышал звук приближающихся шагов, но делал вид, что ничего не замечает. Почувствовав, что преследователь уже в паре метров от него, он резко развернулся и выставил ногу, оставив свою банку в покое. Нога, обутая в старую кроссовку, угодила Хриплому прямо в солнечное сплетение, и тот, издав глухой сип, опустился на колени, пытаясь унять боль и восстановить сбившееся дыхание.

- Я тебя урою! – слышал хриплые угрозы Алекс, медленно скрываясь за могучими деревьями, меж которых петляла извилистая тропинка.

Он знал, чем его приятели собираются скрасить свой досуг, к которому приглашали присоединиться и его. Многообразием их развлечения не отличались: самогон бабки Хриплого или «Момент» из ларька, которым они закупались уже столько раз, что могли бы приклеить обратно все отвалившиеся плиты и балки санатория. Саша и сам раньше не гнушался этих забав, но годы шли, он вырос, понимая, что от подобных дел проку никакого, пока остальная компашка застряла в своем развитии, решив считать, что тот отщепенец, ставящий себя выше других.

Светловолосый паренек шел к заброшенной спортивной площадке, которая раньше служила местом для оздоровления организма отдыхающих. Сейчас же ржавые турники и прогнившие скамьи для пресса и тяги не пользовались особой популярностью. Пожалуй, Саша здесь и был единственным завсегдатаем. Большинство местных, не отличавшихся благосостоянием, находили увеселение в уже упомянутых химсредствах или время от времени предавались мордобоем и футболу во дворовых полуразвалившихся спортивных коробах. Конечно, были и такие «отщепенцы» от местных «традиций», как и Алекс, но предпочитали относительно новые спортивные комплексы, оборудованные в некоторых из дворов и на стареньком небольшом стадионе. Саша же выбрал уединение. Так у него было время подумать, или не думать вообще, сосредоточившись на очередном подходе, которому не было нежеланных свидетелей, готовых подтрунивать над любителями ЗОЖ.

Мускулы напрягались под смуглой кожей, поджаренной жарким летним солнцем северных широт. Пот стекал, оставляя влажные бороздки на рельефных изгибах крепких мышц. «Двадцать, двадцать один...» - мысленно считал Алекс, подтягиваясь на турнике, оставившем ни одну мозоль на его ладонях. Он не хотел походить на беззубую гопоту и худющих токсикоманов, коими был полон его район. Лет десять назад он с семьей был вынуждены переехать из центра их городка на окраину, называвшуюся Выселками, куда в свое время селили откинувшихся с зоны бывших зеков. Контингент там был соответствующий. В центре же были отстроены новые дома для местной элиты, нуворишей, поднявшихся в девяностые, и приезжих толстосумов, решивших освоить новые горизонты. Те выглядели гораздо приличнее жителей Выселок. И, хотя Алекс принадлежал к последним, он

понимал, что это лишь территориальный признак, мало отразившийся на его внешности и внутреннем мире. В свете этого было совершенно неудивительно, что большинство местных девчонок предпочитало его большинству остальных высленцев.

Саша родился похожим на ангелочка с золотистыми кудряшками. Он не был лысым, как многие младенцы, а с первых дней мог похвастаться симпатичной шевелюрой, ставшей его визитной карточкой и в более зрелом возрасте. Сначала родители думали, что волосы потемнеют с годами, потому что в роду блондинов у них не было. Но, несмотря на прогнозы, мальчуган остался таким же светловолосым, как и при рождении, даже закончив школу и техникум. К этому времени он вымахал почти под два метра, до которых не хватало каких-то девяти сантиметров, и набрал мышечную массу внушающую зависть и уважение его сверстников мужского пола и влюбленность у девчонок, выдавших подобное, быть может, только в кино. Помимо красивого тела весом около девяноста килограммов, среди которых не было и капли жира, Алекс мог похвастаться лицом парня с обложки и приятным глубоким голосом, с которым сипы Хриплого не шли ни в какое сравнение. Голубые глаза, дополняли образ неотразимого красавца, сочетающего в своем образе нежность и грубость. Несмотря на светлые кудряшки и небесного цвета очи, мало кто бы мог сравнить его с сопливым мальцом из бойз-бенда, потому что в его облике была видна мощь, из-за которой он выглядел бы довольно нелепо, скача по сцене и манерно подвывая «О, йеееееее». Немного скошенный вправо нос из-за перелома, полученного во время уличной драки еще в школе, придавал Саше мужественности, нисколько не портя общий вид. Некоторая асимметрия наблюдалась и в губах, из-за чего казалось, что на лице парня вечно присутствует лукавая ухмылка, заставляющая гадать, что его заставляет улыбаться.

«Сорок пять, сорок шесть...» - стиснув зубы, Алекс продолжал работать над своим телом, нагружая его под завязку, чтобы усталость не давала возможности слишком сильно погружаться в размышления о будущем.

Он не был круглым отличником, но закончил школу и техникум без единой тройки, подавая неплохие надежды. Пока зарабатывал на жизнь ремонтом автомобилей в одном из гаражей местного бывшего нового русского, потерявшего большую часть своего состояния после кризиса девяносто восьмого, но планировал перебраться в культурную

столицу России, где хотел поступить в ВУЗ, имеющий возможность дать ему дорогу в будущее, должно оказаться светлым, успешным и счастливым. Алекс вовсе не хотел повторять судьбу родителей, вынужденных перебиваться с копейки на копейку, чтобы прокормить семью. Хотя последние годы он и помогал им, этого, все равно, не хватало, так как помимо их в семье было еще трое несовершеннолетних детей, бабушки с дедушками и его племянница, рожденная одной его несовершеннолетней сестрой от уже успевшего спиться одноклассника.

И вот именно всех этих людей в количестве десяти штук Алекс должен был бросить гнить на Выселках, сам же уехав в Питер и строя свою жизнь отдельно от них. Его всегда растили, внушая, что он старший и должен заботиться об остальных. Он это прекрасно понимал. Как понимал и то, что, выучившись и устроившись на нормальную работу, он сможет заботиться о них гораздо лучше, чем будучи рядом и горбатясь за копейки. Потом, в конце концов, помимо заботы о жизнях родных, Алекс считал себя вправе позаботиться о жизни собственной, а не положить ее к ногам кого бы то ни было, пусть и тех, с кем он связан узами крови.

«Пятьдесят», - достиг нужного числа светловолосый паренек и опустился на землю, принявшись разминать руки с проступающими на них венами.

Восстановив дыхание, Алекс перешел от перекладки к другим тренажерам, желая оттянуть возвращение домой на как можно больший срок. С тех пор, как он сообщил родным о своем желании уехать, в семье возник разлад, из-за того, что мало кто поддерживал его стремления, настаивая на том, чтобы он выкинул из головы эту затею. Только дедушка по материнской линии считал, что внук должен построить свое собственное будущее без оглядки на тех, кто не в состоянии позаботиться о себе самостоятельно. Пусть Саша и старший сын, но по какому такому праву все остальные должны вскарабкаться на его шею и свешивать ножки? Он всегда помогал без напоминаний. Родители и остальные дети в семье привыкли к этому и не хотели лишаться такой опоры, несмотря на то, что эта опора живой человек со своими планами и потребностями. Бабушка же по материнской линии просто-напросто очень боялась за внука, решившего уехать так далеко от семьи, хотя хотела, чтобы тот достиг своей мечты, а бабка с дедом с отцовской стороны считали его самонадеянным дураком, который окажется никому ненужным вдали от дома.

Начало смеркаться, и Саше пришлось покинуть площадку в лесу, иначе он не смог бы найти тропку до самого рассвета. Он шел домой, то ускоряя, то замедляя шаг. Алекс прекрасно знал, что в Выселках его никто пальцем тронуть не посмеет, быть может, кроме Хриплого, которого он отправит в отключку одним точным ударом. Но путь из леса лежал через Кукурузник, так называли соседний район, с которым у шпаны из Выселок было нешуточное противостояние. Такое всегда возникает, когда люди не знают, как еще почувствовать свою значимость в этом мире. Так вот идти через Кукурузник ночью в одиночку парню из Выселок было подобно самоубийству, даже если он и сильнее среднестатистического мужчины, ведь когда на тебя нападает толпа, вооруженная цепями и ломami, никакие мускулы не спасут. Так что Саша машинально прибавлял скорость, понимая, что не желает пасть жертвой головорезов из соседнего района, но тут же начинал сбавлять шаг, когда вспоминал про обстановку дома.

Заходя в обшарпанный подъезд, Алекс услышал подозрительный шорох, доносящийся с лестницы за старым лифтом с решеткой. Он поторопился проверить, что там происходит, потому что не мог потерпеть безобразия в своем доме.

- Нинка?.. – опешил он, увидев сестру, пытающуюся разогнать висящий в воздухе сигаретный дым, - ты что тут делаешь?

Рядом стоял куцый паренек синюшного вида, жмующийся в стену и дрожащий от страха.

- Тебе-то что? – приняла оборонительную позицию девчонка, - ты скоро, все равно, уедешь, так что не делай вид, что тебе есть до меня хоть какое-то дело.

- А ну пошла домой, - стиснул зубы старший брат. Подобного обращения от сестры он потерпеть не мог, тем более в присутствии посторонних.

Синяк нервно бегал глазками, смотря то на Сашу, то на Нину, не проронив и звука.

- А ты чего тут трешься, гаденыш? – наконец, обратил на него внимание Алекс.

- Ды... я... так... просто... - противным голосом начал оправдываться мальчуган, не зная, куда бежать: вверх смысла нет, а нижний пролет перегородил этот амбал.

- Я тебе говорю, что, если еще раз увижу тебя рядом с Ниной, будешь собирать остатки зубов с земли?

- Дык... я же... это самое... - продолжал гнусавить шкет, ползя вверх по стеночке.

Нина так и не сдвинулась с места, несмотря на слова брата.

- Домой пошла, - повторил свою «просьбу» Алекс, придвигаясь к нежеланному спутнику младшей сестренки, который и умудрился оплодотворить ее, сделав несовершеннолетней мамой.

- Оставь его в покое, - вдруг вступилась девочка, - и я никуда не пойду. Если думаешь, что можешь вот так вмешиваться в мою жизнь, то ты ошибаешься! Сегодня ты здесь, а завтра тебя и след простыл, что мне тогда прикажешь делать? Я должна принимать самостоятельные решения. И я решаю сама, с кем и когда мне общаться.

- Рот закрой, - оборвал ее брат, - ты уже приняла самостоятельное решение, когда раздвинула перед вот этим ноги. Теперь иди к результату своих действий и утирай ему сопли, а не лясы точи с этим ничтожеством. А шантажировать «уедешь – не уедешь» будешь свое говно в сортире, поняла?

Нина не нашлась, что ответить, и, стараясь проглотить вставший поперек горла ком, поплелась в квартиру.

Когда сверху донесся звук захлопнувшейся за девочкой двери, Алекс схватил за шкурку смердящего перегаром паренька. Когда оба оказались на улице, он легонько всадил ему кулак в зубы, оставив во рту кровавое месиво.

Саша редко кому-то угрожал, но каждую угрозу приводил в исполнение.

Дома все уже давно поужинали, оставив старшему из сыновей еды с гулькин нос. Такими способами домочадцы пытались заставить его остаться, думая, что, если будут наказывать его за неудобное им решение, он его переменит.

Алекс был голоден, как волк. Он сжал руки в кулаки, видя жалкие макароны на дне сковороды, разбавленные парочкой комочков фарша, и молча вышел из кухни, где отец курил дешевую папиросу.

Отец с матерью ошибались, думая, что подобные методы сработают. Они только раззадоривали паренька, добавляя аргументы на чашу весов выбора отъезда.

Саша ушел, хлопнув дверью, и направился в ночной магазин, удивив продавцов ассортиментом покупаемых товаров. Обычно в это время брали только чекушку или пиво с сухариками, а тут ингредиенты для полноценного ужина. Закупившись, парень пошел за дом и развел

костер, на котором пожарил курицу и запек картошку. Он вовсе не хотел никому ничего доказывать, придя домой и приготовив у всех на глазах единоличное угощение. Он просто хотел есть.

Еда не принесла желаемого удовольствия, но дала насыщение. И на том спасибо. Обида и непонимание, не давали почувствовать вкус пищи, которую Алекс заглатывал кусками, еле пережевывая.

Как его родные мать и отец могут не желать ему счастья? С каких пор они забыли, что он ко всему прочему их сын, а не просто ломовая лошадь и кормилец? В конце концов, не он рожал своих братьев и сестру с ее ребенком, чтобы отвечать за их сытые желудки. Почему же эту ответственность перекалдывают на него? Он не против помогать. Ни в коем случае. Он просто тоже хочет жить. Жить так, как сам сочтет нужным, а не так, как ему укажут те, кто в итоге не в состоянии отвечать за свои поступки, раз не могут вытянуть самостоятельно тех, кого произвели на свет. А ведь когда-нибудь он тоже захочет завести собственных детей. Что тогда? Ему запретят, сославшись на то, что не хватит пропитание на братишек, сестренки и племяшки?

Несмотря на горечь от сложившихся обстоятельств, Саша в глубине души был доволен, что все именно так, а не иначе. Ведь попробуй родные поговорить с ним по душам, будь они милыми и участливыми, дай они ему спокойно понять, каково им будет без него, он бы не нашел в себе сил уехать. Он бы отказался от этой затеи. Он бы остался на Выселках, о чем бы жалел всю свою оставшуюся жизнь.

А так, следующим же вечером Алекс стоял у билетной кассы на вокзале в соседнем городе с огромным рюкзаком за спиной и уверенностью в правильности принятого решения. Единственное, о чем он жалел – это то, что не сделал этого раньше, когда шел основной набор в ВУЗы. Теперь же ему оставалось надеяться, что в нужных ему университетах будет набор дополнительный. Но в любом случае, если не сможет поступить на этот год, устроится на работу в Питере, благо парень он смысленный и рукастый - не пропадет.

- До Санкт-Петербурга, пожалуйста, - сказал он грузной женщине за стеклянным окошком с прорезью в виде полукруга.

- До Питера только с Якутска, - лениво выдавила она.

- Тогда до Якутска, - пожал плечами Саша.

- А до Питера надо?

- Вы же сказали, только с Якутска? – растерялся парень.

- Билет можно купить здесь, поезд едет от Якутска, - причмокнула

губами женщина, не скрывая своего раздражения и усталости от жизни и всех проходимцев с кучей вопросов, тычущихся в ее окошко.

- Тогда до Якутска и до Питера от Якутска.

- Туда-обратно или в один конец?

И в этот момент у Саши сердце ёкнуло. Он понял, что не сможет завтра увидеть привычные лица родных, пройтись по знакомым улочкам и ухватиться за старую ржавую балку в лесу, чтобы сделать на ней свои пятьдесят стандартных подтягиваний.

- В один конец, - слотнув, выдавил парень.

Словно во сне, Алекс проследовал в конец платформы и опустился на пустое сидение. Народу было немного: пожилая парочка с внуком, трое мужчин, коротающих время за партией в подкидного дурака, да побитый пес, ютящийся возле оградки, через которую свисали ветви раскидистых деревьев.

На горизонте стали появляться первые отблески заката, словно солнце прощалось со взявшим билет в один конец светловолосым пареньком. Его кудри переливались в лучах готовящегося ко сну солнца, напоминая колосья яровой пшеницы на бескрайних полях суровой якутской земли. Он слышал, что такой природы, как здесь, не сыскать во всем Центральном регионе. Но разве мог он думать о какой-то там травке и цветочках, когда вопрос стоял о его будущем? Да и когда он любовался природой? В его родном городишке, она была хорошо запрятана за мусорными кучами и старыми развалинами, портящими весь пейзаж.

Но он будет скучать. Скучать даже по этим развалинам и мусорным кучам, по товарищам, с которыми они знакомы с молодых ногтей, и даже по Хриплону, никчемному и беззаботному.

А может, ему просто страшно. Еще ни разу в жизни он не был нигде дальше этой вот платформы, на которой ранее появлялся лишь в качестве провожатого, но отбывающего - никогда. Алекс мог неделю провести в тайге, охотясь и сражаясь с дикими условиями, но и представить не мог, что такое условия большого города, не менее дикие и суровые, несмотря на цивилизацию.

Он безумно хотел повернуть назад, и когда заходил в электричку до Якутска, и когда сидел там на вокзале, дожидаясь поезда дальнего следования, и когда предъявил свой билет проводнику, впустившему его в тамбур.

Жесткая лежанка в плацкартном вагоне дополняла картину, усиливая желание вновь оказаться дома в теплой постели. Алекс еле уместился на верхней боковой полке, сквозь тьму ночи всматриваясь в похрапывающих попутчиков. Стук колес не давал уснуть, давя на разболевшуюся от переживаний голову.

Казалось, пока он не в Санкт-Петербурге, еще все можно изменить, можно повернуть время вспять и оказаться на пороге родной квартиры на Выселках. Но поезд неумолимо уносился вдаль, увозя своего юного пассажира прочь от родных пенатов.

Время от времени мимо проходили темные силуэты страдающих покурить в тамбуре или справить нужду, смыв отходы своей жизнедеятельности на железнодорожное полотно.

Наутро Саша ни с кем не разговаривал, несмотря на природную общительность и раскрепощенность. Большинство соседей по койкам уже обзавелись новыми знакомыми и попивали вместе чай или чего покрепче. Он же сидел в полном одиночестве, молча наблюдая за проносящимся за окном пейзажем.

Так он сторонился всех и каждого вплоть до самого пункта назначения.

Питер пугал. Толпы разномастных незнакомцев, спящих туда-сюда. Цыганы, бомжи и просящие милостыню оборванцы. Алекс был в смятении. Не так он представлял хваленую культурную столицу.

Солнце палило, нагревая асфальт, источающий неприятный запах. Пыль и сажа, затрудняющий дыхание спертый воздух.

«Еще не поздно вернуться», - вопил внутренний голос. Но Саша знал, что уже поздно, что пути назад нет, иначе он всегда мысленно будет возвращаться в это место и думать, а что бы было, если бы он не струсил.

Покинув вокзал, Алекс с облегчением заметил, что все не так уж плохо, и кругом гораздо меньше неопрятных бородатых алкоголиков и подозрительного вида личностей. Медлить он не стал и сразу же после заселения в дешевенькую гостиницу на окраине стал обзванивать все интересующие его ВУЗы.

Но на этот раз ему не повезло, и поступление пришлось перенести на следующий год.

Саша старался не унывать и, как и планировал, устроился на работу,

чтобы не прозябать в нищете. Его взяли механиком в автомастерскую, и вскоре он съехал из своего временного пристанища, сняв угол в коммуналке.

Домой он писал с завидной регулярностью, но единственными его ответчиками были бабушка с дедушкой с маминой стороны. Больше никто не удостоил его вниманием, держа обиду за его «предательство».

Так продолжалось целых семь лет, пока Алекс работал в автомастерской а потом и учился в университете. Защитив диплом, он стал думать о том, чтобы навестить родных. Он и раньше, конечно, задумывался об этом, хотел съездить на летних каникулах, но никак не решался, зная, что уехать обратно в Питер будет, возможно, даже сложнее, чем это удалось ему в первый раз. Но теперь кое-что изменилось: вот уже два года Алекс встречался со своей теперь уже бывшей однокурсницей, и они собирались пожениться. Несмотря на свой дерзкий поступок семилетней давности, Саша чтит традиции и хотел, чтобы его отец с матерью узнали его невесту прежде, чем она станет их снохой.

- А если я им не понравлюсь? – подправляла макияж перед складным зеркальцем Вика.

- Разве ты можешь кому-то не понравиться? – улыбнулся Алекс и чмокнул невесту в щеку. Затем отвернулся, устремив взор в иллюминатор, за которым проплывали кучевые облака.

Они летели навстречу его родным, уже не заботясь о том, что на билет хватает еле-еле. Оба неплохо зарабатывали, начав практику еще на третьем курсе, а теперь будучи высокооплачиваемыми специалистами в области экономики. Но в душе Алекс был все тем же пареньком из Выселок, мечтавшем вернуться в центр города. И он знал, что прием может оказаться далеко не столь радушным, как хотелось бы.

Дверь открыла девица с опухшим лицом, выглядящая лет на тридцать.

- Вам ког... Алекс?.. – проскрипела она, расширяя заплывшие глаза от удивления.

Он вглядывался в незнакомку, улавливая в ее испещренной оспинами физиономии знакомые черты.

- Нинка?.. – опешил Саша от своей догадки.

- А ты принцессу Диану хотел увидеть, что ли? – оперлась она на косяк, заняв оборонительную позицию, - а это еще что за фифа? – кив-

нула в сторону Вики Нина.

- Это моя невеста, - промямлил брат, даже позабыв отчитать за столь неуважительное отношение к его спутнице сестру, по виду которую уже сложно было назвать младшей.

- Здравствуйте, - выдавила Вика, испуганно поглядывая на своего жениха и мечтая поскорее вернуться в обратно.

- Богатенькую себе нашел? – хмыкнула девица и, сплюнув, попыталась захлопнуть дверь.

Алекс машинально выставил ногу.

- Где мать с отцом и остальные? – сухо спросил он, стараясь подавить горечь от созерцания того, в кого превратилась его сестренка.

- Остальные? – приподняла брови та, - померли все остальные, только дед Петр остался. Пошел мне за водкой, старый хрыч.

Саша резко оттолкнул дверь, ввалившись в квартиру и не заметив, как Нинка рухнула на пол.

- Ты забыл, что ты здесь больше не живешь, а?! – рассвирепела Нина, пытаясь подняться, - ты сделал свой выбор, уехав от нас! Теперь думаешь, можешь припереться обратно такой весь чистенький со своей шалавой и снова хозяйничать?! А вот это ты видел?! – она выставила ему кукиш, брызжа слюной.

Вика осталась стоять за порогом, ошарашенная всем происходящим.

- Как умерли? – хватал ртом воздух Саша, - а бабуля? Бабушка Зина? Как же?.. она же мне писала...

- Два года нет твоей Зины!

- А братья где?..

- А эти-то... Димка на зоне, а Пашка убежал из дома после тебя, братец.

- Где мать с отцом? – попытался взять себя в руки Алекс.

- На работе, где им еще быть-то?

- Когда придут?

- Часов в восемь-девять.

- Сашенька? – послышался слабый голос из-за спины, - Сашенька, внучик мой!

Алекс обернулся и увидел скукоженного и совсем постаревшего дедушку, выронившего из рук пакет. Тот упал на кафельный пол лестничной клетки, о который с дребезгом разбилось его содержимое.

- Упырь! – завопила Нинка, поняв, что внутри были ее драгоценные бутылки. Она метнулась, норовя ударить старичка в живот.

Алекс машинально поставил блок, и Нинка повалилась на пол, громяхая костями.

- Деда, - огромный детина притянул к себе маленького дедушку, роня слезы на его дрожащие плечи, - деда, где бабуля? Где бабуля, деда, а?

Нинка отползла вглубь квартиры, негодуя от случившегося. А Вика не знала, куда деваться в столь странной обстановке.

- Нет больше бабули, внучик, умерла она... - дрожащим голосом сказал старичок.

- Но... как же так? Чьи же это были письма?..

- Я писал тебе...

- Почему не сказал? Почему не написал, что она умерла?

- Она сама так просила... не хотела, чтобы ты все там бросил, чтобы приехал и увидел, что тут происходит... ты бы решил остаться... решил, что все из-за твоего отъезда... а она хотела, чтобы у тебя был шанс... чтобы ты жил своей жизнью, а не пытался вернуть к нормальной жизни их...

- Боже мой, бабуля! - прижал еще крепче к себе своего дедушку Саша, - бабуленька...

Когда вернулись родители, стало ясно, что дедушка так и останется единственным, кто рад приезду Алекса.

Вика уже успела не раз пожалеть, что согласилась на все это:

- Может, переночуем в отеле? - шепотом спросила она своего избранника, надеясь, что тот не будет возражать против этого.

- Да, так будет лучше, - согласился он, не видя смысла оставаться с людьми, которые считают его чужаком и предателем, несмотря на то, что он уехал в Питер и ради них в том числе. Он отправлял им ежемесячно деньги со своей зарплаты, оставляя себе копейки, которых еле-еле хватало на еду и оплату жилья. Когда дела пошли в гору, он уже и сам не бедствовал и увеличил дотации для родных. Но тем нужен был козел отпущения, нужен был тот, на кого можно было повесить все беды, произошедшие после отъезда «блудного сына». Мать с отцом обвинили Алекса и в том, что младший сын сбежал из дому, несмотря на то, что это они были его родителями и упустили мальчика; и в том, что средний сын оказался в тюрьме за разбойное нападение; и в том, что Нина превратилась в потасканную алкоголичку, готовую встать перед расстегнутой ширинкой на колени за стакан водки; и в том, что ее дочь забрали в детдом после лишения родительских прав, хотя малышку

вполне могли бы оставить, согласись взять за нее ответственность и опеку родные дед с бабкой. При всем при этом деньги от сына принимались с великой охотой, но без малейшего намека на благодарность.

Как только Саша с Викой вышли за порог, из квартиры послышался голос Нины:

- Ну что, хрыч, где моя водка?

- Так разбилась она, Ниночка... - дрожащим голосом произнес дедушка.

- А сейчас твоя башка разобьется о дверной косяк, - осклабилась «любящая» внучка.

- Хватит шуметь! – крикнула мать, валяющаяся с ног после работы.

Саша резко развернулся и нажал на дверной звонок, не отпустив его до тех пор, пока ему ни открыли.

- Дедушка идет со мной, - тоном, не терпящим возражений, заявил он, с ненавистью глядя на опустившуюся сестру и мать, которой наплевать на родного обессилевшего отца. Он совершенно не узнавал своих родителей, лишь теперь окончательно сняв очки детской наивности, превозносящей отца с матерью до уровня богов.

- Одним ртом меньше, - бросил отец из кухни.

- А водку мне кто принесет? – было начала Нинка, но тут же скрылась в комнате, увидев, как Алекс сжал кулаки.

Дедушка с благодарностью смотрел на внука, его морщинистое лицо озарила счастливая улыбка, а в глазах заблестели слезы.

В центре города была выстроена новая гостиница, вполне неплохая даже по московским меркам. Саша снял трехкомнатный номер с двумя спальнями и гостиной.

- Все будет хорошо, дедуль, поедешь с нами в Питер. Мы живем в хорошем районе, много зелени, тебе понравится, - говорил Алекс, помогая дедушке пройти в его комнату.

- Спасибо вам, - искренне благодарил старичок, - спасибо, мои родные...

- Вам спасибо, - положила на его плечо руку Вика, - вы вырастили прекрасного внука, - из многочисленных рассказов жениха она знала, что именно дедушка Петр и бабушка Зина оказали на него самое большое влияние, пока остальных интересовал лишь комфорт в мире материальном, но не духовном.

Старичок положил свою ладонь поверх руки Нины и его губы рас-

плылись в благодарной улыбке, он кивнул головой, не в силах найти слова.

- Ты, дедуль, отдохни, а мы сходим в магазин, купим тебе необходимые вещи, а то все там осталось... - старался говорить спокойно Саша, пряча досаду оттого, во что превратилась его семья, - вернемся через часик, может, через пару.

- Не волнуйтесь, мне ничего не надо, - привыкший к тому, что никто о нем не заботится, стал отрешиваться старичок.

- Деда, - остановил его внук, - отдыхай и ни о чем не беспокойся. Мы тут с собой вкусенького привезли, - стал рыться в сумках тот, выуживая пакет со столичной едой, - ни в чем себе не отказывай, - принялся раскладывать угощения на столе в гостиной он.

- Спасибо, мои родные, спасибо, - приобнял старичок молодых, - спасибо.

- Прости за все это, - сокрушался Алекс, когда они с Викой вышли из отеля, - даже не представлял, что здесь такое творится.

- Эй, - взяла его за подбородок девушка, - тебе не за что извиняться. Если бы мы не приехали, твой дедушка так и маялся бы с ними.

- Ты не против, что он будет жить с нами? – потупился молодой человек.

- Против? Ты что издеваешься? Нет, конечно, - заверила его Вика. Она прониклась к старичку и считала уже своим личным делом его спасение от этих извергов, бывших его родней.

- Спасибо, - коснулся губами ее щеки Саша, - ты у меня ангел.

Вика улыбнулась и взяла под руку своего жениха.

- Эй, красавица! – услышал из-за спины до боли знакомый голос Саша и обернулся.

Ему навстречу шел Хриплый со сворой ребят, расплывшись в щербатой улыбке.

- Не уж-то вернулся? – задорно спросил он, сбив с толку Алекса, который не знал, рад ли ему знакомый или хочет отдать старый долг.

- Заехал на пару дней, - неуверенно произнес Саша, наблюдая за реакцией Хриплого.

- Чего ты жмешься, как целочка, иди сюда! – прижал его к себе тот, похлопав по спине, - как житуха, рассказывай?!

- Так потихоньку, - не стал вдаваться в подробности Алекс, пожимая руки остальным бывшим товарищам и нескольким незнакомцам

со внешностью зеков.

- Ай, не скромничай! – заржал Хриплый, - приоделся, смотрю. А это твоя цыпочка?

- Это моя невеста, - нахмурился Саша.

- Ишь какую бабу отхватил, - одобрил тот, бесстыдно разглядывая девушку.

- Здравствуйте, - тихо произнесла Вика.

- Ну здравствуйте, мадам, - зафиглярничал Хриплый, - вы это слышали? Здравствуйте, - обратился он к своим спутникам, подтрунивая над манерами столичной гостыи, - позвольте Вашу ручку, - пал он в реверансе, - так у вас там это делается?

Вика неуверенно глянула на Сашу, ища в его глазах ответа, как ей себя вести.

- Ладно, мы торопимся, - оборвал гогот Алекс, - нам, правда, пора.

- Так скоро? – удивился Хриплый, - а как же посидеть, выпить за жизнь, а? Столько зим, столько лет, а ты «пора»! Не хорошо, брат, не хорошо.

- У нас важные дела, - стиснул зубы Саша.

- Ишь, какой деловой, - произнес с издевкой старый товарищ, - а мы, значит, не важные? Ну, конечно, ты же теперь питерский, да? А мы кто? Мы просто гопота из Выселок, так ведь? Только вот послушай меня, брателло, ты такой же, как мы, в какие бы тряпки и цацки ни рядился.

Саша обогнул кучку ребят, прижимая к себе Вику, и молча пошел прочь, стараясь не слушать, что кричали ему вслед старые знакомые.

- Ничего, мы скоро уедем, - заверил свою любимую Алекс, - завтра же обменяю билеты и куплю третий для дедушки на ближайший рейс. Только сначала сходим на могилку к бабуле... - его голос дрогнул.

- Угу, - только и смогла выдавить Вика, пытаясь справиться с застрявшим в горле комом.

- Здесь не все такие, - стал оправдываться парень, - тут есть и хорошие люди...

- Я знаю, - погладила по щеке Сашу девушка, - ты же отсюда, - улыбнулась она.

Тот кивнул, стараясь выкинуть из головы последние слова Хриплого:

- Нормальных здесь много, поверь, - словно защищая свою малую родину, уверял он невесту, - везде есть приличные люди и такие вот быдла.

- Я знаю, Саша, знаю, - успокаивала его та.

- В Питере тоже полно ушлепков... - не унимался Алекс, будто оправдываясь.

- Мне ли не знать, - согласилась Вика, - не волнуйся, ты не такой, как они, и не важно, где ты родился.

Парочка свернула в проулок через длинную темную арку, чтобы сократить путь до супермаркета, оставив позади главный проспект.

Закончив с покупками, они пошли обратно.

- Так и уедешь, не попрощавшись? – перегородил им дорогу в арке Хриплый.

Вику и Сашу обступили со всех сторон, не давая пройти.

- Отойди, - смотрел в упор Алекс.

- А что это у нас тут? – выхватил пакет из его руки какой-то обормот.

Саша тут же замахнулся, но сразу же пошатнулся, почувствовав сильный удар по затылку.

- Нет! – закричала Вика, видя, как ее жениха начали валить на асфальт гулкими ударами обрезка трубы, кулаками и ногами.

- Заткнись, шлюха! – просипел Хриплый и вырубил ее ударом в челюсть.

Когда девушка очнулась, она поняла, что лежит на земле лицом вниз, а сверху кто-то сильно давит на нее.

- Перцы из культурной столицы так не умеют, а? – слышался голос Хриплого.

Вика только захотела закричать, как тут же он закрыл ей рот рукой, продолжив свое грязное дело. Он насильничал, забавляясь страданиями, которые причинял ей и бывшему товарищу.

- Как ты там говорил? Пилотку не сосут? А сейчас я все правильно делаю, а, знаток? Подскажи, дружок, - смеялся Хриплый, увеличивая силу фрикций. Он чувствовал себя королем, пока Саша из последних сил пытался подняться и защитить любимую, но был не в силах совладать с держащими его парнями, избившими его до полусмерти, - я спустил в тебя, детка, - похлопал по заднице Вику изверг и стал застегивать штаны, довольный собой.

- Сволочь! – сквозь слезы выдавила девушка, наконец, получившая «свободу слова», - Сашенька, - она попыталась приблизиться к своему жениху, но получила сильный удар ногой в живот и сжалась пополам, чувствуя, что сейчас вновь потеряет сознание.

- Тебе мало, сучка? – схватил ее за волосы Хриплый, - какая у тебя

ненасытная девка, - обратился он к Саше, - кто следующий?

- Дай-ка я ей присуну, - сказал один из головорезов, уже расстегивая ширинку.

Мимо арки проходили люди, делая вид, что ничего не замечают. Все спешили по своим делам и отворачивались, по очертаниям темных фигур понимая, что там какая-то потасовка. Они не пытались вникнуть в истинное положение вещей, думая, что опять какие-то отморозки выясняют отношения. В этом городишке подобное было вовсе не редкостью, поэтому прохожие не задумывались о том, что это не две банды, а одна группка уродов насилует молодую девушку на глазах у ее полуживого жениха. А может, они просто не хотели об этом задумываться, предпочитая думать, что это не их дело. Они не хотели ввязываться, тратить свое время и рисковать здоровьем или даже жизнью. Они проходили мимо, пока рядом убивали молодого парня, на глазах которого насильовали его невесту.

- Думаешь, ты лучше нас, а? – не унимался Хриплый, довольно наблюдая, как теперь его товарищ оприходует Вику, тоже зажав ей рот рукой, - ты не мог уделить времени старым знакомым. А мы сегодня выбрались из Выселок покутить по барам, а тут судьба свела нас с тобой. Но, видимо, мы для тебя такое днище, что ты не мог уделить нам сраных пару часов, а?! Кто мы такие для столичного франта, чтобы он проявил к нам свою благосклонность и выпил пивка, не так ли? Сударь, мать твою! – он пнул Сашу ногой в челюсть, разошедшись не на шутку.

Голова Алекса безвольно повисла, а изо рта хлынула кровь.

- Ну, чего молчишь, сволочь? – поднял мыском ботинка его голову Хриплый.

Саша пытался сфокусировать взгляд, но плохо соображал, что происходит.

- Так кто теперь лучше, а? – не унимался щербатый товарищ, ликуя оттого, что творит, - кто теперь на коне? Ну скажи же мне! Я отымел всю твою семейку: и сестра твоя у меня сосала за опохмел, и девку твою я насадил, а теперь и тебя сделаю своей сучкой.

С этими словами Хриплый обошел Сашу сзади и вновь приспустил штаны.

- Ну что, как тебе теперь это нравится, а, Златовласка? – потрепал по окровавленным светлым кудрям Алекса извращенец.

Остальные парни гоготали, видя, что творит их предводитель, поддерживая его в столь отважном начинании. Один же отступил, про-

мямливая, что это уже слишком, но никак не помешал происходящему, боясь оказаться на месте жертвы.

- Тварь! – возопил второй насильник, насевавший на Вику, - она меня укусила, - возмущенно поделился он с остальными, - сука! – он ударил ее кулаком по голове, потом еще раз. И еще раз. Затем со всей силы стукнул лицом об асфальт и, решив, что этого достаточно, вернулся к своему нехитрому делу.

- Валим отсюда, - отойдя от обмякшего тела бывшего друга, сказал Хриплый.

Банда покинула арку, чувствуя себя, ни больше - ни меньше, героями, оставив Сашу с Викой валяться на асфальте.

- Сашенька, - на последнем издыхании пыталась подползти к любимому девушка, - Са... - она уронила разбитую голову и отключилась.

Дедушка Петр сидел в номере отеля, поглядывая на свои старые наручные часы, волнуясь, что внук с невестой не идут так долго. Вот уже и ночь опустилась на город, а их все нет и нет.

Под утро было найдено два трупа в арке неподалеку от отеля, в котором старичок так и не дождался своего любимого внука.

НГ (Не Говори)

Елена вывела для себя такую аксиому: мужчины, как зима – при знакомстве строят из себя суровых мачо с холодным сердцем, но с приходом весны из-под тающего снега всплывает говно, которое было им укрыто.

Рассорившись с очередным ухажером, чьи снега растаяли, начав на календарную зиму, Лена стояла у билетной кассы на вокзале, надеясь побыстрее покинуть Москву, полную чванливых и зажавшихся аборигенов и лиц неопределенных национальностей, смешавшихся в этом огромном плавильном котле, породившем на свет кучу ублюдков. Она мечтала оказаться поскорее дома со своими провинциальными родителями, которые предостерегали ее от поездки в столицу, говоря, что та ее либо развратит, либо раздавит. Подобные утверждения казались ей преувеличением и сейчас. Лена прекрасно понимала, что просто наткнулась не на тех людей, с которыми теперь у нее и ассоциировалась Златоглавая. В ее жизни встречались проходимцы и похуже, несмотря на то, что не бывали ни разу в Москве. Но так уж сложились обстоятельства, что теперь главный город России вызывал у нее лишь отвращение и оставил неприятный осадок от годовалого пребывания в нем.

С самого утра Лена ничего не ела, и теперь настал момент, когда желудок возвестил о своих потребностях. Надеясь, что стоящие рядом люди не слышат ее утробных позывов, она силилась выстоять очередь, чтобы уже быть уверенной в том, что сегодня же сядет на поезд, который умчит ее в родные края.

До Нового Года оставалось всего три дня, не считая сегодняшнего вечера, большая часть которых должна будет уйти на дорогу. Самым обидным в этой ссоре с уже бывшим молодым человеком был как раз этот момент. Они собирались встречать Новый Год вместе, планировали, что будут есть, что пить и в каких позах ублажать друг друга после застолья и «Голубого огонька». Но буквально несколько часов назад доброжелатели поставили Лену в известность о том, что не только с ней Сармат устраивал подобные утехы. Тот сначала пытался все отрицать, но ставшие известными Лене факты сыграли не в его пользу, и он был вынужден признаться в наличие любовницы. Попытавшись оста-

новить подругу от поспешных решений, Сармат получил в челюсть и оказался брошенным за трое суток до главного праздника. А сама девушка осталась на улице, так как последние пол года жила у своего бой-френда, не имея собственного угла. Обзавестись друзьями, способными приютить ее, она не успела, будучи занятой работой и вечной готовкой-уборкой для Сармата, который задерживался на своей «работе». Снимать номер в гостинице показалось Лене бессмысленным, она четко для себя решила, что больше не будет жить в Москве, а раз так, какой смысл встречать Новый Год здесь? К тому же в полном одиночестве. Ведь большинство ее знакомых было и знакомыми бывшего парня. Ей вовсе не нужны были их расспросы и жалость. А уж подумав о том, что, вполне возможно, часть из них знала о похождениях общего друга, Лена решила порвать все связи окончательно и исчезнуть, не предупредив никого.

Желудок уже намеревался завязаться узлом, а очередь все никак не хотела двигаться вперед, удивляя количеством необязательных людей, решивших приобрести билеты в последний момент. Лена подумала, что это совершенно непредусмотрительно с их стороны. Ладно, она - у нее было оправдание. Но не может же быть, чтобы все только что узнали об измене своих спутников жизни и решили рвать когти.

Поняв, что больше она ждать не может, Лена предупредила стоявшего за ней человека, что ненадолго отойдет. Взяв свои сумки, она тут же подскочила к ближайшему лотку, в котором решила купить воды и пирожок. Перед ней было еще пять человек. Мужчина, делавший в этот момент покупку долго перечислял требуемые ему продукты. За ним стояла грузная женщина с тремя сорванцами лет девяти, всем своим видом давая понять, что ей тоже надолго. Оглядевшись по сторонам, Лена поняла, что других лотков с едой нет, кроме тех, что продают чипсы и батончики, которые она не считала за достойную человеческого существа пищу. Остальные места общепита и палатки, торговавшие провизией были отнесены поодаль от касс, и девушка побоялась, что может упустить свою очередь, отправившись к ним, хотя та все так же не двигалась.

- Простите, - решила обратиться к грузной даме Лена, - Вам много покупать?

- А что? – нахмурилась женщина.

- Просто мне только воду и пирожок без сдачи. Не могли бы Вы меня пропустить вперед, пожалуйста? А то я боюсь потерять очередь за би-

летом.

- Не могла бы, - шлепая своими толстыми губами, ответила та голо- сом полным возмущения.

- Э... - опешила от такой грубости Елена, не найдясь, что сказать.

- Все только о себе и думают! – решила, что еще не время для того, чтобы уgomониться, женщина.

- Правда?! – тут настал черед Лены возмущаться, - а не Вы ли сейчас думаете исключительно о себе, не пропуская вперед человека, который отнимет всего пару секунд, а?

- Нет, - отрезала дама, пораженная такой наглостью, - я честно при- шла и стою в очереди по правилам, никого не обгоняю и выполняю все, как положено.

- А в СС было положено расстреливать евреев, - сказала Лена, видя, что та непробиваема и не готова к диалогу. Сообщив сей факт, она на- правилась обратно к очереди за билетом, несолоно хлебавши.

Женщина вылупилась ей вслед, хватая ртом воздух. Она пыталась сложить два плюс два, чтобы решить, на что эта девица намекала: то ли она обозвала ее еврейкой, то ли пригрозила расстрелом, то ли и то и другое вместе взятое. Ей и в голову не пришел истинный смысл Ле- ниного посыла.

Пока Лена шла на свое место, она заметила «небольшую» деталь, которую не заметила ранее: над кассой, в которую она отстояла уже приличное время, была надпись «на возврат».

- Черт! – выругалась она, поняв, что вся эта толпа народу топчется здесь совершенно не по тем причинам, что она.

Пройдя поодаль, Лена увидела нужную ей кассу, в которую хоть и была очередь, но куда меньше предыдущей и двигалась довольно рез- во.

Немного успокоившись и придя в себя после понятой оплошности, Лена подумала: «Печально... все эти люди... они стоят, чтобы вернуть купленные билеты... вернуть планы, которым не суждено сбыться... свои мечты и надежды...». Пока она размышляла таким образом, подо- спела ее очередь, и Лена, наконец, получила возможность приобрести заветный билетик.

- Извините, - с сочувствием произнесла кассирша, - до Томска на сегодня ничего не осталось, есть только на завтрашний вечер.

- Но... я тогда не успею к Новому Году, - сокрушенно произнесла Лена.

- Сожалею, но ничем не могу помочь, - пожала плечами женщина, - единственное, если кто-то вернет билет... но придется ждать, чтобы это выяснить... и то не факт... обычно к таким датам билеты покупают загодя...

- Да... я знаю... так получилось, - не представляя, что делать дальше, пролепетала Лена, - извините...

- Девушка! – приподнялась со стула кассирша и окликнула Елену, уже отошедшую от окошка, - может, оставите свой номер? – сжалилась она над бедняжкой, - я Вам сразу позвоню, если кто-то вернет билет.

- Спасибо Вам огромное! – появился лучик надежды, озаривший потухшие глаза Лены.

Оставив свой номер телефона кассиру, она пошла в привокзальное кафе, чтобы уже успокоить свой стонущий живот. Аппетит отсутствовал напрочь, но поесть было необходимо, иначе мог разболеться желудок – привет от гастрита, заработанного в детстве газировками и полуфабрикатами на переменах.

Стоя возле высокого столика быстро и накалывая пластиковой вилкой кусочки запеченного картофеля, Лена старалась не думать о том, что есть огромная вероятность того, что она будет встречать Новый Год в полном одиночестве или в поезде среди кучи незнакомцев. Последнее ее пугало гораздо больше первого. Она вдруг очень живо представила пьяных вопящих пассажиров, встречающих приход Нового Года, и передернула плечами. От неприятных мыслей ее отвлек телефонный звонок, и она мигом полезла в карман за сотовым, надеясь, что это кассирша спешит известить ее о возврате билета.

- Пошел ты, - сжав от раздражения челюсти, произнесла Лена и нажала на сброс, увидев, что это всего лишь Сармат, решил сделать новую попытку к примирению.

Перенервничав из-за неоправданных ожиданий и нахлынувших воспоминаний совсем недавнего прошлого о предательстве бывшего, Лена с чувством отбросила пластиковый столовый прибор, сиюсь не начать материться во весь голос. Немного погодя, она готова была переходить к решительным действиям: во что бы то ни стало, она сядет на нужный ей поезд и точка. Оставив ужин недоеденным, Лена покинула кафе и направилась к платформе. Там уже вовсю шла посадка, и Лена осторожно подошла к одному из проводников.

- Ваш билет, - протянула руку проводница, когда у ее вагона помимо Лены никого не осталось.

- Понимаете, - начала девушка, - у меня нет билета, - всем своим видом давая проводнице понять, что сие вовсе не связано с материальными проблемами.

- И что же мы будем с Вами делать? – поняла, что сможет подработать женщина.

- Я думала, что смогу заплатить за билет Вам напрямую, - не стала долго рассусоливать Лена.

- Проходите быстрее, - указала на тамбур проводница и зашла следом за последней пассажиркой, которая незаметно сунула ей в руки несколько купюр, окупавших риск той сполна.

Наудачу в вагоне оказалась свободная койка. Билет на нее был продан, но, видимо, его владелец передумал ехать или опоздал. Лена стала раскладывать свои вещи, и тут у нее снова зазвонил телефон. Она нехотя достала его, уже готовясь сбросить вызов, так как была почти уверена, что это снова Сармат. Но на экране высветился незнакомый номер, и девушка ответила:

- Алло...

- Здравствуйте, это кассир по поводу билета до Томска, - ответил голос.

- Здравствуйте, - поняла, кто с ней говорит, Лена.

- Только что вернули один билет на ночной поезд, сможете подойти?

- Спасибо... - замешкалась Лена, - но... я уже нашла другой выход...

- Да?.. – смутилась женщина на том конце провода, - ладно... значит, мне его для Вас не держать?..

- Нет, можете не держать. Спасибо еще раз. И извините за беспокойство, просто я боялась, что уже не будет билетов, и...

- Ну что Вы, я все понимаю, - остановила поток ее извинений кассирша, - счастливого пути и с наступающим!

- Спасибо, и Вас так же, - улыбнулась Лена, почувствовав облегчение.

Настроение ее было приподнятым, несмотря на кишачих повсюду подозрительных личностей, часть из которых довольно неприятно пахла, вспотев в зимних шубах и куртках, которые они снимали в поезде, явив миру свое амбре.

Лена удобно расположилась на нижней полке неподалеку от тамбура и заткнула уши плеером, чтобы не слышать гвалт соседей и не давать им повода завести с ней беседу. Пресеча таким образом все их возможные попытки познакомиться, она легла на свою койку и сама не

заметила, как тут же уснула, вымотанная переживаниями этого дня, открывшего ей глаза на человека, с которым она делила постель, и перевернувшего ее жизнь с ног на голову. Или наоборот.

Глаза Лена открыла от резкой остановки на одной из промежуточных платформ уже за много километров от Москвы. Плеер все еще крутил ее любимый плейлист по кругу, а вагон был полон уже спящих людей, часть из которых напоминала о своем существовании размеренным посапыванием или дерзким храпом. В окно бил свет уличного фонаря, прогоняя тьму ночного вагона. Лена вынула наушники и присела на койке, намереваясь сходить в сторону туалета. Она уже встала, чтобы выполнить задуманное, как вспомнила, что пользоваться уборной на остановках запрещено. Тогда она вновь опустилась на полку и потянулась руками вверх, разминая затекшее тело. Спустя несколько минут раздался звук распахнувшейся двери, и вагон прорезал луч света.

- Предъявите, пожалуйста, документы, - ровным голосом произнес владелец фонаря, дойдя до полки Лены и ослепив ее лучом.

Она начала шуриться, оцепенев от страха.

- Ваши документы, - повторил голос более требовательно и перенаправил свет так, чтобы не слепить молчаливую собеседницу, наконец, решившуюся на ответ:

- У меня нет билета... - пролепетала она.

- Предъявите паспорт, - устало сказал голос, чьего владельца сложно было разглядеть из-за тьмы за фонарем, - он меня больше интересует.

Лена замешкалась, но остатки сознания, не усыпленные испугом, навели ее на мысль о том, что не стоит показывать свой паспорт кому попало:

- А Вы кто, собственно говоря?

- Сержант полиции Гусь, - мужчина вытянул открытое удостоверение и осветил на него, чтобы Лена могла разглядеть документ.

- Сейчас... - полезла она в сумочку за паспортом, - а что происходит, можно узнать?

- Разыскиваем подозреваемую в убийстве, проверяем всех, подходящих под ориентировку в этом поезде, так как поступила информация, что она на него села. Без билета. Как и Вы.

- То есть я подхожу? – спросила Лена, передавая сержанту свое удостоверение личности.

- Вы женщина, светлые волосы, около двадцати пяти. Так что да,

подходите, - полицейский изучил паспорт на предмет фальсификации и вернул его владелице, - но имя у Вас другое. Не смею больше задерживать, - раскланялся тот и пошел дальше, освещая спящих пассажиров в поисках очередной кандидатуры, подходящей под ориентировку.

«Около двадцати пяти... - с досадой пронеслось в голове у Лены, - мне всего двадцать четыре!».

- Прошу собрать вещи и покинуть состав, - вдруг раздался низкий голос темной фигуры, которую Лена не заметила, пока говорила с сержантом.

- Ч-что? – вновь разволновалась она.

- У нас тут зайцы не ездят. Берите вещи и на выход.

- Но...

- Или придется снять Вас с поезда силой и завести дело за административное правонарушение.

- Но как я доберусь до дома?!

- Тихо, а то всех перебудете, - шикнул голос непонятной половой принадлежности, - раньше надо было об этом думать. Так Вы сходите сами или Вам помочь?

- Но я договорилась с проводником!

- Проводник не обладает подобными полномочиями.

- Но я ему заплатила!

- Вы только что признались, что осуществили подкуп должностного лица?

- Но... - окончательно растерялась девушка. Она совершенно не умела вести дипломатические переговоры и не разбиралась в законодательстве, поэтому уже видела себя за решеткой за подкуп и безбилетный проезд.

- Сами сходите или Вам нужна помощь? – повторил свой вопрос голос.

- Схожу... - отчаянно произнесла Лена и, одевшись и быстро подхватив свои вещи, зашагала на выход.

Рядом с открытыми дверями вагона на низкой платформе курила вторая проводница. Лена опустила глаза и быстро засемила прочь от поезда, надеясь избежать лишних расспросов.

- Эй! – все же окликнула ее та, - куда это Вы?

- Я уже приехала, - бросила Лена, не останавливаясь.

- Но это вынужденная остановка, ее даже нет в маршруте.

- Я знаю.

- А ну стой! – крикнула проводница, - стой, а то буду свистеть!

Лена остановилась, спутав последнее слово с более грозным «стрелять».

- Так это тебя ищут? – возомнила себя Рембо женщина.

- Нет, у меня уже проверили паспорт.

- А ну-ка пошли обратно, - проводница схватила Лену за руку.

- Как я, по-вашему, вышла бы? Сержант шел с той стороны, - махнула она рукой, державшей дорожную сумку.

- Ну да... - ослабила хватку женщина, явно разочарованная, что не получит премию за отличную службу, - так чего ты вылетела, как ошпаренная?

- Меня сняли с поезда, - отвела глаза Лена, - потому что я без билета.

- Да?.. – перепугалась проводница. Они с напарницей периодически подсаживали безбилетников, которые щедро их за это благодарили, и прекрасно знала, что перед ней стоит одна из них. Но начальник поезда был против подобных вещей, так что та испугалась, что он курсировал по вагонам вместе с сержантом, и именно он и высадил «зайца», так что теперь ее с напарницей ждет строгий выговор и штраф.

- Угу...

- Ладно... иди давай... - махнула рукой женщина и поторопилась обратно в вагон, чтобы разведать обстановку.

Пока происходила эта разборка снаружи, внутри поезда дама преклонного возраста с чувством удовлетворенности легла обратно на свое спальное место, выполнив долг перед обществом. «С какой стати всякая шантрапа будет ехать со мной в одном вагоне без билета? – думала она, - вот и убийцу так посадили. А, может, эта тоже закоренелая преступница была, просто ее пока не ищут. Хорошо я ее «разыграла»».

Покинув платформу, Лена принялась оглядываться по сторонам, чтобы решить, куда идти дальше. Она и понятия не имела, что с ней всего лишь сыграли злую шутку, а на самом деле она могла спокойно продолжать свой путь в теплом вагоне поезда дальнего следования Москва-Томск.

На улице было под минус двадцать, и не прошло и десяти минут, как Лена стала думать о том, что вскоре околеет до смерти, если сейчас же не пойдет куда-нибудь погреться. Но в округе не было ничего кроме безлюдной платформы, поезда, в который ей вход был воспрещен, и темного леса, через который шла припорошенная снегом тропинка. «Ну почему именно здесь?.. – чуть ли ни плача, подумала она, - почему

именно в этой глуши?..»

Но времени на раздумья не было, если она не планировала превратиться в ледышку, поэтому, перебарывая страх, Лена шагнула на тропу, пролегающую меж деревьев. В лесу было темно, и лишь снежный покров, отражающий свет звезд и луны, спасал от полного мрака. Голые остовы деревьев поскрипывали на ветру, напоминая жутких чудовищ, готовящихся схватить свою жертву. Лена тряслась от страха и холода, но стоически делала шаг за шагом, надеясь, что скоро выберется из леса. Она никогда не была особо верующей, но сейчас бормотала про себя все молитвы, которые только могла воспроизвести в голове, памятуя занятия в воскресной школе многолетней давности.

Спустя долгих двадцать минут ходьбы по заснеженной тропе, Лена, наконец, выбралась на дорогу, вдали которой исчез свет задних фар, недавно проехавшего авто, шум которого пару минут назад она приняла за последний звук в своей жизни, представив Кожаное Лицо с бензопилой наготове.

- Слава Богу! - воздела она глаза к небу, но вскоре ее радости пришел конец. Да, она дошла до дороги. И что? По ту сторону противоположной обочины снова шла тропа, разорванная полотном проезжей части, опять уводя в лес. Других машин видно не было, но даже если бы тут был нескончаемый поток авто, это не изменило бы ситуацию, ведь Лена прекрасно знала, насколько опасно садиться к незнакомым водителям, - когда же это кончится? - взмолилась девушка и, посмотрев по сторонам, чтобы убедиться в том, что дорога пуста, она перешла ее, чтобы вновь продолжить путь. «Не может быть, чтобы там был только лес, - думала она, ступая по снегу, - ведь железнодорожная станция не будет находиться в безлюдной нежилой глуши... да и сержант не из воздуха взялся... к тому же тропинка не может вести в никуда... хотя видно, что по ней давно не ходили... о нет... - и тут ее посетила жуткая мысль, что она пошла не в том направлении; что нужно было перейти через железнодорожные пути и следовать в противоположную сторону, а в этой дальше только опустевший лес, - нет... только не это...»

Лена остановилась, уже не зная, стоит ли заходить глубже в лес, или все же нужно вернуться назад. Но она так долго шла. Ей просто не под силу вернуться к исходной точке и начать все с нуля. И вдруг эта догадка тоже не верна? Может нужно идти вдоль рельс, или наискосок или еще как-нибудь... она уже ни в чем не была уверена.

- Что же делать?.. - уже готовая расплакаться пролепетала Лена.

Она могла плутать здесь до последнего вздоха, поэтому решилась на закономерный поступок, надеясь, что киношное клише не властвует над реальностью. Лена достала телефон и облегченно вздохнула, поняв, что связь никуда не пропала. Пусть показывало всего два деления, но сеть была. Она спасена! Только кому звонить? И что говорить? Она даже не знает, где она... Нужно было хотя бы посмотреть название станции, но в тот момент она была столь напугана и обеспокоена угрозами «начальника поезда», что это ей совершенно не пришло в голову. Стоя посреди незнакомой глуши, Лена пыталась найти решение в этой нелегкой ситуации. Будь у нее навороченный смартфон, она бы без проблем включила навигатор и определила свое местоположение, а затем проложила бы маршрут до ближайшего населенного пункта. Но в свое время она отказалась от показавшейся ей бесполезной траты денег на дорогую модель и осталась при своем стареньком аппарате, не предусматривающем практически ничего кроме звонков, смс да парочки простеньких игр, которыми она так ни разу и не воспользовалась.

Конечности задеревенели от холода, нужно было быстрее придумать какой-нибудь выход, но в голове крутилось лишь имя бывшего, звонить которому Лена не имела ни малейшего желания. Да и зачем? Он в нескольких часах езды от этого места, даже если бы и знал его конкретное местоположение, это мало бы помогло, учитывая нестерпимый мороз, способный за это время свести Лену в могилу. В любом случае, прежде всего нужно выяснить название станции. Станции, которая давно осталась позади, и путь к которой казался гораздо сложнее, чем от нее. Сзади раздался уже знакомый звук в прошлый раз приведший девушку в ужас. Машина. Она поспешила спрятаться за деревом, лишь после решив, что она погорячилась. «Может, там сидят нормальные люди, а не маньяки?» - подумала она и выступила из леса, но было уже поздно, авто проехало мимо, не заметив девушку.

- Черт! – выкрикнула она, бросив на заснеженную землю весь свой багаж, - какого хрена я здесь делаю?!

Выбившись из последних сил после минутной истерики, она опустилась на сумку и уронила голову в ладони. Почему это должно было случиться именно сейчас? Почему ей рассказали о Сармате хотя бы не на день или два раньше? Тогда бы, возможно, у нее был шанс успеть купить билет на поезд без такой спешки. А, может, она даже могла бы полететь самолетом, так как не потратила бы отложенные на подарок для жениха деньги, бесполезным грузом теперь покоящийся на дне шахты

лифта его дома. И почему именно с ней все это должно происходить? Лена даже поймала себя на мысли, что лучше бы ей вообще ничего не говорили о похождениях ее сожителя... по крайней мере не сейчас...

Обругав себя за подобную слабохарактерность, Лена попыталась взять себя в руки, понимая, что, если сейчас окончательно расклеится, то тут и останется, всплыв по весне, как внутреннее содержимое ее бывших женихов. Причем, примерно в таком же виде.

- Думай! – приказала себе Елена, растирая замерзшие руки и ноги.

«Так. Первым делом я должна узнать название станции, - решила она, хотя возвращаться вовсе не хотелось, сведя тем самым на нет все усилия последнего получаса. Но это казалось самым разумным, - как узнаю, позвоню кому-нибудь из знакомых... Вике, наверное... чтобы она нашла в интернете телефон местного такси или, хотя бы, посмотрела по карте, куда мне идти, чтобы попасть, например, в полицейский участок или на крайний случай в какую-нибудь кафешку, чтоб согреться».

Решено. Лена подобрала вещи и направилась обратно. Она вновь пересекла дорожное полотно и ступила на уже знакомую тропинку, испещренную ее же следами. Но не прошла она и десяти метров, как из глубины леса раздался вой. Лена остолбенела. Это был волк. Определенно волк. Вой повторился. Будь она здесь не одна, а с друзьями в машине, просто проезжающей мимо, она непременно бы пошутила, что это Джейкоб ищет себе пару для случки. Но сейчас ей было совсем не до шуток. Абсолютно. Она попятилась назад, не решаясь идти дальше. План провалился.

Определенно, стоило позвонить кому-нибудь хотя бы для того, чтобы сообщить, что с ней случилось. Пусть она и не знает своего точного месторасположения, но может сказать, на какой поезд села, и что произошло потом. Ведь пропади она без вести, никто даже не догадается, как и где ее искать, потому что у нее даже не было билета, при покупке которого ее данные были бы внесены в базу, сумев дать наводку оперативникам. Вполне возможно все подумают, что с ней произошло нечто непосредственно в Москве, и тогда она потеряет малейшие шансы на спасение. Но люди часто боятся, переживают, нервничают за себя и свою безопасность, но редко осознают, что с ними и правда может что-то случиться...

Поэтому всем, что говорил ей инстинкт самосохранения, было: «не ходи в лес» и «постарайся ничего не отморозить». Посему Лена вновь

сбросила сумки и начала, пританцовывая, бить себя руками, чтобы согреться. Пар изо рта уже был заметен гораздо меньше, чем непосредственно после высадки из поезда, что говорило вовсе не о потеплении снаружи, но о сильном охлаждении тела девушки.

Вскоре вновь послышался шум мотора и шорох шипованных шин. Лена оживилась, обрадовавшись, что оказалась не в полной изоляции от цивилизации, где у нее точно не было бы шансов на спасение. Но она не знала, как именно стоит поступить, всегда опасаясь садиться в машину к незнакомцам. Хотя сейчас, казалось, самый подходящий момент, чтобы пересмотреть свои принципы. Мечась от нерешительности, Лена продолжала стоять неподалеку от обочины, так и не подойдя ближе к дороге.

Девятка быстро промчалось мимо, но, проехав полсотни метров, притормозила и стала сдавать назад. Поравнявшись с Леной, чье сердце норовило выпрыгнуть из груди, водитель опустил затонированное до черноты стекло и сказал без лишних прелюдий:

- Запрыгивай назад.

Лена замешкалась, смотря на деревенского вида паренька с незаурядной внешностью и золотым зубом.

- Чего стоишь? – приподнявшись с соседнего сидения, спросил пассажир, - холодно же.

Тот тоже был не из красавцев и напоминал, скорее, зека, чем спасителя, ниспосланного Небесами.

- Нет, спасибо, - стуча зубами, наконец, дала ответ девушка, - я мужа своего жду, он скоро приедет.

- Хы, - хмыкнул водитель, - мужа? Ну, удачи... - с этими словами он поднял стекло и был таков.

Стоило машине скрыться, как Лена тут же пожалела о своем быстром отказе, ведь, будь они маньяками, затащили бы ее в машину силой. Хотя, вполне возможно, сработала ее уловка насчет иллюзорного супруга. Как знать?..

Следующие полчаса были самыми долгими в жизни Лены, она чувствовала, что еще немного и ее тело откажется функционировать от холода. Она с трудом делала вдохи через шарф, натянутый на лицо, и мысленно прокручивала, как все могло бы сложиться, сядь она к тем двоим. Большинство проекций развития событий были не самыми радужными: то в итоге ее находили мертвой в канаве, то та парочка расчленила ее и потребляла в пищу, то они просто насильовали ее, что

уже казалось не столь страшным по сравнению с остальным, а то она оказывалась «подснежником», который с собаками отыщут и отправят студентам медикам на опыты. Но чем становилось Лене хуже, тем милее рисовались картины, и она уже готова была поверить в то, что пареньки просто внешностью не вышли, но на самом деле таили в себе добрые и пылкие сердца. Надо сказать, они уже и не казались ей такими уродливыми, как при первом взгляде, а вскоре и того больше, превратились в писанных красавцев, обогревших ее и напоивших горячим чаем, заботливо припасенным в термосе.

Лена уже мило беседовала с ними, преобразившимися в Алэн Делонов, когда из предательского забытья ее вырвал шум очередного транспортного средства. Еле подняв припорошенные снежинками веки, она устала на остановившийся перед ней джип.

- Что с Вами? – подбежал к ней мужчина, выскочивший с водительского места.

Лена пролепетала что-то нечленораздельное и затряслась всем телом.

- Скорее пойдёмте, я Вам помогу сесть в машину, - приподнял ее за локти незнакомец.

Лена послушно последовала за ним, не в силах вымолвить слова благодарности.

Оказавшись в теплом салоне, прогретом климат контролем, Лена поняла, что спасена. Она еще дрожала от холода и почти не чувствовала своих конечностей, но уже ощущала легкое покалывание, говорящее о начале согревания. Мужчина заботливо укрыл ее одеялом, вытасненным из багажника, и протянул бутылку коньяка, настаивая, что это необходимо. Он снял крышку и поднес горлышко к бледным Лениным губам, и она с благодарностью припала к напитку, но, почувствовав его вкус, инстинктивно отдернулась и сморщилась.

- Пейте-пейте, - настаивал тот, - это поможет согреться и снизит риск того, что сляжете с какой-нибудь гадостью, типа воспаления или жара.

Лена жалобно посмотрела на своего спасителя, тот кивнул, и она сделала еще несколько глотков.

- Вот так, хорошо, - закрыл он бутылку и засунул под сиденье, - едем?

Лена молча кивнула, натянув одеяло повыше. Мужчина повернул ключ зажигания и тронулся с места. Проехав около километра в полной тишине, он наклонился к магнитоле и включил ее. Пространство

наполнилось умиротворяющими звуками джаза, и Лена испытала блаженство, подумав, что ее молитвы услышаны.

Она и сама не заметила, как уснула. Разбудил ее ухаб на дороге, из-за которого она буквально подпрыгнула и налету открыла глаза. Лишь спустя несколько мгновений, она поняла, где и по какой причине находится. Горло саднило, но в остальном Лена чувствовала себя вполне сносно.

- Как Вы? – спросил мужчина, на секунду оторвав взгляд от дороги.

- Вроде ничего, - опустила одеяло девушка, чувствуя, что запрела, - спасибо.

- Вот и отлично, - улыбнулся тот.

Только теперь у Лены появилась возможность разглядеть своего спасителя в зеленоватом свете приборной панели. На вид ему было лет тридцать, может, чуть поменьше, аккуратная стрижка – не слишком длинная, не слишком короткая – прямой нос и ровные губы, а в уголках глаз заметны мимические морщинки, говорящие о том, что человек часто и много улыбается. Это расположило девушку к нему еще больше, и она решила завести с ним разговор, но он опередил ее:

- Что с Вами произошло?

- В смысле? – не сразу уловила суть вопроса Лена.

- Ночь, зима, лес. Вы одна посреди безлюдной дороги...

- А это... - почувствовала неловкость собеседница, - просто... меня сняли с поезда, и я не знала, куда идти...

- Сняли с поезда? – удивленно приподнял брови тот.

Лена пожалала плечами, мол «ну да».

- Что же Вы такого натворили, что Вас с него сняли?

Лена опешила от подобного вопроса.

- Извините, - спохватился молодой человек, - это не мое дело.

- Нет-нет, - поторопилась ответить девушка, - я ничего такого не делала. Просто не успела купить билет, договорилась с проводницей о проезде, а на платформе была проверка, и меня высадили, - в общих чертах обрисовала она ситуацию.

- М... - понимающе кивнул мужчина, - а кто-нибудь знает, где Вы?

- Нет... - только теперь Лена поняла, что она и сама понятия не имеет, где сейчас находится. У станции она тоже этого не понимала, но хотя бы знала, что пребывает где-то неподалеку от железных путей, - а где мы?

- Под Нижним, - беззаботно бросил водитель.

- Под Нижним Новгородом?

- Угу, - кивнул он.

- А... - тут она поняла, что не задала еще одного вопроса, - а куда мы едем?..

- Вообще-то мне нужно в Томск, - сказал мужчина, - Вам, как я понял тоже, судя по тому, что вы бормотали сквозь сон.

- Я говорила во сне? – сконфузилась Лена.

- Немного, - подтвердил тот.

- И что я еще сказала? – с опаской спросила она, чувствуя, как ее щеки заливаются краской.

- Что Вас зовут Лена. Я, кстати, Миша.

- Очень приятно, - натянуто улыбнулась Елена, думая о том, что еще она могла выболтать, пока была в отключке.

Заметив состояние спутницы, Михаил засмеялся и сказал:

- Не волнуйтесь, больше я ничего разобрать не смог.

- Надеюсь, - хохотнула девушка и тут же осеклась, поняв, как глупо выглядит.

Но Миша только еще раз улыбнулся и промолчал, уставившись на дорогу, освещаемую дальним светом фар.

На улице еще было темно. Лена глянула на приборную панель и увидела, что часы показывают три сорок утра. До рассвета еще далеко.

- Не хотите чего-нибудь поесть? – вновь подал голос Миша.

- Честно говоря, не отказалась бы, - согласилась Лена, вспомнив, что так и не доела свой ужин на вокзале, после которого прошло уже много часов без маковой росинки во рту, если не считать коньяка.

- Сейчас посмотрю, что там у жены с собой есть, - потянулся назад мужчина, и только теперь, обернувшись, Лена заметила, что на заднем сидении кто-то лежит, почти с головой укрывшись одеялом.

- Это Ваша жена? - стараясь, чтобы нотки разочарования не просочились наружу, спросила Лена.

- Да, - кивнул Михаил, выудив с пола сумку. Поняв, что до Юлия Цезаря ему далеко и несколько дел одновременно он делать не в состоянии, притормозил и съехал на обочину, чтобы отыскать контейнер, наполненный салатом, - любите оливье?

- Конечно, - улыбнулась Лена, - только для него еще капельку рановато, нет?

- У нас в семье оливье на столе круглый год, - засмеялся Миша и протянул девушке контейнер, потом выудил из кармана складную ложку и

отдал вслед за салатом, - ешьте, сколько хотите. И вот еще, - он достал бутерброд с семгой, завернутый в пакет для ленча, - приятного аппетита.

- Спасибо огромное, - поблагодарила Лена, - а Ваша жена не будет против?

- Нет, конечно, что Вы! Она сама сказала покормить Вас, когда просыпалась, пока спали вы.

- Правда?

- Угу, - кивнул тот и вновь выехал на дорогу.

Пока Лена ела, Михаил немного прибавил громкость музыки и не мешал ей разговорами. Они продолжали ехать по безлюдному лесному шоссе, по которому лишь однажды проехал встречный автомобиль.

- А мы успеем к Новому Году, - вдруг спросила Лена, дожевывая бутерброд.

- Конечно, - заверил ее водитель.

- А у Вас нет чего-нибудь попить? – извиняющимся тоном поинтересовалась девушка, пожалев, что так и не купила воды на вокзале.

- Да, конечно, - поторопился достать бутылку воды из-под сиденья мужчина.

- У Вас там прям мини-бар, - пошутила Елена, смутно помня образ того, как Миша клал под сиденье коньяк.

- Ну да, - оценил шутку он и вновь отдался всецело дороге.

Попутчики вновь ехали молча, что в некоем роде заставляла Лену чувствовать дискомфорт. Она была из тех людей, что воспринимают молчание собеседника за отсутствие у него интереса и нежелание общаться. Затяжные паузы всегда заставляли ее нервничать и испытывать неловкость, поэтому она постоянно начинала судорожно перебирать в голове темы, способные увлечь молчуна. Но Михаила она совершенно не знала, поэтому задача перед ней стояла не из легких. Он казался вполне обычным человеком, но при этом в нем было что-то такое, что давало понять, что он не так уж и прост.

- Куда можно поставить? – так ничего и не придумав, спросила Лена, когда закончила трапезу.

- Киньте назад на пол, - бросил Миша.

Лена осторожно опустила полупустой контейнер и покосилась на спящую жену водителя, с трудом различимую в темноте салона.

- А вы с ней откуда едите? – спросила она.

- Из Москвы, - тут же ответил мужчина, - она устала... очень уста-

ла...

- Да, - понимающе кивнула девушка, - дорога дальняя.

- Она вообще плохо переносит такие вещи...

- А как ее зовут?

- Катя... - задумчиво произнес Михаил.

- Ммм... - повернулась к окну Лена, думая о том, что сидит рядом с привлекательным мужчиной, не будь у которого жены, она бы не теряла времени даром. Но та лежала на заднем сидении, не позволяя ей проявлять ничего большего помимо дружеского интереса.

Магнитола продолжала проигрывать джазовые композиции, убаюкавшие Елену.

- Я опять уснула? - встрепелась девушка, когда открыла глаза.

- Да, - улыбнулся Миша.

- Долго я спала?

- Час, примерно.

На улице все еще было темно. И все еще по обе стороны дороги пролегал заснеженный лес.

- А Вы не устали? Так долго за рулем.

- Я привычный, - пожал плечами тот.

- Привет, - раздалось с заднего сидения.

Лена вздрогнула и обернулась.

- Привет... - растеряно произнесла она, постаравшись улыбнуться.

- Я Катя, - протянула руку миловидная особа.

- Лена, - ответила рукопожатием девушка.

- Как ты себя чувствуешь?

Лену покорило, что эта незнакомка считает себя вправе обращаться к ней на «ты», но виду не подала.

- Хорошо, спасибо. Мне очень повезло, что вы проезжали мимо и подобрали меня.

- Это точно! Ты поела?

- Да, спасибо, - кивнула Лена, устав сидеть в пол оборота, - было очень вкусно.

- Еще бы, - самодовольно хмыкнула Катя, - я гений кулинарии.

- Тут не поспоришь, - подтвердила Елена, мысленно нанеся новой знакомой точный удар по переносице за ее непомерное самомнение.

Вдруг Лена ошарашено обнаружила себя вповалку на Михаиле.

- Извините, очень резкий поворот, немного занесло, - стал оправдываться тот.

Лена вернулась в исходное положение, непонимающе оглядываясь по сторонам. За окнами проносились заснеженные ели и лысые деревья, давно потерявшие свой лиственный покров, из магнитола тихо играла очередная музыкальная композиция, а Катя мирно спала на заднем сидении. «Мне это приснилось», - поняла Лена и поймала себя на мысли, что рада тому, что жена Михаила не будет мешать их беседе.

- А Вы сами из Томска или из Москвы? – завела она разговор, пригладив растрепавшиеся ото сна волосы.

- Из Москвы.

- А зачем в Томск едите?

- Катя из Томска, там остались ее родственники и там живет... мой брат... собираемся Новый Год вместе встретить.

- А Вы там раньше бывали?

- Честно говоря, нет. Никогда не горел особым желанием. Но в этом году некоторые трудности с финансами из-за проблем с моим бизнесом, поэтому встреча Нового Года за границей на этот раз не получилась, а сидеть в Москве не было желания... вот и едем туда...

- Да уж... я тоже, честно говоря, еду туда не от хорошей жизни...

Михаил выжидающе молчал.

- Я рассталась со своим женихом... - призналась Лена.

- Печально...

- Тут я спорить не стану...

- А что случилось? Если не секрет, конечно. Можете не отвечать.

- Да нет... ничего такого, что я планировала бы скрыть, - почему-то она почувствовала, что хочет поделиться с Мишей своей историей. И хочет, чтобы он знал. И чтобы понимал, что она свободна, - я узнала, что у него есть любовница.

- ... такие вещи всегда больно ранят... - напрягся мужчина.

- Да... - опустила голову Лена, - очень...

Повисла пауза, которые она так не любила, поэтому судорожно принялась перебирать всевозможные темы для продолжения разговора. И тут она обратила внимание на одну деталь:

- А почему мы постоянно едем по лесу? Разве мы не должны ехать по крупной трассе? – произнесла это, девушка забеспокоилась, поняв, что на самом-то деле находится в машине совершенно незнакомых людей, которые могут везти ее куда угодно, хотя и говорят, что едут в Томск.

- Трассы очень опасны, - тут же ответил Миша, - там много фур и водителей, которые едут сутками без сна, засыпая на ходу. Мой друг

детства погиб из-за одного из таких. Он одновременно был и на фуре и заснул за рулем... поэтому я всегда строю объездной маршрут. Это может отнять порядка нескольких лишних часов, но сохранит жизнь.

- Мне жаль вашего друга, - с сочувствием произнесла Лена, слыша боль в голосе собеседника, которая развеяла все ее подозрения.

- И с кем он Вам изменял? – неожиданно спросил Миша.

- Что?..

- Ваш жених. С кем он изменял?

- А... - смутилась Лена, - я ее не знаю...

- Это проще...

- Думаете?..

- Было бы лучше, если бы это была Ваша подруга или, например... сестра?

- Э... нет... - девушка чувствовала себя неловко.

- Хотите, я расскажу Вам одну историю?

- Давайте...

- Жил-был молодой парень. Ему было всего девятнадцать, когда он понял, что такое любовь. Не просто влечение или похоть. А любовь. Любовь с большой буквы.

Лена слушала, пытаясь понять, что все это значит.

- Он ухаживал за ней, надеясь на взаимность, и получил по заслугам – она согласилась стать его женой. Если бы это была сказка, то я бы сейчас сказал: и они жили долго и счастливо...

- Но это не сказка?.. – вставила реплику Лена.

- Нет. Поэтому слушайте дальше. И жили они счастливо - тут все верно. Но дело в том, что это еще не конец. Прошло восемь лет, которые он работал, не покладая рук, а она занималась всем, что душе ее было угодно, забот не зная. Но случилась у него проблема: его бизнес рухнул из-за ненадежного партнера... но это уже другая история. Вернемся к этой. Когда денег стало не хватать, жена принялась ругать мужа за то, что он не может ее обеспечить.

Если еще недавно Лена терялась в догадках, то теперь четко поняла, что Михаил рассказывает о себе и Кате. Его манера повествования казалась странной, да и в лице он порядком изменился. Но девушка продолжала слушать, до сих пор не нащупав, в чем здесь подвох.

- Он чувствовал себя виноватым и покорно сносил ругань и истерики жены. Он старался восстановить свой бизнес, и, наконец, у него это стало получаться. Жена начала вести себя как прежде, и все вернулось

на круги своя. Хотя пока денег было не так много, как раньше, но уже стало ясно, что скоро их станет больше. Но пока они не могли позволить себе дорогой отдых за границей на Новый Год, поэтому собирались к родственникам жены, чтобы отметить праздник с ними. Собрали вещи, сели в машину и поехали. Муж был счастлив. Она вновь его любит. Чего еще надо? – Михаил говорил спокойно, это больше всего и интриговало, вводя в заблуждение, - они слушали музыку, говорили. Она предложила сыграть в «правда или действие». Он согласился. Они творили всякое и рассказывали свои секреты. Им было весело. Весело до тех пор, пока она ни выбрала правду, и он ни спросил: «Ты мне изменяла?». Она могла бы соврать. Ведь это просто игра, не так ли? Но она решила не нарушать правила. И рассказала все.

Лена опешила от такой новости и машинально бросила взгляд на Катю, не понимая, почему Миша продолжает свой путь вместо того, чтобы развернуться обратно и расторгнуть с ней брак.

А он продолжал:

- Она рассказала, что, когда денег не стало, ей показалось, что нужно что-то делать. У старшего брата мужа тоже есть свой бизнес. Но в Томске. Благодаря ему они и познакомились в те давние годы. Так вот, пока муж пытался все начать с нуля, жена решила действовать самостоятельно. Брат мужа часто приезжал в Москву по делам, именно им она и воспользовалась. Она соблазнила его. Переспала с ним, - Миша яростно обхватил баранку, и на его лице проступили жилы, - а потом стала шантажировать, что расскажет обо всем его жене. И он поддался. Через подставных лиц он стал софинансировать бизнес мужа, который по незнанию решил, что, наконец, ему вновь улыбнулась удача.

- Это... очень печальная история... - не знала, что еще сказать Лена.

- Но и это еще не конец...

Лена молча смотрела на Мишу, ожидая продолжения.

- Он слишком любил ее. Слишком, чтобы расстаться, - по щеке Михаила прокатилась одинокая слезинка, которую он быстро смахнул, не желая показывать свою слабость, - но и простить предательство было не в его силах...

Он замолчал. Лена ждала, но, спустя минут пять, не выдержала и спросила:

- А дальше?..

- А дальше... - Миша поджал губы, - дальше он протянул к ней руки и сомкнул их на ее тоненькой изящной шейке... - он заплакал, - жена

пыталась вырваться, но она такая хрупкая... у нее просто не было шансов... он не хотел этого... не хотел... в тот момент он подумал, что лучше бы она ничего не говорила...

Лена оцепенела. Мозг пытался обработать полученную информацию, но она никак не хотела укладываться в голове.

- А потом он уложил ее на заднее сидение своего джипа и не стал разворачиваться... он... он хотел поговорить с братом... он свернул с трассы, чтобы, его не остановило ГАИ и не обнаружило мертвое тело... да и магистрали очень опасны... его друг погиб на одной из трасс... в него въехала фура со спящим водителем...

От ужаса Лена забыла, как дышать, и безотрывно следила за нервными движениями губ Михаила, который продолжал свой рассказ:

- А потом он увидел на дороге девушку.. на лесной пустынной тропе... и... он не мог ее оставить там одну... ведь она бы замерзла... они разговорились, и он увидел, что она сможет понять его... ведь она знает, как это больно... больно, когда тебя предает любимый человек... ведь знает? – повернулся к Лене Миша, взглянув ей прямо в глаза.

Она была не в силах вымолвить и слова.

- И он не собирался сначала ничего ей рассказывать... он просто хотел довести ее до Томска, убедив, что на заднем сидении лежит его спящая, а вовсе не мертвая жена... но потом он осознал, что она именно тот, кто сможет его понять... а ему нужно было выговориться... очень нужно... просто необходимо...

Миша вновь глянул на Лену, ища в ней поддержки. Но она продолжала выглядеть, как истукан, еле дыша и не веря в происходящее.

- Вы же меня понимаете, Лена? – с надеждой произнес Миша.

И тут в ее голове будто что-то щелкнуло. Пока он говорил от третьего лица, это и оставалось для ее подсознания, скорее, историей о каком-то другом человеке, но стоило ему заговорить напрямую, как Лена поняла, что именно с ней все это и происходит. Именно она сейчас сидит в машине мужчины, убившего свою жену, и положившего ее труп на заднее сидение. И это заднее сидение прямо за ней.

- АААА!!!! – завопила Лена, не слыша саму себя.

Миша резко заблокировал двери, видя, что попутчица собралась выскочить на полном ходу. Он молчал, обдумывая то, что наделал. Он ошибся, поведав ей свою историю. Пока Лена билась в истерике, он продолжал движение, выжидая, когда та утомонится.

Спустя какое-то время, девушка выбилась из сил и начала прихо-

дить в себя. За все время своего буйства она инстинктивно не прикасалась к Мише, чувствуя опасность. Хотя она могла бы попытаться его ударить, побороться с ним, чтобы вырвать спасение. Но он голыми руками задушил женщину. Свою жену. Что помешает ему сделать то же самое и с ней?

- Не говори никому... - произнес Миша, внезапно перейдя на «ты».

Лена молчала.

- Слышишь?

Ее голова дернулась, имитируя кивок.

- Наверное, я не должен был тебе этого рассказывать... но мне нужно было с кем-нибудь поделиться, понимаешь?

Лена снова дернулась и нервно слотнула.

- Я думал, ты меня поймешь, ведь твой жених тоже тебя предал.

- Но я же его не убила! – на ультразвуке вырвалось из горла Лены. Она тут же пожалела о своей несдержанности, поймав на себе пристальный взгляд Миши.

Но он не был суров или зол. Нет. Скорее, в нем читалось разочарование и боль.

- Ты же не убьешь меня? – снова вырвалась необдуманная фраза.

Миша покачал головой:

- Я не убийца...

Лена приложила все усилия, чтобы снова не выпалить то, что думает.

- И Катю убивать я не планировал... так получилось... просто... так вышло...

- Можно я выйду? – дрожащим голосом спросила Лена и поняла, что из ее глаз полились слезы.

- Куда? – словно говоря с маленьким ребенком, спросил Миша, - кругом лес и холод.

- Пожалуйста... - пролепетала девушка.

- Но ты же замерзнешь, - посмотрел на нее Михаил, - не глупи.

Лена вжалась в дверцу, судорожно соображая, что же делать дальше.

Они ехали молча. Через полчаса Миша сообщил, что должен заправиться. Лена почувствовала облегчение оттого, что у нее появилась надежда на спасение, ведь на заправке будут люди. Но тут Михаил съехал на обочину и вышел из авто, достал из багажника канистру, и девушка поняла, что рано обрадовалась.

Мужчина принялся заправлять бак через воронку, пока Лена наблю-

дала за ним через зеркало заднего вида. Он изредка поглаживал на нее, молча делая свое дело. Тогда Лена поняла, что не может мешкать и просто положиться на волю судьбы. Она должна действовать. Ей и в голову не приходило, почему он до сих пор ее не убил, ей просто было ясно, что она в опасности. А когда человек в опасности, он должен предпринимать меры, чтобы спастись. Поэтому она потянулась за своей сумкой, валявшейся в ногах, чтобы выудить из нее телефон. «Только бы сеть была», - молилась она.

Зеркало заднего вида имеет свойство показывать не только то, что происходит снаружи, но и дает возможность людям на улице видеть то, что происходит внутри.

Дверь резко распахнулась, и Лена взвизгнула, пытаясь спрятать вытасненный из сумки телефон.

- Что ты делаешь? – тихо спросил Миша.

- Я... я... - она могла выдумать любую отговорку, сказать, что хочет позвонить маме, чтобы сообщить, что с ней все в порядке, но Лена была настолько напугана, что из головы вылетели все слова. Это был один из тех моментов, к которым после многократно возвращаешься, придумывая кучи правильных решений, но даже сотня таких гениальных идей по прошествии времени не в состоянии исправить прошлого.

- Отдай телефон, - не меняя тона, сказал мужчина.

Лена дрожала, вцепившись в трубку и до сих пор не зная, есть ли сеть или нет.

- Отдай телефон, - выхватил он Ленин мобильник и закрыл дверь.

Закончив с заправкой, он вернулся в салон ко все еще неподвижной девушке. Точнее двум, одна из которых уже точно никогда не зашевелиться.

- Ты, наверное, думаешь, что я монстр... - начал Миша, - но я просто мужчина, которому разбили сердце.

В голове у Лены была пустота, будто какая-то внутренняя заслонка вмиг отделила ее сознание от всего происходящего, когда Миша коснулся ее, отобрав телефон. Она все видела и слышала, но уже не воспринимала и не реагировала. Она даже не заметила, как ушел страх, сменившийся безразличием. Будь, что будет.

- Это все ужасно... я тебя понимаю... но и ты должна меня понять... я любил ее больше жизни... и уже ничего не изменишь... но ты же все равно расскажешь все полиции?

Лена молчала, но уже не из-за ужаса. Она словно наблюдала проис-

ходящее со стороны, не являясь непосредственным участником действия.

- Прости... ты не оставила мне выбора...

Лена ощутила сильный удар по голове, от которого в глазах все потемнело.

- Не бойся, я тебя не убью, - последнее, что услышала Лена перед тем, как потеряла сознание.

Открыв глаза, Лена не сразу поняла, где находится. Голова была словно в тумане. Вдруг она заметила какую-то движущуюся точку и сфокусировалась на ней. Спустя пару мгновений, к своему удивлению, девушка поняла, что это таракан. Огромный жирный тараканище, ползущий по облупившейся побелке старого потолка. После обнаружения этой живности, она заметила присутствие и иных представителей фауны.

- Она очнулась, - раздался женский голос.

Вскоре к ней подошло двое в белых халатах. На их лицах читались смешанные эмоции.

- Вы меня слышите? - произнес худощавый мужчина лет пятидесяти.

Лена попыталась ответить, но горло разодрала боль.

- Просто кивните, - скал врач.

Лена послушно кивнула, не особо удивившись тому, как заболело ее горло. После того, как она околела на лесной тропе, странно, что не затемпературила сразу же, а еще несколько часов спокойно общалась с... Михаил! В голове Лены всплыли все жуткие события, включая покоившуюся на заднем сидении Катю. Девушка поднялась на локтях, в ужасе расширив глаза, и вдруг почувствовала, что у нее ужасно заболели руки. Она хотела рассказать все, но врач вновь ее остановил:

- Лягте, пожалуйста. Успокойтесь.

Лена хотела возразить, но вновь не смогла произнести ни слова.

- Вам нужен покой. Мы уже пытаемся выяснить, кто Вы. Но мы должны задать Вам несколько вопросов.

Лену удивила новость о том, что они не знают, кто она такая, ведь у нее с собой был паспорт, который с легкостью мог раскрыть им эту «тайну».

- Вы знаете, как Вас зовут?

Лена кивнула.

- Помните, что произошло?

Лена вновь уверенно кивнула, но вдруг усомнилась, поняв, что упустила момент, как оказалась в больнице. На ее лице отобразилась неуверенность, и она неоднозначно пожала плечами.

Врач замялся, явно подбирая слова. Затем глянул на коллегу, стоящую рядом, передавая эстафету ей. Та очевидно не отличалась пунктуальностью и сочувствием, поэтому сходу спросила:

- Вы знаете, что у Вас отрезан язык и руки?

Лена остановилась на полувдохе, не веря своим ушам. Она хотела переспросить: «Что?!», - но изо рта вырвалось лишь нечленораздельное мычание, а горло вновь пронзила резкая боль. И тут девушка поняла, что на самом деле у нее болит не горло, а основание языка. Языка, которого она больше не чувствует.

- Мы нашли Вас в таком состоянии возле входа в приемное отделение, - не реагируя на шок пациентки, продолжила женщина, выдавшая виды и выработавшая в себе цинизм, изжив сострадание напрочь, - Вы были напичканы алкоголем и димедролом. Вы сами их выпили?

Лена уже не слушала, она медленно подняла свои руки и в ужасе уставилась на красно-коричневые бинты, обмотанные вокруг запястий, после которых не было ничего. Не было кистей. Ее кистей. Несмотря на шок, Лена не терялась в догадках о том, как это могло случиться и что все это значит. Она точно знала, что это «растаяли снега» Михаила, и он позаботился о том, чтобы она никому не смогла рассказать о встрече с ним и его мертвой женой.

Кладовая

*Я иду тропами ада
В раскаленной лаве вулкана
Мне бессчетная выпала дней
Вереница скитаться на дне*

*Я бесстрашно спустился во мрак
Я не верил в судьбой данный знак
Мне теперь гореть беспрестанно
И молить о смерти желанной*

*Но неведома смерти кончина
Ведь я мертв – тому вся причина...*

- Наконец-то, у нас есть собственный дом, - расплылась в довольной улыбке Римма.

Сэй обнял ее, прижавшись щекой к ее темным густым волосам.

- Черт, - процедил Ян, пнув кухонный табурет, на котором решил выместить свою злобу. Он взбежал вверх по дубовой лестнице, ведущей на второй этаж, чтобы скрыться от родителей, которые притащили его в эту глушь, даже не посоветовавшись с ним.

Многие из его бывших одноклассников продали бы душу, чтобы оказаться на его месте. Но он не был из любителей подобных поворотов судьбы, будучи привыкшим к своему старому дому, школе и друзьям. А чем ему заниматься здесь, в чужой стране, где он никого не знает?

Близнецы сидели за столом, лопая вагасы и болтая ногами. Им было невдомек, отчего их старший брат так недоволен. Малыши радовались новому приключению и тому, что теперь будут жить в большом доме с красивым садом и, к тому же, родители обещали завести кошку, отчего их радость была запредельной.

Яну же было наплевать на кошек и сады. Его оторвали от того, к чему он привык и чем дорожил. Товарищи устроили ему проводы перед отъездом, и в тот день он в последний раз увидел Диану, девушку, в которую был влюблен с восьмого класса. Тогда она призналась ему и в своих чувствах, отчего его сердце разбилось на тысячи мелких оскол-

ков, когда, случись это раньше, он бы парил в облаках от счастья. Теперь же покинуть родину было во много раз больше, ведь там осталась та, которая хотела подарить ему свою любовь, и любовь к которой тянула его обратно. Ян все еще никак не мог поверить, что происходящее - реальность. Казалось, вот он откроет глаза и поймет, что все это просто дурной сон, а на самом деле он в своей комнате в Москве, а в сотне метров от дома стоит его школа, в которой каждый день он украдкой наблюдает, как шелковистая прядка падает на карие глаза Дианы. Она легким движением убирает ее за ухо и опускает голову, вчитываясь в бессмысленные для него тексты учебника.

- Ненавижу, - выдал Ян и стукнул кулаком о стену. Он стиснул зубы, силясь не заплакать, но слезы покатались по щекам, заставляя парня чувствовать себя самым жалким и несчастным существом на свете.

И зачем только взрослые заводят детей? Потому что так надо? Хотят выполнить свой долг перед обществом, природой или Создателем? А, может, окружают себя тем, что создает их личную зону комфорта, в которой детям отдается следующее после дивана место? Сэй с Риммой вечно утверждали, что все делают во благо Яна и близнецов. Но разве является благом заставить сына так страдать? Возможно, в их видении все так и есть, как они говорят, не понимая того, что для детей бывает лучше то, чего хотят именно они, а не то, что сочли для них лучшим родители. Хотя, вполне вероятно, что они просто преследовали собственные цели и желания, предпочтя утверждать, что так будет лучше и для Яна, хотя вовсе не заботились о его мнения, решив, что, в конце концов, он привыкнет и смирится с их выбором. Что ж, тем лучше. Тем больше у него оправданий, чтобы портить им жизнь.

Он включил музыку в плеере на полную громкость, надеясь заглушить собственные мысли, и уставился в потолок, на котором, как на полотне проекционного экрана кинотеатра, вырисовывался образ Дианы. В ушах гремела музыка, и Ян больше не сдерживался от слез, стекающих по вискам в его черные волосы, с выбритым за ушами орнаментом. Обычно он каждое утро укладывал «перьями» свою шевелюру, торчащую от темечка до лба, но сегодня она была в полном беспорядке, просто крича о том, что ее владельцу теперь на все глубоко наплевать.

Внизу Римма и Сэй распаковывали вещи, стараясь как можно быстрее обжиться на новом месте. Сэй давно мечтал вернуться в Японию, которую покинул двадцать лет назад по долгу службы. Когда он встре-

тил Римму, решил остаться в России на постоянной основе, но родные края всегда манили его, и он лелеял надежду, что жена согласится переехать в Страну Восходящего Солнца. В молодости он жил в Осаке, но теперь они решили поселиться подальше от шума крупного города и выбрали небольшой городок Хикари в префектуре Ямагути на острове Хонсю.

А Ян привык к шуму мегаполиса, он не представлял себе жизни в провинциальной глубинке, к тому же где-то далеко в Японии. Он родился и вырос в России, считая себя русским, несмотря на то, что его отец японец. Когда все москвичи поголовно увлекались сушиами и японской кухней, Ян обеими руками голосовал за сочную котлетку и жаренную картошку без всяких там нори и васаби. Несмотря на то, что Сэй пытался привить сыну свою культуру, все его успехи на этом поприще заканчивались лишь тем, что тот выучил японский язык. В остальном, кроме внешности метиса, Ян был совершенно далеким от Востока человеком, не интересовавшимся его тайнами, традициями и философией ни на грамм.

Сдав годовые экзамены за десятый класс, Ян надеялся на безбашенное лето с друзьями, поход с палатками и сплавом на байдарках, бессонные ночи и все то, чем он привык развлекаться, когда на дворе жара, и тебя не ждут скучные уроки и строгие учителя. Но теперь он вынужден торчать среди незнакомых людей, чьи манеры и привычки у него вызывали негодование. Он плохо себе представлял, как будет отвешивать поклоны при встрече и ковыряться палочками в лапше. Даже в те моменты, когда друзьям удавалось затащить Яна в японский ресторан, он просил европейские приборы, хотя отец научил его владеть палочками в совершенстве с молодых ногтей. Он предпочитал накрутить лапшу на вилку и запихать разом в рот, а уж есть палочками рис для него было полнейшим идиотизмом.

Ян продолжал лежать, смотря в потолок, и отгораживаться от внешнего мира наушниками с громыхающей музыкой. Внезапно наступила тишина, и тот взглянул на плеер, чертыхнувшись, когда понял, что у того сел аккумулятор. Он скривил недовольную гримасу и перегнулся через край кровати, чтобы выудить из рюкзака зарядное устройство. Откопав на дне искомую вещицу, Ян огляделся по сторонам, заприметив розетку над головой. Та была занята проводом, тянущимся к уродливому, на его взгляд светильнику. Паренек, не задумываясь, выдернул его и понял, что это предел: на него смотрела дурацкая штуковина, в

которую даже при огромном желании будет невозможно воткнуть его зарядку. Розетка Типа А с двумя плоскими параллельными контактами была откровенной издевкой, зачастую именно такие мелочи оказываются последней каплей, толкающей отчаявшихся на самоубийство или пальбу из огнестрельного оружия в общественных местах.

У Яна не было огнестрельного оружия, да и кончать с собой он не планировал, считая подобные затеи бредом апатичных эмо-дурочек. Он просто со всей силы запустил свой плеер в противоположную стену так, что тому уже больше никогда не понадобится подзарядка.

И не важно, что родители заранее запаслись переходниками для всей привезенной техники, чтобы можно было ей пользоваться, пока они не заменят ее на новую японскую. Ведь ему бы пришлось вновь идти и встречаться с ними, видеть их довольные лица, слушать замечания отца по поводу того, что сын ходит по дому в обуви, что строжайше запрещено традициями его культуры, на которые Яну откровенно накласть. Он привык, что в теплое время года можно и не переобуваться, если ты находишься, например, на даче или в загородном доме. А чем это жилище, заменившее им квартиру, отличается от дачи помимо того, что, к его сожалению, это не временное жильё? Отдельный двухэтажный домик в какой-то глухомани – чем не фазенда?

Теперь в отсутствие музыки Ян отчетливо слышал радостные визги близнецов и голоса родителей, решающих, что и куда поставить. Он любил свою семью, но сейчас очень жалел, что не имеет огнестрельного оружия.

- А ты помочь не хочешь? – заглянула в комнату мама, предварительно постучав.

- А разве не заметно, как я рвусь? – приподнял брови Ян.

- Хватит строить из себя обиженного жизнью. Хоть свои вещи заведи, их за тебя никто таскать не будь, - на этом Римма закончила свой визит и скрылась, оставив раздвижную дверь нараспашку.

- Какого?! – процедил тот, злобно уставившись вслед скрывшейся из виду матери.

Спустя пару минут, он не выдержал нарастающего шума малышей и встал, чтобы с оглушительным звуком хлопнуть дверью. Но та плавно закрылась, не произведя должного эффекта и не дав пареньку выпустить пар.

- Как же я хочу домой... - вновь расклеился Ян, - домой...

Он вернулся на кровать и повернулся лицом к стенке, надеясь, что

никто из родных больше не изъявит желания заглянуть к нему и не станет свидетелем его беспомощных рыданий.

Ян и сам не заметил, как уснул. Открыв глаза, он понял, что уже ночь, и звуки в доме стихли. Чувствовал он себя неважно, ощущая, как глаза отекли от слез. Сильный голод заставил его подняться с так и не оснащенной постельным бельем кровати, на голом матрасе которой он уснул прямо в кроссовках. Нащупав шнур от светильника, Ян воткнул его в розетку, к которой он проникся лютой ненавистью, и щелкнул выключателем. Комната озарилась кажущимся ярким после потемок светом. Протерев глаза, Ян устало поднялся с кровати и поплелся на кухню. В плинтус холла были вмонтированы маленькие светодиодные лампочки, словно светлячки, обрамляющие путь. Следуя за светом, сонный мальчуган добрался до лестницы, ведущей на первый этаж, у которой след фонариков обрывался. Держась за перила, Ян спустился вниз и отыскал выключатель на дубовой колонне, так же подсвеченный диодом. Загорелись настенные бра, и паренек доволочил свои ноги до кухни, где мигом полез в холодильник. Обнаружив там кучу всякой японской ерунды, он в сердцах чуть ли не захлопнул дверцу со всей силы обратно, но вовремя углядел контейнер, наполненный картофельным пюре. Ян тут же вытащил добычу, откупорил крышку и увидел, что поверх картошки лежит жаренная куриная ножка. Очевидно, что мама постаралась специально для него, но, видимо, решила не будить, поэтому ужин отправился прямиком в холодильник. Вместо того, чтобы испытать чувство благодарности, тот подумал, что родительница просто пытается подлизаться, чтобы сын не дулся из-за того, что ему разрушили жизнь.

Возиться с едой он не собирался, поэтому засунул пюре и курицу в микроволновку прямо в контейнере, не удосужившись переложить все на тарелку. Пока еда разогревалась, Ян нашел пульт от телевизора и стал переключать каналы, решив, что света бра из комнаты и телевизора ему вполне достаточно. Когда поздний ужин разогрелся, он достал его, обильно полил майонезом и принялся уплетать с огромным аппетитом, уставившись на экран телевизора, по которому шла музыкальная передача.

Покончив с курицей и пюре, Ян не чувствовал полного насыщения, поэтому стал рыскать в поисках добавки. Не найдя больше ничего «съедобного», он выудил лоток с сушами и раздавил их вилкой, затем одобрил своим излюбленным майонезом и счел сей салат вполне сно-

ным.

На экране скакали дивы, крутя обнаженными филейными частями, затмевающими их вокальные данные. Вокруг ошивались чернокожие «крутые перцы», размахивая руками и напрягая лицевые мышцы, как при акте дефекации. Ян самозабвенно жевал, не отводя глаз от телевизионного действия, отвлекающего от дурных мыслей. Когда наступила рекламная пауза, он «очнулся» и снова окунулся в свое несчастье, лелея мечту вновь оказаться дома.

Спать уже не хотелось, поэтому Ян решил посидеть в интернете, надеясь, что общение с друзьями, оставшимися на родине, его взбодрит, а не заставит грустить и скучать пуще прежнего. В прихожей стояли его не распакованные сумки, в которых он и отрыл свой лэптоп. Зарядка еще была в норме, поэтому не пришлось швырять об стенку и его вслед за плеером, покоившемся на полу спальни в разобранном состоянии.

В Москве еще восемь вечера прошлого дня, тогда как здесь уже два часа ночи нового. Скорее всего, многие из его товарищей должны быть он-лайн. Теперь вопрос лишь в том, чтобы отец уже успел установить роутер.

- Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, - как заклинание твердил Ян, - есть! – воскликнул он, когда появился заветный запрос на разрешение подключения.

Стоило ему зайти на сайт, как он тут же увидел уйму непрочитанных сообщений, и одно за другим стали сыпаться новые. Настроение мигом поднялось, и парень принялся отвечать всем по очереди, потом объединил диалоги с товарищами, устроив чат, в котором они все вместе болтали, будто вновь собрались своей дружной компанией. Обсудив перелет, новый дом, Японию и дела у оставшихся в России, Ян решил, что пора «между делом» спросить, как там Диана. Повисла пауза, после которой последовал ответ одного из товарищей о том, что она ушла гулять со здоровьем из параллельного класса. Ян стиснул зубы, а пальцы впились в клавиатуру, набрав в окошке для сообщения нечитаемый бред. Сделав вдох, он стер получившуюся белиберду и зашел на страничку «предательницы». Ничего не свидетельствовало о том, что она страдает в его отсутствие: никаких грустных надписей, статуса и картинок. Все как обычно. Посидев еще пару минут, Ян сказал, что очень устал и идет спать. У него пропало всякое желание общаться с кем бы то ни было. Товарищи пытались успокоить его, зная о чувствах, которые друг питал к Диане. Они убеждали его, что она просто

пытается смириться с его отъездом, понимая, что иметь отношения на расстоянии, тем более на таком огромном расстоянии, нет никакого смысла. Оттого было только больнее. Ведь он был готов сделать все, чтобы накопить денег и вернуться обратно в Россию. Обратно к Диане, признавшейся в своих чувствах в день перед его отъездом. Зачем только она это сделала? Лучше бы не говорила ничего вообще, ведь тогда, возможно, было бы проще смириться с тем, что придется забыть ее и принять, что у нее есть своя жизнь, в которой ему никогда не найдется места. Но после услышанного, Ян успел построить такие воздушные замки, столько всего намечтать и напланировать, что только что прочитанная новость словно выбила у него почву из-под ног, уничтожила эти воздушные замки, в которых он мог прятаться от суровой реальности на чужбине, лелея надежду о воссоединении с любимой.

Да, он прекрасно понимал, что на проводах Диана, наверное, выпила лишнего. Но он не хотел допускать, что она и взболтнула лишнего, просто поддавшись нахлынувшим под воздействием алкоголя и скорого отъезда виновника «торжества» эмоциям. Ян был твердо уверен, что она сказала правду не только сиюминутную, но и отражающую действительность всех лет, что они знали друг друга.

Их поцелуй он не забудет никогда. Она была страстна, хотя чувствовалось отсутствие опыта и сноровки в поцелуях. Яну это показалось очень милым, ведь сие свидетельствовало, для него, о том, что она не обжимается с каждым встречным. Ему и в голову придти не могло, что девочка просто не умеет целоваться, несмотря на достаточное количество практики и «учителей».

Он ее боготворил. И новость о ее прогулке с другим больно ранила по сердцу паренька.

Настроения уже не было ни на что, поэтому Ян решил пойти лечь спать, отыскав в маминой еще не распакованной аптечке снотворное. Он щелкнул выключателем на дубовой колонне возле лестницы, погрузив округу во тьму. Опираясь на перила, мальчуган добрался до второго этажа, где его ждала «лунная дорожка» из фонариков-светлячков.

Его комната была за первой же дверью справа, так что долго плутать ему не пришлось. Только Ян собирался зайти к себе, как услышал какие-то звуки. Он остановился и прислушался. Это был шепот и детский смех. Близнецы. Конечно, кто же еще? Ян решил не обращать на это никакого внимания. Подумаешь, ну не спят они в столь поздний час. И что? Он сам любил пошалить в их возрасте. А побыть послуш-

ными и ответственными они еще успеют.

Снотворное подействовало не сразу, и Ян успел снова перебрать мучившие его вопросы. Стоило ему лечь в кровать, как мысли набросились на него, словно кровожадные хищники, не дающие возможности скрыться и найти душевное равновесие. Но он не плакал. Нет. Он чувствовал себя обманутым. Преданным. И это придало ему сил трансформировать горечь оттого, что Диана с другим, в злость, а не в немощную слабость с распусканием нюней.

Ян и сам не заметил, как уснул. Его словно всосало в воронку забвения, и, когда он открыл глаза, было уже около полудня. Сначала ему показалось, что все хорошо, что он дома в России. Но стоило сонной неге отпустить его сознание, как мальчик понял, что находится за много миль от своей обители. Боль и тяжесть переживаний последних дней накрыли его огромной волной, практически потопив и отобрав возможность дышать. Ян резко присел на кровати и попробовал восстановить дыхание, отмахиваясь от этих странных и невыносимых чувств. Они его испугали. Будто он играл на пляже с белым песочком, радуясь жизни, а мгновение спустя, цунами смыло все радости, жизни и уничтожило всех и вся на своем пути.

- С добрым утлом, - картаво поприветствовал его один из близнецов.

- И тебе того же, Дилли, - потрепал малыша по скудной шевелюре Ян, - или ты Вилли?

Он дал им прозвища, считая их более подходящими братьям, чем их имена: Миша и Саша. Сначала он подумывал называть их Зита и Гита, но решил, что это уже перебор.

- А хотя какая разница... - скрылся в уборной Ян.

Первым делом он ополоснул лицо холодной водой, чтобы привести себя в чувства. Точнее избавиться от тех чувств, что им завладели после пробуждения. Потом он решил принять душ, а затем спустился вниз, надеясь чем-нибудь перекусить.

Телосложением Ян пошел в отца. Оба худощавые и длинные. И оба, на удивление всем, могли засовывать в себя пищу ведрами, при этом не поправляясь ни на грамм. Сын сильно переживал из-за своей внешности в средней школе, многие его называли дистрофиком, поэтому классе в восьмом он начал ходить в качалку, чтобы привести себя в форму. Шварцнегером он, конечно, не стал, но на пляже над ним уже мало кому приходило в голову посмеяться.

- А я думала, ты не любишь суши, - лукаво промолвила мама, когда

Ян появился на кухне.

- С майонезом я все люблю, - не разделяя ее веселья, ответил сын.

- Яблочную шарлотку тебе тоже с майонезом подать? – продолжила забавляться Римма.

Ян уставился на нее непробиваемым взглядом, будто бык, смотрящий на красную тряпку.

- Да ладно тебе, - примирительно погладила его по плечу женщина, - кофе будешь?

- Да, - уселся он за стол, - а шарлотка правда есть?

Римма засмеялась и кивнула. Это был любимый десерт ее сына. Она готовила шарлотку фактически каждую неделю последние лет пять. Причем, Ян любил именно из слоеного теста с корицей. Так что, получив свою порцию вместе с горячим кофе, он почувствовал себя гораздо лучше и даже немного поубавил свою обиду на родителей.

- Мы с отцом хотели съездить кое-куда, - начала мама, когда Ян заметно подобрел, - посидишь с близнецами?

- Так вот к чему все это? – отложил он недоеденный кусок.

- Ты о чем? – недоуменно уставилась на него Римма.

- Кофе, пирог, - развел руками парень, считая все очевидным и вовсе не радуясь, что его принимают за простачка.

- Я каждую неделю готовлю тебе пирог и ежедневно варю кофе, - делала вид, что не понимает, о чем тот толкует, женщина.

- Мам, да брось! – поднялся из-за стола Ян, - когда последний раз ты мне наливала кофе и подносила завтрак на блюдечке с голубой каемочкой, а?

- Я просто хотела, чтобы ты чувствовал себя здесь лучше, - обеспокоенно посмотрела на него мать, - это никак не связано с нашей поездкой с отцом. Если тебе так тяжело, то мы возьмем близнецов с собой.

- Нет, я посижу, - буркнул мальчик и обиженно процедил - чего уж там... - направился на выход из кухни, потом немного потоптался на месте, вернулся к столу, забрал оставшийся кусок шарлотки и вернулся в свою комнату.

Спустя около часа, мама постучалась и заглянула к Яну в комнату, чтобы сообщить о том, что они с отцом уже собираются на выход.

- А это что? – пригляделась она к разломанным останкам плеера на полу.

- Ничего, - передернул плечами сын, поднимаясь с кровати, - где мелкие? У себя?

- Да, - кивнула женщина.

- Удачной поездки, - небрежно бросил мальчик, даже не поинтересовавшись целью отъезда, и прошел мимо матери в холл.

Римма обеспокоенно проводила его взглядом, надеясь, что такое расположение духа ее старшего сына лишь временное явление.

- Ну что, мелкота, нравится вам здесь, я вижу? – зашел к близнецам Ян.

- Нлавица! Нлавица, - запищали те, радуясь, что брат решил зайти к ним в гости.

Ян стал озиаться по сторонам в поисках сидения. Все вокруг казалось таким маленьким и хрупким, что он решил не рисковать и уселся прямо на полу. Мелюзга поторопилась к нему, норовя побороть его. Когда все устали от игрищ, Ян решил отвлечь малышей беседой.

- А вы чего это ночью не спали, а?

Малыши переглянулись, но ничего не ответили.

- Да ладно вам, мне-то уж можете сказать, я вас ругать не буду.

- А маме и папе не сказес?

- Нет, - хмыкнул Ян.

Вилли и Дилли снова посмотрели друг на друга и решили открыть свою тайну старшему брату. Они взяли того под руки и повели к дверце кладовой, еще ничем не заполненной. Ян огляделся, но ничего не понял. Малыши, как взрослые, выждали момент для пущего эффекта и подошли к задней стенке кладовой, с легкостью отодвинув ее в сторону.

- Ого, - удивился парень, - надо было мне занять вашу комнату.

- Это нас тайный домик, - похвасталась ребятня, включив игрушечный светильник на батарейках.

- Ты же не отбелес его у нас? – обеспокоенно спросил Дилли.

- Отберу, конечно, - сделал суровое лицо Ян.

Малыши тут же испуганно принялись закрывать секретную дверцу, но брат рассмеялся, развеяв их переживания:

- Да шучу я, не бойтесь. Не отберу я ваш тайный домик. И что вы тут делали ночью?

- Мы залили хлеб.

- Чего? – не понял Ян.

- Хлеб.

- Чего хлеб?

- Залили! – возмутился непонятливости столь взрослого человека Вилли.

- Жалили хлеб? – усмехнулся паренек, - у вас есть жала?
- Ты дулак, сто ли? – хмуро посмотрел на него Дилли.
- Э! – дал ему легкий подзатыльник Ян, - думай, с кем говоришь. Так и что вы тут, говорите, жарили хлеб?

- Ага.

- Пожарьте и мне, что ль, - пожал плечами Ян.

Вилли поднял с пола пакет с кусочками хлеба

- А где вы его взяли-то?

- На кухне, конесно.

- Как это я сам не догадался?..

Мальчики насадили по кусочку хлеба на карандаши и прошли вглубь потайной комнатушки. Ян следил за их действиями, поначалу подумав, что они тут «залили» какие-нибудь бумажки, называя их хлебом. Но те приложили хлеб к стенке, и та медленно начала краснеть.

- Это еще что? – стал тереть глаза парень, решив, что ему показалось.

- Это наса петька, - гордо заявил Вилли.

- Ваша п-печка? – запинаясь переспросил Ян. Он взял игрушечный светильник и поднес его к стене, чтобы разглядеть, что с ней такое происходит, - ну-ка отойдите отсюда.

- Но мы же еще не дозалили! – возмутились близнецы.

- Это может быть опасно, - заявил Ян, осматривая поверхность стены.

- Не надо было нисего тебе говолить!

Парень не обращал внимания на возмущение братьев. Стоило им отойти, как краснота стала угасать. Ян осторожно поднес руку к «печке», держа ее на расстоянии. Пятно начало вновь накаляться, издавая заметный жар. Ян немного приблизил ладонь, пятно раскраснелось еще сильнее.

- Что за фигня?.. – не мог понять он. Ян осторожно касался других участков стены, но те оставались без изменения, - она металлическая...
- констатировал мальчик, - думаю, за ней что-то есть.

Он стал осматривать углы и обнаружил, что эта железная пластина поставлена на здоровенные уголки.

- Надо их снять, - констатировал он.

- Нет! – завопили близнецы, - ты сломаес нас домик!

- А ну брысь отсюда!

Ян вывел братьев из комнаты и пошел вниз за папиным чемоданчиком с инструментами, который стоял наготове в гостиной. Вернув-

шись, он обнаружил, что дверь в кладовую закрыта. Но открылась она без проблем. Так же была захлопнута и дверь в потайную комнату. Близнецов нигде не было. Ян стал отодвигать и эту дверцу, но она плохо поддавалась. Он забеспокоился и резким движением дернул ее в сторону. Она открылась, а из-за нее раздался писк малышей.

- Я же сказал, чтобы вы свалили, - разнервничался Ян, поняв, что это близнецы пытались держать дверь изнутри.

- Но так не цесно! Это мы насли домик!

- Вы понимаете, что это опасно?

- Ты нам больсе не длуг!

Вытолкав малышей, Ян принялся за дело. Сначала он включил походную лампу, освещающую гораздо лучше своего игрушечного предшественника, затем выудил механическую отвертку и стал выкручивать здоровенные болты. Работа была в самом разгаре, когда Яна окликнули младшие братья, сообщив, что родители приехали.

- Они не должны нитого узнать! Сплячь нас домик! Ты обесял, сто нитого не сказес!

- Черт с вами, - оторвался от болтов парень, - только вы сюда ни ногой, пока я не разберусь, в чем дело.

Родители вернулись с кучей провизии и разных необходимых мелочей для дома. Ян и сам не заметил, как проголодался, так что, стоило матери выудить из пакетов упаковки нарезки, как сын тут же распотрошил парочку, уложив ее содержимое на кусочки хлеба, сдобренные майонезом.

- Не пей из пакета, - строго сказал Сэй, заметив, что Ян, по привычке, откупорил двухлитровый сок, к которому присосался, даже не удосужившись налить себе порцию в стакан.

Ян демонстративно делал огромные глотки, а напившись, провел тыльной стороной ладони по губам и гулко выдохнул, оповещая об отменном вкусе напитка.

Для Сэя подобное поведения сына было в новинку. Обычно мальчик слушался его и не создавал проблем. Даже если он и хулиганил или делал ошибки, стоило отцу указать тому, в чем он неправ, Ян прекращал безобразничать. Но не в этот раз.

- Поставь сок и иди в свою комнату, - строго сказал Сэй.

Ян молча поднес пакет к губам повторно и снова начал пить, не обращая внимания на недовольство отца.

- Я с кем разговариваю? – начал терять терпение мужчина.

Ян демонстративно оглянулся по сторонам и пожал плечами, все еще не отрываясь от сока.

- А ну-ка поставь сок и иди к себе, - Сэй не мог потерпеть к себе подобного отношения от собственного сына.

- А то что? – наконец-то, поставил пакет мальчик, - большего наказания, чем эта дыра, ты уже не придумаешь.

Ян встал из-за стола и под недоумевающие взгляды родителей вышел во двор, прихватив с собой бутерброды.

- Не надо, - остановила Римма мужа, собравшегося нагнать обнаглевшего юнца.

Сэй помотал головой, зная, что жена права. И зная, что сын имеет полное право не быть довольным переездом, ведь его лишили привычной жизни, на которую он никогда не жаловался.

Погода стояла до омерзения прекрасная, и Ян недовольно опустил на прогретую землю, устланную идеально ровным газоном. Он упле-тал свои бутерброды и впервые со времени приезда подумал о том, что, возможно, переезд был не такой уж и плохой идеей. Но стоило этой мысли зародиться, как парень тут же прогнал ее восвояси, не будучи готовым признать полную капитуляцию и забыть все, чего его лишили. Ему показалось слишком опрометчивым показать родителям их правоту, ведь сие приведет к тому, что они вечно будут делать то, что считают нужным, несмотря на его мнение. Чтобы восстановить картину куда-то улетучившихся страданий, Ян вспомнил о Диане, что тут же вернуло его к апатии. Он стал думать о том, чем она занималась с тем здоровяком из параллельного класса. Целовала ли она и его? Или это была просто невинная прогулка? Он не знал. И не был уверен, что знать хочет. Что если она вовсе на такая, какой он ее себе представлял? Что тогда? Все эти годы он смотрел на нее вблизи, привыкнув считать милой наивной девочкой, какой она пришла в их класс, когда ее семья переехала из другого района. Теперь же он словно наблюдал ее на расстоянии, задумываясь о том, что, возможно, это просто детская влюбленность, о которых так любят вспоминать взрослые с улыбкой. Всего сутки и семь тысяч километров смогли пошатнуть в нем незыблемую уверенность в его чувствах и правоте.

Мало кто любит проигрывать, поэтому люди, даже допустив вероятность того, что могут ошибаться, продолжают биться лбом, чтобы всем доказать свою непоколебимость, тратя уйму времени, сил и нервов, хотя вместо этого могли бы спокойно наслаждаться жизнью.

- Когда нам уже можно будет играть в нас домик? – близнецы встали перед Яном, заградив ему солнечный свет.

- Когда я разберусь, что там за штука, и пойму, что нет никакой опасности.

- И когда это будет?

- Когда родители опять куда-нибудь уедут. Конечно, я могу при них продолжить начатое, но тогда ваш секрет будет раскрыт.

Малыши переглянулись и вынесли вердикт:

- Мы подозреваем.

Ян стал перебирать в голове всевозможные варианты того, что может быть за этой пластиной, пока малышня резвилась на травке. В голову лезли различные варианты, но ни один не мог объяснить, почему нагревание происходит только, когда кто-то туда приближается. Возможно, там стоит какой-то датчик... но зачем?

«Точно, - расплылся в улыбке Ян, радуясь своей догадке - это же что-то типа «комнаты страха» мэйд ин Джапэн! А нагревательный элемент с датчиком, чтобы люди могли приготовить себе поесть или погреться, пока скрываются от грабителей».

Теперь все казалось очевидным, и паренек мог прекратить процесс разборки потаенной комнаты, но оставлять маленьких детей играть, фактически, с огнем нельзя, так что, в любом случае, этот нагреватель придется снять. «Интересно, а родители знают об этой комнате? Ведь при покупке дома им давали план...» Что они скажут, узнав, что сын самолично сделал там «перепланировку»? Для начала надо ознакомиться с планом дома, а потом уже, исходя из этого, делать выводы о родительской осведомленности в данном вопросе. Хотя, если логически подумать, то, знай они о тайнике, не стали бы селить близнецов в комнату, сопряженную с ним, ведь они не могли не подумать о том, что те ее когда-нибудь обнаружат и могут живьем поджариться.

План не был секретным документом, но до него нужно было добраться, не вызвав подозрений. А то начнутся расспросы, совершенно не нужные при сложившихся обстоятельствах. В конце концов, Ян обещал мелким сохранить их тайну, что и собирался сделать.

К ужину Ян стал думать о том, что у него, наверное, снова накопилась целая куча сообщений от друзей. Но заходить в сеть ему вовсе не хотелось. Казалось, он обрел некое подобие равновесия и не желал нарушать его очередными новостями о похождениях Дианы.

Когда в доме стихло, Ян решил навеститься в отцовский кабинет, что-

бы ознакомиться с планом дома. В их семье было принято негласное доверие, то есть без всяких вопросов и оговорок подразумевалось то, что все ее члены честны и не способны на обман ближнего. Поэтому кабинет отца был открыт, и Ян беспрепятственно смог в него проникнуть. Он быстро нашел секретер, в котором хранились документы «общего назначения», не относящиеся к его работе, и, спустя пару минут, уже держал искомую бумажку в руках.

Ян стал разглядывать план и быстро отыскал на нем свою комнату и комнату близнецов. Между ними и находилась кладовая, отмеченная, как и положено. Но вот секретной комнаты за ней не было и в помине. Мало того, судя по плану, кладовку от комнаты Яна отделяла тонкая стенка. Расчет был явно на то, что никому не придет в голову бегать по дому с рулеткой и замерять несоответствия плану, хотя те были очевидны, если знать о том, что на самом деле скрывают стены. Судя по увиденному на схеме, под кладовой на первом этаже находилась лестница в подвал. Ян направился к ней, чтобы посмотреть то, что, возможно, на плане не указано.

По обе стороны от лестницы были стены толщиной, примерно, по полметра. Для чего такое отсутствие эргономики было совершенно не ясно. В другое время Ян и не обратил бы на это внимания, что, собственно, и сделали, точнее не сделали, все остальные члены семьи, включая и его самого до знакомства с планом. Осматривать подвал в столь поздний час паренек не решился. Пусть он и был не из пугливого десятка, но прекрасно помнил, как в фильмах ужасов кромсают незадачливых простачков, лезущих в очевидно опасные места. Конечно, подвал сложно было назвать чем-то подобным. Но кто его знает? Ян все же рисковать не стал, хотя сам себе и не признался, что дело тут в страхе.

Вернув план на место, он отправился в свою комнату, в которой стояла все еще не убранная постельным бельем кровать. Ян с досадой посмотрел на нее, подумав, что мама могла бы и позаботиться о своем сыне, переживающем не самые лучшие времена. Обломки плеера тоже остались нетронутыми, что так же порядком возмутило паренька, хотя он давно уже вылез из-под маменькиного крылышка и сам следил за чистотой в своей комнате, в которую строго-настрого запретил родителям заходить без спроса. Они уважали его личное пространство и не совали носа в комнату сына в его отсутствие, а когда он был там, стучали, прежде чем войти.

Сегодня сон пришел быстрее и без снотворного, хотя мысли о доме, друзьях и Диане все еще посещали голову Яна. Но больше его теперь занимали размышления о тайной комнате. В детстве он любил играть в сыщиков, теперь перед ним предстало настоящее дело, к тому же способное отвлечь от депрессии. Он стал размышлять о том, что, возможно, за пластиной скрывается еще что-то помимо нагревательного элемента. Вдруг там есть какой-нибудь тайный лаз? Теперь он с нетерпением ждал, когда родителям снова нужно будет куда-нибудь уехать, дав ему своим отсутствием возможность разгадать эту тайну.

Долго ждать не пришлось: на следующий же день отец отправился на работу, а мама предложила остальным домочадцам устроить пикник в парке. Малыши с радостью согласились, а Ян сообщил, что не горит желанием, и остался дома. Стоило родным скрыться за порогом, как мальчик тут же принялся за дело, с усердием расправляясь со старыми болтами. Римма сказала, что их не будет часа три-четыре. Именно столько времени было в распоряжении паренька.

В некоторых местах резьба заржавела, что отягощало труд, но Ян не опускал руки и старался изо всех сил. Спустя пару часов он закончил со всеми креплениями и стал осторожно отодвигать заслон, стараясь не покалечиться. С трудом развернувшись в узком помещении, он все же сместил пластину и смог увидеть то, что за ней было скрыто: обычная старая стена, посередине которой находилась еще одна железная пластина размером поменьше, примерно, полметра на полметра, прикрученная такими же крупными болтами. Поняв, что работа еще не закончена, Ян осторожно поднес руку к пластине, которая мигмом накалилась докрасна.

Видимо, от постоянного нагрева болты приплавилась к металлу и никак не поддавались отвертке. Тогда мальчик отправился за чем посерьезнее, надеясь раздобыть в инструментах отца перфоратор. Тот уже успел переместить свои снасти в подвал, и Ян вспомнил, что хотел его осмотреть.

И здесь лестница была обнесена толстыми стенами, предназначение которых было неясно. Вторая стояла явно для симметрии. А в первой, Ян счел, находится этот механизм для обогрева. Вряд ли он микроскопический при такой-то мощности, что за мгновение раскаляет толстые металлические пластины. Откопав искомое, Ян направился обратно, чувствуя, что находится почти у цели.

Вернувшись в комнату, он протянул удлинитель и снова принялся за

работу. Действовать нужно было быстро, так как от соприкосновения с горячей пластиной перфоратор тоже начинал раскаляться. Подобного Ян никогда не видел, но не придумал этому какого-то сверхъестественного смысла. Он считал, что еще многого не знает в этом мире из области науки, поэтому был уверен, что происходящему есть простое объяснение.

Именно сейчас Ян очень сожалел о том, что расколошматил свой плеер. Грохот стоял невыносимый, поэтому музыка ему бы точно не помешала.

- Эй! – раздалось над ухом.

Ян вздрогнул и отключил перфоратор.

- Ты что это вытворяешь? – нервно спросила мама.

Ян и не заметил, как пролетело время, и Римма с близнецами вернулись домой с пикника.

- Вы же должны были вернуться через четыре часа.

- Три, - сурово произнесла мать, разглядывая тайную комнату.

- Уже прошло три часа? – удивленно спросил мальчик.

- Не заговаривай мне зубы. Что ты тут делаешь?

- Ай... - сдался Ян, - близнецы нашли эту комнату, я решил узнать, что это такое...

Он понял, насколько несуразно прозвучало его объяснение, что женщина тут же и подтвердила.

- Чтобы выяснить, что здесь такое, ты решил разнести весь дом к чертям?..

- Смотри сама, - он решил не тратить времени на разговоры и поднес руку к пластине, чтобы наглядно продемонстрировать цель своих изысканий.

- И что?.. что это такое?

- Это я и пытаюсь узнать, - развел руками Ян.

- Ты обесял никому не говорить! – завопили Вилли и Дилли, увидев, что мама теперь тоже знает об их тайном домике.

- А ну-ка в сторону, - выставила руки вперед мама, отстраняя малышей от кладовой.

- Ну вот... - надули губы те и обиженно поплелись прочь.

- Может, стоит подождать отца? – спросила мама.

- Я уже почти все разобрал, а ты предлагаешь мне ждать отца? – вылутился на нее Ян.

- Вдруг ты поранишься?

- Мам, - состроил недовольную гримасу паренек, - иди лучше о мелких побеспокойся.

- Аккуратней тут, - решила больше не спорить женщина, хотя плохо понимала, что здесь вообще происходит, и зачем раскурочивать стену, - может, лучше забаррикадировать эту кладовую? – предложила она, мгновение спустя.

- Ты же видишь, что я уже почти все разобрал, мам, - возмутился сын.

- Нет. Выходи давай, - решила она, - лучше позвонить риэлторам, продавшим дом и выяснить, что это здесь такое. Я точно помню, что на плане нет ничего подобного.

- Да, нет... - подтвердил мальчик.

Мама сурово окинула его взглядом и повторила:

- Выходи.

- Но, мам! – возмутился тот.

- Не «но, мам», а выходи, - тоном, не терпящим возражений, заключила Римма.

- Нет, - отрезал Ян.

- Выходи, я сказала. Вдруг это какая-нибудь внутренняя система отопления, разветвляющаяся по всему дому, а ты ее сейчас сломаешь. Кто будет платить за ремонт?

Ян почувствовал себя довольно глупо. Ему в голову не приходило ничего подобного, но сейчас мамино предположение показалось очевидным.

- Ладно... - выдавил он и стал выбираться наружу.

Римма позвонила сначала Сэю, и они оба решили, что стоит обратиться к риэлторам. Так женщина и сделала. Но это не принесло никаких результатов, ибо компания, занимавшаяся продажей их дома, и понятия не имела об этой тайной комнате и нагревательном элементе. Предыдущие жильцы не оставили координат для связи, так что все вернулось к исходной точке. Сэй самолично поехал в их компанию, надеясь, что удастся что-то выяснить, но результат был снова нулевой. Тогда мужчина настоял на том, чтобы к ним направили экспертов, которые смогут определить, что за странный объект находится в его доме. Компания обещалась сделать это завтра же, чтобы избежать судебных разбирательств, если там будет что-то опасное, о чем они не предупредили покупателей.

- Может, теперь я все-таки продолжу то, что начал? – настаивал Ян.

- Нет, - строго сказал отец, - завтра приедут эксперты. Сегодня уже слишком поздно, близнецам пора спать.

- Но мы же не положим их в той комнате? – понадеялась Римма.

- Пусть сегодня лягут в гостевой спальне, - согласился отец, сочтя неправильным укладывать малышей рядом с непонятным объектом и развалинами, к которым они могут спокойно пробраться и пораниться.

Ян был разочарован: его маленькое приключение перевели в обычные бытовые проблемы. Теперь ему вновь не о чем было думать, помимо переживаний и недовольств.

Часов в одиннадцать утра следующего дня пришли специалисты, чтобы разобраться со странной находкой. Из комнаты стали доноситься оглушающие звуки перфоратора, но вскоре все стихло, и двое мужчин в униформе спустились обратно, собираясь уходить.

- Ну и что это такое? – остановила их хозяйка, удивившись, что они молча вышли на улицу.

- Ммм... сверлил ее взглядом один из команды, - это...

- Мусоросжигатель, - заявил второй.

- Точно, он самый, - подхватил тот.

- Мусоросжигатель? – вылупилась на них Римма, - что мусоросжигатель делает в доме, в кладовой, спрятанный за семью печатями?

- Мы не проектировали этот дом, так что вопрос не к нам.

- И что нам теперь с этим мусоросжигателем делать? – подперла бока руками та.

- Сжигать мусор, - ухмыльнулся первый.

- Он находится в комнате моих маленьких детей, - возмутилась женщина.

- От нас Вы что хотите? Мы сделали свою работу.

- Я позвоню вашему начальству, - процедила Римма.

- Звоните, - пожали плечами мужчины и ушли восвояси.

- Нет, ну ты представляешь?! – кинулась женщина к сыну, - они сказали, что это мусоросжигатель!

- В жилом доме на втором этаже в кладовой? – опешил Ян.

- Ага, - выпятила язык в щеку Римма.

- От какого мусоросжигателя может идти такой жар? – совсем запутался мальчик, - да еще и только когда к нему приближаются...

- Вот уж не знаю... сейчас позвоню отцу...

Пока женщина набирала номер, Ян отправился наверх, чтобы само-

лично осмотреть этот таинственный мусоросжигатель.

Пластина была снята и валялась на полу. На ее месте было квадратное отверстие, должное закрываться заслонкой, которая оказалась открыта настежь. Ян пробрался к стене и наклонился, чтобы рассмотреть, что там в дыре. Стоило ему приблизиться, как темное отверстие засияло и обдало Яна невыносимым жаром. Он почувствовал, как его кожу лижут языки пламени, сжирая каждую клеточку и причиняя невыносимую боль. Он стал вопить от ужаса и почувствовал, что куда-то проваливается. В глазах был только яркий слепящий свет, не дававший возможности что-либо увидеть. Вдруг он опустился в какую-то жидкость, но жжение не прекратилось. Инстинктивно Ян стал барахтаться и пытаться плыть. Он вынырнул из странной биомассы и открыл глаза, в которых была страшная резь. Кругом оказались видны лишь яркие красные и оранжево-желтые всполохи. Боль не утихала, но парень собрался с силами и стал озираться по сторонам. До его слуха донеслись душераздирающие вопли. Вскоре он понял, что один из них принадлежит ему самому. Но он здесь не один. Кругом повсюду из раскаленной магмы пытаются вынырнуть обугленные люди, сторающие заживо. Ян взглянул на свои руки и увидел черные остовы вместо них. Он понимал, что и сам стораает живьем. Мальчик судорожно принялся грести, но чувствовал, что распадается на части. От него уже почти ничего не осталось, когда он осознал, что вновь чувствует свое тело. Он глянул на руки – они были целы. Но с их возвращением усилилась и первоначальная боль, охватившая все тело, сторающее вновь. И люди вокруг, томящиеся в этой жуткой лаве, сторали дотла, появлялись и пылали снова, в непрерывной агонии умирали раз за разом, стеная и моля о пощаде.

Из глотки Яна вырывались истошные животные вопли, пока в рот не заливалась лава, сжигая его связки и гортань. Всюду витал запах паленой плоти и жженных волос, люди топили друг друга, мечтая о спасении, но неминуемо сторали и появлялись вновь, чтобы повторить все по новой. И не было конца их мучениям и боли.

«Я в аду, - понял мальчик, - в аду...»

После оживленной беседы с мужем Римма стала звонить в контору, направившую к ним столь халатно отнесшихся к своей работе специалистов. Ей пообещали разобраться с возникшей проблемой, и женщина приступила к приготовлению обеда, припозднившись из-за суматохи с этим странным мусоросжигателем, не подозревая, что горит в нем

вовсе не мусор, а люди, среди которых пылает в страшных мучениях ее сын.

Близнецы играли и крутились вокруг мамы, «помогая» с готовкой. Римма с трудом сдерживалась, чтобы ни начать ругаться на них, но, понимая, что малыши просто хотят помочь, подавляла раздражение от их толкотники, болтовни и неаккуратности.

Сэй смог освободиться пораньше и приехал, когда жена накрывала на стол, организовывая поздний обед. Он отпросился, чтобы поскорее разобраться с этой странной штуковиной, убрать погром и жить спокойно.

- Приму душ и спущусь, - сказал Сэй жене, мечтая сполоснуться после душевного офиса, в котором, как на зло, сломался кондиционер в самый разгар лета.

- И Яна к столу позови, пожалуйста, - попросила Римма.

- Хорошо, - сказал мужчина и поторопился наверх.

Первым же делом он решил взглянуть на странный «артефакт» в кладовой и направился напрямик туда.

Ян барахтался в кипящей лаве, думая, что пребывает здесь целую вечность. Но не прошло и двух часов с тех пор, как он сюда попал. Волны адского океана магмы кружили его обугливающееся тело, кидая из стороны в сторону. Другие пленники лавы топили его, пытаясь опереться, но он выплывал, вновь возрождаясь и опять превращаясь в пепел. Мальчика прибило к кучке народу, собравшегося в одном месте. Они всеми силами старались не потерять его, несмотря на боль и муки. Здесь было легче дышать, словно откуда-то поступал свежий воздух. Разница была невелика, но и это в сим проклятом месте казалось спасением. Люди устремляли свои глаза наверх, словно ожидая чего-то. Ян тоже глянул вверх и увидел огромный пламенный купол, словно небо накрывающий огненную землю. А на самом верху по центру виднелось еле различимая точка. Вдруг один из мучеников воспарил и быстро метнулся к этой точке, исчезнув из виду. Яна обдало волной лавы, выжегши глаза. Когда он вновь смог видеть, стал оглядываться по сторонам.

- Папа, - с трудом выговорил он.

Обугливающийся Сэй барахтался в лаве, относимый волнами прочь от толпы собравшихся под точкой.

Ян начал грести в его сторону. Каждое движение давалось ему с огромным трудом. Превозмогая боль, мальчик добрался до панику-

ющего отца, который казался беспомощной головешкой, теряющийся среди других таких же страдальцев.

Сын схватил его за руку, намереваясь помочь родителю вернуться к точке отправления. Он понял, что именно она является дверью, порталом входом и выходом в и из этого страшного места. Но рука отца оторвалась и превратилась в прах в тлеющей ладони Яна. Вскоре оба догорели и возродились вновь, но были уже далеки друг от друга.

- Папа! – истошно вопил Ян.

Отец не слышал его голоса среди воплей мучеников, обреченных на вечные страдания. Он и сам дико кричал не своим голосом, не понимая, за что ему такое наказание, где он находится, и как вообще тут очутился.

Сын предпринял новую попытку догнать отца, но все повторилось вновь: стоило мальчику достигнуть цели, как оба рассыпались в пыль, возродившись уже вдалеке друг от друга.

Ян понял, что, чем яростнее он пытается спасти Сэя, тем дальше оказывается от «окна». Его мучили терзания, но, предприняв еще попытку, он сдался. Боль была невыносимой. Уже казалось геройством, что он нашел в себе силы на эти неудачные заплывы, стремясь спасти своего папу.

Ян судорожно оглядывался, плывя обратно и видя, как отец исчезает из виду.

Близнецы с удовольствием уплетали вкусный обед, пока Римма расспрашивала мужа о работе, но тот был не многословен и отделялся расплывчатыми ответами. Ян же молча заглатывал все, что было на столе, почти не жуя.

- Смотрю, ты полюбил японскую кухню? – улыбнулась мама, взглянув на старшенького.

Тот сверкнул глазами, не прекращая жевать, и ничего не ответил.

Женщина не стала лезть на рожон, сочтя, что сын не в духе, и вновь принялась за мужа.

Когда все поели, Римма принялась убирать со стола.

- Ты мне не поможешь? – обратилась она к Яну.

- Нет, - сурово глянул на нее тот и вышел на улицу.

- Я помогу, - улыбнулся Сэй, - чтобы быстрее покончить с этим и отправиться в спальню, - он приобнял жену за талию, притянув к себе, и вдохнул запах за мочками ушей, где она любила капать розовое масло.

- Что это с тобой? – захихикала женщина.

- Вторая молодость, - игриво куснул ее за шею Сэй.

Близнецов отправили в гостиную смотреть мультики, снабдили карандашами и альбомами, а сами поторопились на второй этаж, чтобы предаться плотским утехам. Муж давно не баловал Римму, лишь изредка исполняя супружеский долг, на ночь глядя, и только в миссионерской позиции. А тут сам затащил ее в постель, да стал вытворять такое, что ей и в молодости не снилось. Римма старалась сдерживаться, чтобы дети не услышали ее стоны сладострастия. Когда Сэй закончил оральные ласки, привлек жену к своему мужскому достоинству, чтобы теперь и она удовлетворила его. Затем стал крутить ее то туда, то сюда, обхаживая со всех сторон.

- Что ты делаешь? – удивилась Римма, когда муж попробовал пристроиться к ее заднему проходу.

- Разве тебе не нравится? – провел он по нему языком и принялся гладить пальцем.

- Но ты же всегда был против этого... - смутилась женщина. Хоть повсюду и ходят слухи об особой любви японцев к извращениям, Сэй всегда был приверженцем классики и никогда не пробовал ничего запретного и отходящего от нормы, а тут на старости лет решил испробовать все и сразу. Римму это насторожило, и она подумала, что супруг завел себе молоденькую любовницу, от которой и понахватался всяких причуд.

- А теперь за, - проник пальцем внутрь Сэй.

- У тебя кто-то есть? – отстранилась от него женщина.

- У меня есть ты, - облизнул палец мужчина.

Римма испытала отвращение от увиденного и совершенно не узнавала человека, находящегося с ней в одной постели. На нее смотрел ее муж, которого она знала почти двадцать лет, но одновременно это был совершенно другой человек. Будто его подменили.

- Ты завел любовницу? – не знала, что и думать бедная мать семейства.

- Нет, долгие годы у меня не было никого кроме тебя. Ты моя единственная.

- Тогда что все это значит?

- Просто я так хочу, - прикоснулся к промежности жены Сэй.

- Но... это не ты...

- А кто же тогда? – лукаво улыбнулся тот и скользнул пальцами в детородное отверстие женщины напротив.

- Прекрати, - уже совершенно не хотела заниматься любовью Римма. Это было похоже на грязные видео, что она видела в молодости у друзей. Ей это и тогда не понравилось. А уж сейчас, когда собственный муж начинает вытворять такое, она не знала, куда и деваться.

Женщина попыталась убрать руку Сэя, но тот крепко вцепился в нее.

- Мне больно, - взмолилась она, - что ты делаешь?

Сэй резко навалился на жену, не дав ей опомниться, и зажал рот ладонью. Та попробовала вырваться и кричать, но тщетно. Мужчина провел по свободной ладони языком и увлажнил ею анус Риммы, затем погрузился в него и начал двигаться, причиняя своей жертве жуткую боль, и ловя наслаждение от получаемых ощущений и ее страданий.

Близнецы смеялись, наблюдая за смешными человечками на экране, и пытались нарисовать их, выводя нелепые каракули на белых листах бумаги.

Ян бродил по округе, разглядывая редких прохожих и соседние дома. Он заметил, как все изменилось, и не знал, сколько времени прошло с тех пор, как последний раз видел белый свет.

- Какой сейчас год? – вцепился он в руку проходившей мимо старушки.

- Сумасшедший! – взвизгнула она и поторопилась скрыться от греха подальше.

- Какой год? – подошел он к другому незнакомцу.

Тот молча окинул его осуждающим взглядом и продолжил свой путь.

Ян попробовал восстановить дыхание и, набравшись смелости, обратился к очередному прохожему:

- Не подскажете, который час?

Молодой человек вынул из кармана мобильный телефон и, посмотрев на экран, сказал:

- Четыре часа дня.

- А год? – приготовился к новой порции унижения Ян.

- Две тысячи двенадцатый, - усмехнулся незнакомец, сочтя вопрос забавным, - планета Земля.

- Две тысячи двен... - запнулся Ян, - спасибо... - согнулся он в почтительном поклоне и поторопился скрыться, в испуге оглядываясь на молодого человека, принявшегося снимать его на мобильный телефон.

Он прикрыл голову руками и побежал, думая, что тот сейчас начнет

в него стрелять.

Когда Сэй закончил пыхтеть на Римме, он навалился на нее всем своим весом, расплывшись в довольной улыбке. Женщина смотрела расширенными в ужасе глазами на потолок, кривя лицо в беззвучном крике. Слезы ручьями текли по щекам, а под ее тазом на покрывале образовалась лужица крови. Все болело, но больнее всего было на душе. Она не понимала, что только что произошло. Муж никогда не был с нею груб, тем более настолько. Это было изнасилование, по-другому никак не назовешь. Осознав это, женщина спихнула с себя обмякшее после тяжких трудов тело мужа и надрывно выкрикнула:

- Свинья! – всхлипнула и стала натягивать свою одежду, пачкая ее каплями крови, стекающими по ногам.

Сэй усмехнулся и расплылся в зловещем оскале, он одним прыжком перемахнул через кровать и ударил кулаком по лицу не ожидавшую подобного женщину. Она тут же отшатнулась к стене, схватившись за заплававшую щеку. Сэй встал перед ней во весь рост, наслаждаясь своим превосходством. Тут он снова нанес удар, но уже по стене прямо рядом с ее носом. Женщина в испуге осела на пол, а того это только позабавило, и он залился утробным смехом.

- Ну и кто тут свинья? – жаждал он ответа, поставив ногу на голову жены, сжавшейся калачиком.

Она молча дрожала, мысленно моля о спасении.

- Кто тут свинья, а? – повторил свой вопрос тиран, надавив ступней вниз.

- Я, - безвольно выдавила Римма.

- Не слышу, - притворился Сэй.

- Я, - чуть громче ответила женщина.

- Так-то лучше, - одобрил тот, - а теперь помой мои ноги, - приказал он и сунул пальцы ступни в рот своей рабыне.

Римма подняла на него заплаканные глаза, наполненные немой мольбой.

- Вылизывай! – ткнул глубже Сэй, почти достав до горла.

Женщина принялась облизывать ноги мужа, а тот довольно заурчал и стал поглаживать вновь поднимающийся пенис. Когда тот пришел в полную готовность, мужчина поднял жену и заставил лечь на кровать, свесив голову вниз. Он погрузил ей глубоко в рот свой половой орган, а сам припал губами к ее промежности, начав водить по ней языком. Он двигался, перекрывая Римме глотку, отчего она начала задыхать-

ся. Женщина стала кашлять и стучать мужа по спине, чтобы он дал ей продохнуть, но тот только еще больше раззадорился, увеличив скорость и глубину проникновения. Тогда Римма предприняла отчаянный шаг, чтобы спастись от удушья, и стиснула зубы. Сэй взвыл и отскочил от нее.

- Я чуть не задохнулась, - сквозь кашель вымолвила женщина.

Сэй ударил ее по лицу наотмашь, затем схватил за волосы и стукнул головой об угол кровати несколько раз. Римма почувствовала, что начинает терять сознание. Сквозь странное забытие она ощущала, как Сэй вновь навалился на нее, стиснув руки на шее и проникнув в уже израненный задний проход, что вырвало ее из обморока, одарив жуткой болью.

- Задышаться, говоришь? – процедил сквозь зубы тот, сдавив горло жены.

Она принялась махать руками, норовя выцарапать мужу глаза. Он вновь ударил ее, перевернул на живот и довел дело до конца, слезая с уже бездыханного трупа.

- Шлюха, - сплюнул он, обтираясь от крови и спермы чистым пододеяльником, только вчера заботливо постеленным Риммой.

Близнецам надоело смотреть мультики. Им надоело и рисовать, так что они уже всю носились по двору, играя в салочки. Но вскоре их играм пришел конец, небо разлилось проливным дождем, нарушив детские забавы. Они вновь скрылись в доме, не подозревая, что наверху произошла страшная трагедия.

Посидев еще немного перед телевизором, малыши окончательно заскучали, и тогда Вилли решил вынести предложение.

- Давай посмотрим на этот мусолосилатеть?

- Только остолозно, - немного подумав, согласился Дилли.

- Как, ты думаес, он зует этот мусол? У него есть зубы?

- Не знаю... - пожал плечами брат, взбираясь по лестнице.

В холле никого не было, только из родительской комнаты раздавались чуть слышные звуки возни. Это Сэй все никак не мог уговориться, несмотря на состояние жены, для нормальных людей непригодное для сношения. Но он был не таков...

Осторожно пробравшись в свою комнату, малыши проследовали в кладовую, откуда и попали в потаенную комнату, заваленную инструментами и болтами.

- Дяди забыли свой цемодантик, - заметил ящик, принадлежавший

рабочим один из братьев.

- Глупенькие какие-то, - кивнул второй.

Мальчики приблизились к незакрытому отверстию «мусоросжигателя» и попытались заглянуть внутрь.

Ян томился в ожидании спасения, не веря, что сможет вытерпеть здесь еще хоть мгновение. Но секунда тянула за собой другую, перетекая в минуты и часы. Отца давно и след простыл, и мальчик даже не знал, в каком направлении того унесло, потому что сложно ориентироваться в пространстве, когда тебя пожирают языки пламени.

Вдруг Яна что-то словно вырвало из лавы и потянуло наверх, обдавая живительной прохладой. Спустя мгновение, он уже смотрел на отверстие «мусоросжигателя», не веря своим глазам. Недолго думая, он отскочил назад, задев ящик с инструментами, оставленный рабочими.

- Вилли, - радостно выкрикнул он, увидев перед собой младшего братишку, - или ты Дилли? – усомнился он, - а! Какая разница? – бросился он с объятиями к малышу.

И тут он заметил, что тот ничуть не меньше его самого. Он был его роста. Ян непонимающе посмотрел на брата, потом перевел взгляд на свои руки. Они были маленькими, как и его ноги, как и он сам.

Брат недоуменно смотрел на него, потом улыбнулся и стал отступать от «мусоросжигателя», словно опасаясь его.

- Саша? – испуганно спросил Ян, только теперь заметив, какой у него писклявый голос.

Брат стал рыскать взглядом по полу.

- Миша? – не будучи уверенным, кто из братьев стоит перед ним, снова спросил Ян. Он и так их периодически путал, а уж различить их впотьмах было задачей из невыполнимых.

Но и на этот раз малыш никак не отреагировал. Он поднял длинную отвертку и ткнул ею в створку, должную закрывать отверстие, ведущее в адское пекло. Дверца захлопнулась, отскочила от удара и вернулась обратно, вновь открыв жерло. Младший братишка испуганно отшатнулся назад, тяжело дыша.

- Эй,- ткнул его в плечо Ян.

Тот вздрогнул и нервно сглотнул.

- Я туда не вернусь, - выдавил он на японском, четко выговаривая каждую букву.

И тут Ян понял, что произошло, вновь бросив взгляд на свои маленькие руки. Это не его брат! Его брат теперь сгорает в лаве, а перед

ним стоит один из тех, кто мучился там на дне и воспарил вверх, приняв облик его братишки. Резким движением Ян толкнул самозванца к топке, тот споткнулся о перфоратор, валявшийся на полу, и головой ударился о стену под отверстием. Пока тот не пришел в себя, Ян подсадил его за ноги и вышвырнул в жерло, став ожидать возвращения настоящего брата.

Прошла минута. Две. Но того все не было. Когда Ян стал немного приходить в себя, его посетила страшная догадка: ведь он вернулся не в свое тело!

Он быстро выбрался из потайной комнаты и кладовки, оказавшись в комнате близнецов. Он помчался в уборную, но зеркало там висело слишком высоко, и он не мог в него посмотреться. Все казалось уже очевидным, но ему нужны были неопровержимые доказательства. Мальчик кубарем слетел по лестнице, чувствуя, как ступени стали гораздо больше, чем прежде. Хотя, на самом деле, это его ножки уменьшились. Добравшись до прихожей, Ян встал как вкопанный. Его отражение было отражением его младшего брата. Вилли или Дилли. Саши или Миши. Он с трудом их различал...

И теперь он понял... понял, что и во второго братишку кто-то так же вселился... а он выбросил его тело в пекло, отобрав шанс на то, чтобы он в него когда-нибудь вернулся...

«Но есть и другие! - судорожно пытался найти выход мальчик, - я должен их спасти! Должен!»

В дверь позвонили. Ян вздрогнул в своем новом теле, отобранном у братишки, и направился посмотреть, кто там.

- Мы из «Тамагаси-вай-чи», - сообщили трое мужчин, - мама с папой дома?

- Заходите, - сказал малыш, - они предупредили, что вы придете.

Те переглянулись, удивившись смысленности такого карапуза, но приняли приглашение.

- А они сказали, зачем мы придем? – наклонился к ребенку один из очередных посланцев риэлтерской фирмы.

- Да, вы должны осмотреть странную штуку там наверху, - пояснил мальчик.

- Покажешь, куда идти? – мужчины сняли мокрую от луж после дождя обувь.

- Угу, - кивнул тот и повел мужчин наверх.

Ян осторожно подглядывал, как те поочередно подходят к отвер-

стию. Сторонний наблюдатель, возможно, и не заметил бы никакого подвоха, но он знал, что должен увидеть, пристально приглядываясь к их поведению и выражению на лицах. Он замечал изменения, произошедшие в них после «общения» с «мусоросжигателем». Когда все трое отошли от отверстия, начав выходить обратно, чтобы быть подальше от того, что может вернуть их в тот страшный мир, наполненный болью и смрадом горячей плоти, Ян выкрикнул:

- Билли, Вилли, папа, - разглядывая мужчин в надежде, что хоть один из них окажется его родственником.

- Блатик? – сиплым голосом сказал грузный рабочий, на вид лет сорока, - блатик, мне стласно, - и тут же заплакал.

Двое других отступили, осматриваясь и привыкая к новой ипостаси себя и отсутствию боли, мучившей их долгие годы.

- Не бойся, малыш, не бойся, - попытался обнять его маленькими ручками Ян.

Один из двух оставшихся рабочих заржал во все горло, наблюдая эту нелепую картину: четырехлетний малыш по-отечески утешает жирного взрослого дядьку.

Ян проглотил обиду, шепча на ухо «малышу», что все будет хорошо, хотя сам в этом очень сильно сомневался, чувствуя, как и по его щекам покатались слезы.

- Теперь мы должны спасти папу с... - Ян отстранился от брата и спросил, - ты Саша или Миша?

Да, он всегда их путал, а уж в таком-то обличие ни Мишу, ни Сашу и мать родная бы не узнала.

- Мися, - шмыгнул приплюснутым носом мужичок, по-детски перебирая ручками, похожими на грабли.

- Теперь мы должны спасти папу и Сашу, - закончил Ян.

- А сто папа тозе там? – снова разревелся Миша.

Ян молча кивнул, стараясь выбросить из памяти образ сгорающего и уносящегося вдаль отца.

- И как мы их спасем? – тря кулачками глаза, взвыл Миша.

Ян посмотрел в сторону топки, затем бросил взгляд на бродящих по комнате мужчин. Один из них уловил его мысль по взгляду и тут же ошетинился:

- Скорее ты найдешь свою селезенку во рту своего брата, чем заставишь меня туда вернуться, - изрыгнул он на японском.

Второй, слышал эту реплику и тоже повернулся, уставившись на

Яна:

- Ты идиот, если думаешь, что кто-то вернется туда по собственной воле. А уж силенок заставить кого-то туда пойти у тебя не хватит.

- Да, не повезло тебе, - загоготал первый, оглядывая доставшееся Яну тело.

Мальчик понимал, что тот прав, хотя это лучше, чем оказать в образе старого жирного дядьки, укоротив свою жизнь на много лет. Только теперь он понял, в какой ужасной ситуации оказался его младший братик, ведь Ян вырастет и сможет начать все заново при любом раскладе, а вот Мише будет гораздо сложнее приспособиться к жизни в теле взрослого мужчины, но с детским мышлением и даже неумением четко выговаривать половину звуков. Того и гляди, его запрут в доме для сумасшедших и умственно отсталых.

- Пока, неудачники, - решил отправиться дальше один из рабочих, - я так соскучился по невинным молоденьким девочкам, - добавил он, мерзко захихикав.

Второй вышел следом, сказав:

- А меня ждут друзья наши меньшие. Бывайте.

Ян не понял, что эти оба имели в виду, не став придавать значения их болтовне.

- Вот что мы сделаем, - собрался с мыслями мальчик, - мы должны найти маму и все ей рассказать. Она, конечно, сначала не поверит, но мы ее сможем убедить, учитывая внезапное появление у ее маленького сына способности связно и четко говорить. Кстати... - виновато посмотрел на брата Ян, - я в твоём или в Сашинем теле?

- В моем... - дрожащими губами пролепетал Миша.

- Понятно... - сглотнул Ян, вспомнив, как выкинул второго братишку в жерло топки, и надеясь, что уничтожение его физической оболочки не будет иметь последствий на ту часть его, что уже была в лаве.

Братья вышли из комнаты, собираясь поговорить с мамой. Они хотели убедить ее в необходимости пригласить новых рабочих, или соседей и подвести их к проходу, чтобы папа с Сашей смогли забрать их тела себе. Пусть в таком виде, но они окажутся здесь и не будут гореть живьем, раз за разом возрождаясь и пылая, как факелы, вечность.

Ян подошел к комнате родителей, из которой по-прежнему доносились звуки возни. Он постучал в дверь. Вскоре высунулась голова отца.

- Что такое? – спросил тот, с безумной улыбкой на лице.

- А где мама? – поинтересовался мальчик.

- Мама отдыхает, - тяжело дышал мужчина, как после долгого бега.

- Ты же сказал, сто папа там... - вымолвил Миша.

И только теперь до Яна дошло, что говорит он вовсе не с Сэем, а с тем, кто вселился в его тело.

- Мама! – выкрикнул мальчик.

- Я же сказал, она отдыхает, - злобно выдавил захватчик отцовской оболочки и попытался закрыть дверь, но Миша ухватился за нее и отодвинул в сторону.

- Мама... - выдавил Ян, видя обнаженное бездыханное тело матери, распластанное на полу.

- Мама! – закричал Миша, оттолкнув в сторону Сэя.

Он принялся теребить маму, но та не подавала признаков жизни, тогда он развернулся и набросился с кулаками и дикими воплями на убийцу Риммы, принявшись дубасить его, что есть мочи. Грузное тело, доставшееся Мише, сделало свое дело, и извращенец не мог отбиться от него, сгибаясь под тяжелыми ударами сына убитой им женщины.

Ян прикрыл маленькой ручкой свой ротик, в ужасе смотря на окровавленную маму. Он подошел к ней поближе, чтобы проверить, точно ли она умерла. На лице ее застыла предсмертная гримаса, словно она старалась сделать вдох, глаза невидяще смотрели в пустоту. Мальчик отбросил в сторону испачканное одеяло и стянул чистую простынь, чтобы укрыть тело мамы. Миша продолжал дубасить отключившегося Сэя. Ян прошел мимо, не став его останавливать.

Он думал о том, кого они еще смогут выпустить, попытавшись освободить своих родных. Сколько зла впустят в этот мир? Сколько убийц, насильников и живодеров... теперь слова тех двоих о молоденьких девочках и животных обрели смысл. Страшный смысл. Имеет ли он право пытаться освободить отца и брата ценой жизнью, которые подвергнутся опасности, выпусти они не тех? Кто знает, какое зло там еще скрывается.

«Это, действительно, ад... - подумал мальчик, - и горят в нем грешники, заслужившие это... просто нам не повезло там оказаться... каков шанс, что именно Саша и папа выйдут в следующий раз? И что выйдут вообще... отца унесло далеко еще при мне, так что вряд ли он выплывет... а Саша слишком мал, чтобы понять, что надо держаться того самого места под точкой... Миша смог вырваться просто потому, что его не успело унести оттуда...»

Но мог ли он вот так просто сдаться и бросить в этом пекле отца с

братом?

«Еще одна попытка», - решил мальчик, поклявшись, что если в этот раз не удастся, то они с Мишей постараются построить жизнь заново такими, какими они теперь стали. Проблемы с переездом и Дианой теперь меркли перед тем ужасом, что свалился на их семью. Хотя если бы ни этот переезд, все сложилось бы иначе...

Прошло около часа, когда в дверь позвонили. Ян решил, что это и есть их шанс. Они с Мишей открыли дверь и увидели, что на пороге стоят две девочки лет пятнадцати.

- Здравствуйте, - склонились они в почтительном поклоне перед здоровяком, одевшимся в домашнее кимоно Сэя, которое еле сходило на его животе, - мы собираем пожертвования для детского приюта. Если у вас есть ненужные вещи в хорошем состоянии или возможность пожертвовать денег, то обездоленные сироты будут вам очень благодарны.

- Заходите, - пригласил их Ян.

Девочки переглянулись, ожидая ответа от мужчины.

- Он немой, - пожал плечами мальчик.

- А... - протянули те, - спасибо, - вновь поклонились они и вошли в дом, сняв обувь.

- Все там, - показал наверх Ян, - мы как раз собирались отдавать ненужные вещи нуждающимся, так что вы вовремя подоспели.

- Правда? – улыбнулась одна из девочек.

- Угу, - кивнул Ян и сверкнул глазами на Мишу. Тот тоже закивал, чтобы все выглядело убедительно.

- Все в шкафу в комнате. Пойдемте, - поманил их за собой Ян.

Девочки послушались его и пошли следом. Позади них плелся Миша.

- Сюда, - показал им рукой Ян, подведя к спальне близнецов.

- Спасибо, - снова поклонились девочки и прошли в комнату первыми, видя, что маленький хозяин их пропускает.

- Вон там, - указал на кладовую Ян.

Девочки подошли к кладовой и увидели в тускнеющем свете походного фонаря погром в глубине этого странного помещения.

- Вы уверены, что все здесь? – усомнилась одна из девочек.

- Конечно, - закивал Ян. Тут же его примеру последовал и Миша.

- А ты смысленный мальчик, - нервно улыбнулась одна из гостей, - тебе сколько лет?

- Ш... четыре, - чуть не выдал свой настоящий возраст Ян.

Девочки казались очень милыми и симпатичными. К тому же они были невинны и не заслужили подобной участи. Но какими бы красивыми, милыми и чистыми они ни были, Ян готов был спровадить их в ад ради того, чтобы вызволить оттуда своих родных.

- Хороший мальчик, - сказала девочка, - ты же не стал бы делать ничего плохо? – заподозрила она что-то неладное.

Вторая стояла молча, но по ее глазам было видно, что и она чувствует себя неуютно.

- Нет, конечно, - старался не выдать себя Ян, - мы только переехали, вот там и развал такой. А вещи внутри.

- Может, лучше ты их сам достанешь нам, а, малыш? – улыбнулась та, что понаходчивей, вовсе не желая лезть в эту зловещую коморку.

- Иди туда! - надрывно выкрикнул Миша, потеряв терпение.

- Вы же немой, - забегала глазками бедняжка.

- Вы нас не убьете? – сжалась от страха вторая.

Миша взвыл и затолкал обеих внутрь, не желая больше с ними конетелиться, а поскорее мечтая увидеть папу с братиком.

Девочки даже не успели опомниться, как оказались в потаенной комнате.

Ян наблюдал за происходящим, зная, что, если на свет выдут не брат с отцом, то девочек придется убить. Точнее, придется убить тех, кто вселится в их тела. Так они решили, сочтя это более правильным, чем отпускать на свободу злодеев, томившихся в адском пекле.

Вдруг из комнаты выбежала одна из девочек с дикими криками, снеся с ног малыша. Ян не успел опомниться, как оказался на полу, а той и след простыл. Вскоре из кладовой вышла вторая, оглядываясь по сторонам, будто впервые оказалась на этой планете. Ян тут же понял, что ее подменили.

- Папа? – спросил мальчик.

Та перевела на него взгляд, приподняв в удивлении брови.

- Саша? – с угасающей надеждой задал новый вопрос Ян.

Девочка посмотрела на свои ноги, затем на руки. Пошевелила ими, затем принялась ощупывать свое тело и, добравшись до груди, ухмыльнулась. Было в выражении ее лица что-то пугающее.

- Это не они! – крикнул Ян Мише, который должен был расправиться с жертвами, вселись в них кто-то другой помимо отца с братом.

«Девочка» беспрепятственно покинула комнату и ушла восвояси. Ян даже не попытался ее задержать, обеспокоенный тем, что брат не

отозвался.

- Миша? – крикнул он, пытаясь разглядеть происходящее в кладовой. Он поднялся с пола и подошел поближе.

Вдруг оттуда, наконец, вышел Миша.

Но стоило Яну взглянуть на толстяка в отцовском кимоно, как он понял, что это уже не Миша. Мальчик отшатнулся назад, не зная, как быть дальше.

- Привет, малыш, - страшно улыбнулся дядька, - а где твои папа с мамой?

Его глазки бегали по телу мальчонки, пожирая его взглядом. Ян понял, что произошло, и пожалел о своей затее. Но было уже поздно.

Мальчик рванул с места, спасаясь бегством. Мужик помчался за ним, но растянулся на полу, споткнувшись на ровном месте. Можно ли считать это везением при сложившихся обстоятельствах? Если Госпожа Удача решила проявить благосклонность, то возникает резонный вопрос: где она была раньше?!

Ян, несмотря на свои новые коротенькие ножки, в несколько скачков преодолел лестницу и вылетел пулей на улицу.

Он бежал без оглядки, пока не упал без сил возле незнакомого пруда, поросшего лилиями.

Он был совсем один... в чужой стране... в чужом теле...

To be continued...

БОНУС

Клуб мертвых сердец

(входит в сборник «Клуб мертвых сердец»)

- Привет! – нас представляют друг другу, хотя в том уже давно нет особой нужды, мы поочередно склоняем голову, услышав свое имя, и приветствуем остальных, - Мош, Кабир, Массимо... - вереница странных имен, сливающихся в один непрерывный гул, заполняющий пространство в кругу собравшихся, - а это Джанджи, он у нас новенький, поприветствуйте Джанджи.

- Привет, Джанджи, - единогласно проносится из уст участников. Сквозь полумрак заметны отражающиеся на лице незнакомца страх, удивление и растерянность.

- Ну что, кто начнет? – желающих, как обычно, нет, - тогда, Кабир, как насчет тебя? – это был даже не вопрос, просто некое проявление ложной вежливости.

Тот прокашлялся и со вздохом усталости начал свой рассказ:

Малик был моим лучшим другом с тех самых пор, когда впервые оттолкнул соседского мальчишку, пытавшегося отобрать у меня деревянного коня – последний подарок отца... Нам было тогда лет по шесть-семь, но Малик был довольно крупным и сильным, взяв на себя роль моего старшего брата и защитника, хотя был младше на два месяца. Нас все так и называли братьями. Матери поочередно кормили и присматривали за нами, а его отец заменил мне родного. Мы ходили в одну школу. Я надеялся, что поступим и в один университет, но Малик предпочел отправиться в Великобританию, говоря, что там образование лучше. Мы виделись только на каникулах, но от этого наша дружба только окрепла, преодолев время и расстояния. Окончив обучение, мой лучший друг вернулся, и мы зажили по-прежнему. Я с удовольствием слушал его рассказы о Британии и местных распорядках, забавлявших меня.

Вскоре родители Малика сообщили, что подобрали ему хорошую невесту. После знакомства с ней и ее семьей, мой друг был под большим впечатлением и, казался действительно счастливым, будто сам нашел избранницу. Я радовался за него, но доля обиды затаилась в моем сердце: сначала он учится за границей, пока я коротаю будни, корпя над книгами в родном Наджране, а теперь вступает на новый уровень

жизни, обретая жену, о которой мне пока только приходится мечтать. Конечно, его семья была в состоянии заплатить достойный калым, моя же, состоявшая лишь из меня и матери, не имела такой возможности. Все наши родственники отказались от нас, когда мама вышла за отца, который был наполовину индусом. С его стороны не было вестей после того, как он скончался. Вместо того, чтобы веселиться на свадьбе названного брата, я чувствовал себя лишним, понимая, что мы с матерью одни на всем белом свете.

Когда всеобщему вниманию была представлена невеста, я усмехнулся. Акила... Она не была красавицей, коей я ее рисовал с восхищенных слов Малика. Это была совершенно обычная девушка. Мое настроение поднялось, и я со рвением отплясывал, даря поздравления своему другу.

В новом доме брата я был завсегдаем. Акила превосходно готовила и не докучала своим присутствием. Когда родился их первенец, его назвали в честь моего отца. Не будучи сентиментальным, я, все ж, прослезился. Второй была девочка, которой дали имя моей матери, скончавшейся не за долго до ее рождения.

Я остался совсем один.

Мне невыносимо было наблюдать за счастьем других, но по-прежнему я снова и снова приходил в дом Малика, не имея сил пребывать в одиночестве.

Как-то я постучал к нему. Открыла Акила, сказав, что мужа нет дома. Зная мою близость своему супругу, она впустила меня, разрешив дожидаться его прихода. Предложив угоститься чаем, она стала накрывать на низкий столик, распространяя ароматы жасмина. Тогда я впервые взглянул на нее как на женщину. Подготовив трапезу, Акила собиралась уйти, но я попросил составить мне компанию. Смутившись, она, все же, согласилась и разместилась напротив. Наблюдая за ее мягкими жестами и слушая размеренный тембр голоса, я начал видеть то, что, видимо, околдовало и Малика. Тот вскоре вернулся, радуясь моему присутствию.

Я начал захаживать, специально подбирая время, когда он отсутствовал. Акила ко всему прочему оказалась очень умной женщиной, способной поддержать любую тему разговора. Я старался приблизиться к ней, стать, для начала, ее другом, чтобы она могла мне доверять. Это было необъяснимое желание, которое, как бы я ни старался, не мог игнорировать. С каждой минутой, проведенной с ней, я все больше

и больше мечтал, чтобы она взглянула на меня не только как на брата своего мужа, но и как на мужчину. Так продолжалось целый год. Малику было приятно, что самые родные для него люди смогли найти общий язык и подружиться между собой. Моя же зависть к нему стала преобразовываться в ненависть. Я не понимал, почему одним в этой жизни достается все, другие же обделены от рождения. Ведь Малик с самого детства получал все, не предпринимая ничего для этого: он всегда был силен, имел обеспеченных родителей, заполучил прекрасную жену и замечательных детей.

А что досталось мне?

Как ни силился, я не мог найти ничего положительного в своей никчемной жизни.

И я решил, что изменю ситуацию, чего бы мне это не стоило.

Акила была покорной женщиной. Но, я знал, никогда не согласилась бы быть не единственной, не смотря на традиции. Я решил воспользоваться этим. Как-то, водя беседы с Маликом, я спросил, почему он не заведет себе еще жены, ведь у него вполне достаточно средств, чтобы содержать обеих. Он улыбнулся, сказав, что никогда бы не возжелал иной женщины, нежели Акила, подарившая ему сына и дочь. «Мой отец был способен содержать горем из нескольких жен, но не представлял себе такого поворота событий. Видимо, я в него». Такой взгляд на мир является редкостью. Меня взяла досада, ведь миллионы мужчин мечтают иметь сразу много женщин, но не имеют такой возможности, а он отказывается от такого подарка судьбы. Потерпев фиаско, я решил пойти обманным путем и стал намекать Акиле, что Малик подумывает о второй жене. Как я говорил, она была покорной и не смела перечить мужу. Поэтому молча начала переживать обиду и строить планы мести... Я согласился быть ее потворщиком в этом.

С каждым днем моя цель казалась все более достижимой. Сначала я возмущался его неблагодарности, потом, придвигаясь ближе, придерживал за плечи, выражая свою поддержку. Затем гладил по голове, когда с нее плавно соскользнул хиджаб. Она попыталась отстраниться, но я притянул ее к себе, заключив в объятия. Тогда она вырвалась из цепкой хватки и с испуганным видом попятилась от меня. Заслышав шаги на улице, она наскоро нацепила хиджаб и, сделав невозмутимое лицо, села напротив. Малик вошел, как всегда, радостный моему присутствию. Акила поприветствовала мужа. Во время беседы она скрывала свою досаду, но я замечал ее отголоски во взгляде и голосе жены

брата. В голове роились мысли и предположения о причинах сокрытия моего недостойного поведения. То ли женщина не хотела разрушать нашу с братом давнишнюю дружбу, то ли решила продолжить то, что начал я.

На следующий день Малик был дома, помешав свершению моих планов. Я боялся, что Акила может проболтаться и о случившемся и о моей лжи, но этому не суждено было сбыться, и я успокоил свои нервы.

Когда же я посетил дом брата, спустя пару дней, его там не оказалось. Акила все так же пахла жасмином. Она кротко смотрела на меня сидя напротив. Я приблизился к ней, чтобы проверить реакцию. Она оставалась неподвижна. Я положил руку на плечо. Она по-прежнему сидела, будто не замечая происходящего. Тогда я провел по голове, как тогда, сбросив платок, обнаживший ее гладкие волосы. Я вкусил их божественный аромат, зарывшись лицом. Акила со взъерошенной прической окаменела и не смела сопротивляться. Я стал стягивать галабею, узрев ее покатые плечи. В тот миг пришло понимание, что я могу обладать ею. Что и на мою долю выпала хоть часть того, что принадлежало Малику.

Теперь каждый раз, заходя в отсутствие брата к нему в гости, я овладевал Акилой, как своей женщиной. Спустя время, я заявил, что хочу рассказать обо всем ее супругу, но она воспротивилась этому. Она сказала, что даже потеряв его, она не станет моей женой. Я снова оказался обманутым судьбой, но отказаться от визитов к жене своего названного брата уже не мог. Как-то я пришел в надежде нового удовлетворения своей похоти, но застал присутствие Малика. Он был как-то по-особому приветлив и рад встрече. Усадив на диван, он сообщил мне благую весть о скором появлении третьего чада в его семье. Я оторопел. Этот ребенок мог быть моим. Тогда я понял, что не могу отдать единственного родного человека в этом мире тому, у кого и так есть все. «Он мой», - бесцветно произнес я. Акила нервно уставилась на мужа, ожидая его реакции. Брат вопросительно взглянул на меня. «Этот ребенок мой, Малик». Поведав обо всем другу, я подошел к Акиле, которая с ненавистью смотрела на меня. «Он сказал, что ты ищешь вторую жену!» - воскликнула женщина, падая на колени. Малик остановил ее жестом и произнес: «Сейчас я говорю с моим братом». Я думал, он выгонит меня с позором из своих владений. Прогонит и Акилу. Но он только сказал: «Я прощаю вас», - и ушел в свою комнату. Акила набросилась на меня, теряя рассудок: «Он не твой! Если бы он оказался твоим, я бы лучше

убила его еще в утробе! Убирайся!»

И я ушел.

Я бы мог попробовать бороться за возможно своё чадо, но это не принесло бы мне счастья. Акила никогда не стала бы моей женой, а растить ребенка один я бы не смог.

Кабир замолчал. Все знали, что он пытается продолжить свой рассказ, но остальное не имело значения.

- Давайте поблагодарим Кабира за то, что он поделился с нами своей историей.

- Спасибо, Кабир, - дружно пронеслось в полумраке.

Еле различимые лица смотрели друг на друга, гадая, кто будет следующим. Но главный интерес представлял Джанджи. Единственное, что могло разбавить однообразие здесь – вновь пребывшие. Каждый помнил свое появление. Каждый знал, что при этом чувствуешь. У тебя куча вопросов, ты пытаешься их задать, но понимаешь, что все, что ты говоришь, только ты и слышишь. Единственное, что позволено тебе произнести – твоя история. Это не зависит от твоего желания. Ты просто начинаешь говорить, как только тебя выбирают.

А однообразные приветствия и благодарности ты произносишь, сам того не замечая, будто тебя дергают за веревочку, как марионетку, безвольно замечающую, что ее рука поднята. Ты можешь желать закричать, обзвать, унижить оратора, но все, что ты говоришь по окончании его рассказа «спасибо».

Вначале ты поражаешься некоторым из историй, не желая находиться с подобными людьми в одном месте. Ты не понимаешь, как мог оказаться здесь рядом с ними. Презираешь их. Но потом перестаешь удивляться и негодовать. Лишь слушаешь... Это единственное, что отвлекает тебя от собственных мыслей и чувств, во власти которых находишься большую часть времени.

- А теперь давайте послушаем Джанджи.

Новенький оглядывается по сторонам, ища ответа в незнакомых лицах. Мы видим его изумление, когда он вдруг начинает рассказывать свою историю. И знаем, что он понимает, что говорит... Никто и никогда не объяснял нам, что именно мы должны поведать остальным. Все знают, с чем приходят сюда. Как бы кто ни хотел поделиться самыми яркими и радостными моментами своей жизни, это здесь не дано. Даже оставаясь наедине с самим собой, ты не можешь их воспроизве-

сти в сознании, оно все заполнено твоей историей...

Я был единственным ребенком в семье. Еще в преддверии официального введения политики по контролю над рождаемостью мать с отцом были приверженцами подобных взглядов, отобрав у меня всякую надежду на братика или сестренку. Родители старались компенсировать мое одиночество бесконечной любовью, одаривая подарками и комплиментами. Они всегда говорили, что я самый красивый и самый лучший. Я им поверил. Замечать, как на меня смотрят окружающие, я начал, еще будучи в школе. Девочки мечтали, чтобы я подарил им хоть взгляд, мальчишки же завидовали моим силе и уму. Я пользовался популярностью среди и тех и других. Одни хотели стать моими друзьями, иные любовницами. Поначалу мне это было интересно и приносило радость, потом приелось и стало восприниматься как должное. Если встречалась строптивая девица, отвергающая мое внимание, я с презрением смотрел на нее и делал все, чтобы добиться расположения, затем исчезал из поля зрения, наказывая за изначальное пренебрежение.

Я всегда получал, что хотел: игрушки, вещи, людей...

Закончив школу, я не мог поступить никуда кроме как в лучший университет на радость родителям и зависть окружающим. Закончив Бэйда по специальности психология, я начал практику, устроившись в «Хунфэн».

Однажды ко мне на прием пришла девушка. Ее звали Суин. Начав делиться своими проблемами с сожителем, она вызвала у меня отвращение. Ее история мало чем отличалась от других, но, возможно, она напала на не лучшее расположение моего духа. Честно говоря, порядком поднадоели эти безвольные клуши, а она оказалась последней каплей. Маленькая, ничем не примечательная женщина, терпевшая издевательства своего избранника выглядела жалко, теряя все человеческое достоинство. Когда я спросил, что она хочет от меня, она сказала, что ждет совета, как изменить его. «Зачем?» - спросил я. Она ответила, что любит. Мне же было явно видно, что причиной тому была ее ничтожность. Страх ненужности и одиночества. Тогда я решил подтвердить свою догадку, предоставив ей альтернативу. Как один только я и умел, начал оказывать ей еле заметные знаки внимания, наблюдая, как та расцветает на глазах. Спустя несколько приемов, она сообщила, что ушла от своего друга, и пригласила меня на обед, сказав, что угощает. Я согласился, считая трапезу заслуженной и довольствуясь успехом сво-

его плана.

Суиин болтала без умолку, утомляя меня своей необразованностью и наивностью, граничащей с глупостью. Она старалась быть дружелюбной, выдавая все происходящее лишь за проявление благодарности. Но я-то знал истинное положение дел. Завершив посиделки, мы разошлись по своим делам.

Она не появлялась год. Долго же она не могла найти повода, чтобы встретиться со мной. И подыскала самый банальный и нелепый, какой только можно было придумать: новый сожитель со старыми проблемами. Снова ее ни во что не ставили. Снова били и издевались. Как и в прошлый раз, она утверждала, что любит своего мучителя. Признаться, меня задело это... Как она, спасенная мною в прошлом, имевшая возможность почувствовать мое обаяние, влюбилась в нового проходимца, проглядев меня? Конечно, это могло объясняться лишь тем, что она считала свои шансы нулевыми, видя разницу между нами. Не стремясь к оригинальности, я вновь прибегнул к старому методу. Конечно, и в этот раз он не дал сбой – спустя пару недель, Суиин ушла и от этого ухажера. Какая девушка устоит в силе чувств к своему мужчине, когда на горизонте появляется лучший? Никакая. И она не была исключением, теряя все оправдания и причины, заставлявшие терпеть унижения. И вновь она позвала меня в кафе. И вновь я принял ее приглашение.

Как и в прошлый раз Суиин старалась быть непринужденной, делая вид, что это лишь благородный ответный жест. Тогда я решил проверить, так ли это, заранее зная результат. Недвусмысленно намекая на продолжение приятного времяпрепровождения, я позвал ее к себе в гости. Ответ, как я и предполагал, оказался положительным.

Оставшись в неглиже, Суиин меня несколько не впечатлила, имея вполне заурядную фигуру, не идущую ни в какое сравнение с теми, что мне доводилось видеть в своей постели, поэтому я решил прервать свой эксперимент и отправил девушку домой, не имея ни малейшего желания встретиться ее вновь. Спустя пару дней, я прочитал ее некролог в газетенке, в которую продавец рассады завернул тигровые лилии, украсившие мой сад.

Повисла пауза. Здесь никто никого не обвинял, точнее не произносил этого вслух. Каждый сам знал своего главного и беспощадного судью, раскрывающегося по мере пребывания здесь. Он способствовал тому, что с каждым новым рассказом своей истории, мы меняли

ее тональность. Было бы интересно узнать, как заговорит Джанджи, открыв рот, например, в тысячный раз. Хотя каждый надеялся, что не дожидется этой минуты здесь...

- Давайте поблагодарим Джанджи за то, что он поделился с нами своей историей.

- Спасибо, Джанджи.

Сейчас будет выбран следующий из присутствующих, который поведаст нам то, что мы уже помнили от начала до конца. Единственное, что оставалось, подмечать те самые отступления от привычной канвы рассказа, свершенные по наитию судьи повествователя.

- Теперь ты, Морена.

Печальная молодая девушка, появившаяся совсем недавно среди нас, начала рассказывать свою историю пока только в третий раз, поэтому внимание слушателей было приковано к ней без остатка.

С Младенем мы познакомились, когда нам было по шестнадцать. Он перевелся в нашу школу, когда его родители переехали в Люблян из Идрии, по какому-то служебному распределению. Высокий, крепкий он мне сразу понравился. И я заметила, что и он положил на меня глаз. На перемене я первая подошла к нему, чтобы проявить гостеприимство и показать местные достопримечательности. Младен с радостью согласился на мое предложение прогуляться после уроков. Мы отправились шататься по округе и забрели на Драконов Мост. Младен пристально вглядывался в каменные изваяния с серьезным видом, а потом с хитрой ухмылкой изрек: «Странно, они не виляют хвостами». Я рассмеялась, сказав, что могу опровергнуть оплошность этих истуканов. Он стал моим первым мужчиной. И последним...

Сразу после окончания школы Младен предложил мне стать его женой, и, конечно, я с радостью согласилась. Мы назначили день свадьбы, но каждый раз он откладывался на более отдаленную дату по различным причинам. Сначала надо было скопить денег, потом найти подходящее жилье, получить профессию, устроиться на работу, снова скопить денег... Прошло семь лет, а мы все еще не были женаты, хотя и жили вместе, исполняя обязанности супругов. Это были счастливые годы, и я старалась не думать о том, что вижу, что мой гражданский муж больше не стремится узаконить наши отношения.

Младен стал инженером и успешно продвигался по карьерной лестнице. Я закончила хореографический и преподавала танцы детишкам в

нашей прежней школе, не успевая следить за хозяйством. Это, конечно, расстраивало бы любого мужчину. Мой оказался не исключением. Недовольство копилось с каждым днем, и у нас стали возникать скандалы на бытовой почве. «Было бы лучше, если бы ты ушла с работы и занялась, наконец-то, домом!» Я видела, что мои сопротивления ничего хорошего не несут, поэтому сдалась и уволилась.

Поначалу казалось, что это спасло наши отношения. Мы практически перестали ссориться, не считая мелких перепалок, не влекущих за собой никаких негативных последствий. Младен с радостью возвращался с работы, делясь впечатлениями, накопленными за день. А мне оставалось только поддакивать и кивать головой, не имея собственных новостей. Что я должна была рассказывать: «Представляешь, сегодня в продаже появился новый стиральный порошок! Говорят, он отстирывает пятна в три раза лучше обычного!»

С каждым днем я стала замечать, что теряю себя, погрязнув в домашней рутине. Ведь раньше я успевала так много: занятия, факультативы, кружки, экскурсии... А теперь не хватало и дня, чтобы управиться с тем, что завтра придется делать снова. Ну и что, что, работая, я не всегда успевала приготовить ужин? Ведь мы могли сходить поесть в кафе или заказать еду на дом. Но архаичные взгляды моего гражданского мужа перечеркивали любые возможности компромисса. Он ждал лишь полного моего подчинения и соответствия представлениям о назначении женщины.

Спустя полгода такого существования я взбунтовалась, сообщив, что возвращаюсь на работу. Младен сказал, что я могу поступать на свое усмотрение, но, приняв такое решение, потеряю его навсегда. У меня не было никакого желания проверять серьезность его намерений, и я сдалась... Он был самым важным в моей жизни, и, раз выбор стоял между ним и работой, то, конечно, не задумываясь, я выбрала его.

Подруги намекали на шаткость моего положения, говоря, что, уйдя с работы, я оказалась в полной зависимости от мужчины, на имущество которого я не имею никаких прав. И в случае расставания не смогу претендовать ни на что и останусь без единого цента. Я отмахивалась от их кудахтаний, говоря, что они его не знают, что мы вместе уже десять лет, в течение которых я имела возможность убедиться в том, что он самый лучший, честный и порядочный...

Как-то Младен сказал, что хочет, чтобы я родила ему сына. Я ответила, что сначала надо пожениться, а потом уже думать о продолжении

рода. Тогда он предложил для начала посетить центр планирования семьи, чтобы проверить возможность зачатия здорового ребенка, а когда все будет известно, обещал подать заявление в ЗАГС. Я была так рада перспективе стать законной супругой любимого человека, что не удосужилась поинтересоваться, для чего нужна такая последовательность.

Подруги вновь стали говорить прагматичные вещи, не укладывавшиеся в мое представление о любви и мире в целом. «Он тебя как несушку проверяет, сойдешь ли ты для роли инкубатора. А, если обнаружит какой-то дефект, выкинет за ненадобностью».

Во время прохождения обследования у меня обнаружили рак яичников...

Теперь вопроса о детях не стояло. Главным было выжить. Никаких симптомов до обнаружения заболевания не наблюдалось, но после, видимо, эффект ноцебо заставил чувствовать себя инвалидом. Вопрос о подаче заявления Младен больше не затрагивал и всегда переводил тему, когда я предпринимала попытки поговорить об этом.

Я ждала от него поддержки и сострадания. Поначалу он мне помогал и не обращал внимания на то, что я перестала выполнять домашние обязанности. Но вскоре сказал, что его повысили и все позже и позже возвращался с работы. Во время прохождения курса химиотерапии я совсем расклеилась, теряя последние моральные и физические силы. Стали выпадать волосы. Наша интимная жизнь свелась к нулю. Приближалось лето – пора отпусков, а мне было совершенно не до отдыха. Я попросила Младена взять отпуск, чтобы просто побыть со мной дома и поддержать, но он заявил, что отпуск в этом году ему не светит в связи с большим объемом работы, а вместо этого его отправляют в командировку на целый месяц. Четыре недели я боролась со смертью в одиночку...

Когда химия не дала результатов, меня решили оперировать. Полное удаление опухоли было возможно только с полным удалением яичников, на что я пойти не имела права, так как все еще надеялась, что смогу родить Младену детей. Опухоль удалили частично. Пока я лежала в больнице, проходя восстановительный послеоперационный период, человек, которого я считала самым родным, честным, заботливым и порядочным, ни разу не пришел меня навестить, говоря, что завален работой.

Спустя пару недель после выписки, я почувствовала себя гораздо лучше и решила сделать Младену приятное, прибравшись в его каби-

нете. Так мы называли небольшой чуланчик, оборудованный компьютерным столом. Разбирая кучу бумажек, я наткнулась на плотный конверт. Повертев его в руках, заглянула внутрь и обнаружила небольшую стопку фотографий. На них были запечатлены смуглые девушки в гавайских юбках, какие-то мужчины, которых, возможно, я где-то видела, и мой Младен...

Дрожащими руками я перебирала яркие картинки одну за другой, всматриваясь в смеющиеся лица. На всех фото мой самый родной на свете человек обнимал одну и ту же девушку.

Где и когда могли быть сделаны эти фотографии?

Догадавшись посмотреть на обороте, на одной из фотокарточек я обнаружила надпись на английском, гласящую: «Дорогой Младен, я буду ждать письма! Твоя Кекона», - а дальше адрес электронной почты и отпечаток напимаженных алым губ.

Стало трудно дышать. Я молила лишь о том, чтобы все это оказалось дурным сном.

Из последних сил я решила включить компьютер и проверить почту Младена, пароль от которой я смогла обнаружить в записной книжке, спустя четверть часа поисков.

Там действительно были письма с и на указанный на фотографии адрес. Я читала и не верила своим глазам. Оказалось, что не было никакой командировки. Младен взял отпуск и отправился на Гавай со своими друзьями с работы, пока я мучилась от химии. Все тогда и началось с этой Кеконной. Она оказалась местной студенткой, подрабатывающей развлечением туристов, танцуя хулу. Месяц назад ей исполнилось всего девятнадцать, оказывается, это и послужило причиной отсутствия посещений Младеном меня в больнице, так как он ездил поздравить ее. Они клялись друг другу в вечной любви, строя планы на будущее, единственной помехой которому на тот момент была я. Мой самый близкий и родной человек писал этой малолетней и малознакомой девице про меня такие слова: «Она больна, и я должен быть благороден, оставаясь рядом и платя деньги за лекарства. Я делаю, что могу. Но лечение не помогает. Скоро она умрет, и мы, наконец-то, сможем быть вместе»...

Придя домой, Младен обнаружил меня сидящей в кабинете среди улик, которые тщательно скрывал. Он остолбенел. Я подняла на него заплаканные глаза и спросила: «За что?». Он молчал. «Мы же прожили столько лет вместе. Неужели я это заслужила? Если да, то скажи чем?». Выдержав паузу, он надменно произнес слова, которые врезались в

мою память навечно: «А как ты хотела? Ты же даже не женщина. Ты никогда не сможешь родить мне детей».

Не знаю, откуда взялись силы... Я схватила со стола пресс-папье и со всего размаху ударила им Младена, угодив прямо в висок. Он упал. Я, было, бросилась вызвать «скорую», но потом просто легла рядом, слушая, как он делает последний вдох...

Вновь воцарилась тишина. По лицу девушки было видно, что она бы сейчас заплакала, если бы могла...

- Давайте поблагодарим Морену за то, что она поделилась с нами своей историей.

- Спасибо, Морена.

Сложно поверить, что мы единственные, должны быть здесь. Возможно, наше место не уникально. И те другие так же раз за разом слушают свои истории, приведшие их туда. Или им уготовлена иная участь? Остается только гадать. Здесь у каждого она лишь одна. Порой задумываешься о том, что есть места, где находятся те, у кого их много или у кого они куда страшнее наших... Что происходит там? Возможно ли, что их обитель походит на те описания, что люди передают из уст в уста и читают в книжках? Наверное, каждый из нас задастся этим вопросом, ведь все мы со временем понимаем, куда попали...

- А теперь как насчет тебя, Мош?

Задумчивый старец оглядел нас, прежде чем начать свой рассказ.

По тому, как выглядят собравшиеся, сложно понять, как давно они здесь появились. Ты можешь знать это только о тех, кто пришел после тебя. Или уловив в рассказе знакомые общеизвестные факты и сопоставив с их историческим отрезком.

Время здесь не имеет значения, вместе с тем являясь страшным недугом в нашей обители. Нет минут, часов, дней, лет... Это все бесконечность, точку отсчета которой ты не забудешь никогда. Порой кто-то из нас просто исчезает. Как и почему это происходит не известно. Возможно, откройся нам эта тайна, здесь не осталось бы ни единой души. Хотя никто и понятия не имеет лучше им там или хуже, если такое, конечно, возможно...

Все же, путем раздумий кое-кто находил способ выбраться отсюда, но лишь знаний было недостаточно. Порой, они только мешали, рисуя цель, но тем самым и отдаляя реализацию намеченного...

Я родился в бедной семье. Ходил в сельскую школу, но даже на фоне не приученных к роскоши детей казался оборванцем. Единственной мечтой с самого детства стало желание разбогатеть. Я делал все, чтобы добиться своей цели. И, в конце концов, мне удалось преуспеть. Став не последним человеком, я жил припеваючи в Варшаве, пока родители продолжали свою сельскую бессмысленную жизнь.

Как-то летом тридцать шестого они объявились в моем доме, сказав, что их халупа погорела, и им некуда прибиться. Я не был преисполнен желанием их пристраивать у себя, но жена настояла. Они стали жить у нас, доставляя много хлопот. Гувернантка вполне справлялась с воспитанием детей, которые не нуждались в нравовучениях стариков, бывших не способными даже своему сыну дать счастливое детство. Мне было неприятно видеть их ежедневным напоминанием того, откуда я пришел. Да, я стыдился их... Когда к нам приходили гости, я старался спровадить стариков куда-нибудь, чтобы не позориться перед знакомыми.

Они мне были совершенно чужими людьми, и, если бы не жена, считавшая святой обязанностью каждого печься о своих родных, я бы нашел способ от них избавиться.

Вскоре волнения, царившие в мире, настигли и мою семью. Я стал заботиться о сохранности своих капиталов, что отчасти у меня успешно получалось. Когда можно было оставить лишь по две тысячи золотых, я усмехнулся, сказав, что и того не имею. Все было готово, чтобы улизнуть из Польши мне с женой и детьми, но компаньон предал наш план, скрывшись в Штатах без возможности в тот момент быть найденным. Мы были вынуждены быть помещенными в гетто. Но сдаваться я не собирался. Я задался целью спасти свою семью и, отыскав предателя, вернуть все, что по праву было моим.

Я с ужасом смотрел на мучения моих родных, вынужденных терпеть лишения, не виданные ими доселе. Ярость и гнев у меня вызывали попытки Беулы поделиться со стариками куском хлеба, которого ни ей самой ни детям и так не хватало. Раскрыв ей свой план побега, я увидел ее удивленное лицо, когда она услышала, что спасение грозит только нам с ней и сыну с дочерью, что мои родители останутся там. Она отказалась покидать Варшаву без них. Я уверил, что сделаю все возможное, чтобы мы все могли спастись.

План удался только к концу сорок второго, когда большая часть «местного населения» канула в лету. Мой давний знакомый Амит со-

творил невозможное за крупную мзду, обещанную ему мной после восстановления капиталов возвратом украденного. Ночная Варшава, оккупированная фашистами, внушала неподдельный ужас. Амит, имевший связи и с той и с другой стороны, смог вывести нас из гетто, подкупив пару фрицев, занесших нас в список мертвых. Беула удивленно смотрела на меня, когда поняла, что родителей рядом нет. Я опередил ее вопрос, сказав, что места хватит только на нас четверых, и, если она готова подвергнуть жизнь детей опасности ради стариков, которые и так скоро завершат свой век, то может оставаться с ними, ожидать смерти. Она сдалась, но, знаю, винила себя всю оставшуюся жизнь за подобную слабость...

Вернув все украденное с лихвой, я расплатился с Амитом и вернулся к прежней роскоши, купив неплохой дом в Штатах.

Спустя полгода, Беула все еще лелеяла надежды на спасение моих отца с матерью, которых любила как родных за неимением собственных. Получив мой отказ в ее намерениях вывести их из Польши, она за моей спиной стала стремиться притворить сие в жизнь, чему не суждено было сбыться...

В мае сорок третьего гетто прекратило свое существование после подавления восстания, в котором погибла практически половина оставшихся в нем. Те же, кто выжил, был сослан в Трешлинку. Беула стала поднимать свои связи, чтобы прознать о жертвах. В списке мертвых родителей не значилось. Я удивлялся их живучести, будто они раз за разом давали мне возможность все исправить...

Глупо было надеяться, что стариков сослали в первую, ведь они уже были ни на что не годны, но жена все же не сдавалась.

Попыткам Беулы положила конец короткая справка от помощника, присланная в октябре сорок третьего, в которой значились выжившие после восстания второго августа. Среди них имен отца с матерью не было...

Лицо старика выглядело удрученным. Судя по динамике изменений в повествовании Моша, его судья был с ним достаточно лоялен...

- Давайте поблагодарим Моша за то, что он поделился с нами своей историей.

- Спасибо, Мош.

Старец явно устал, как, впрочем, и все мы, выворачиваться наизнанку перед собравшимися, но, как бы каждый ни хотел приукрасить

свой рассказ, исказить или сокрыть факты, ему это не удавалось. Будто под действием сыворотки правды мы открывали рот и выкладывали все начистоту, не обращая внимания на то, кто нас окружает, откуда они пришли и во что верили ранее. Вряд ли хоть один достоверно знал, как мы понимаем друг друга, хотя, наверное, все задавались этим вопросом и имели какие-то предположения на этот счет.

- Ну что ж, Кассандра, теперь твоя очередь.

Вниманием в детстве я избалована не была, поэтому стала навerstывать упущенное, поняв, что, как говорится, из гадкого утенка превратилась в прекрасного лебедя. Первый мужчина у меня был довольно поздно по сравнению с большинством моих подруг, в двадцать лет, но отстав немного от них по времени, я вскоре взяла количеством. Кто-то из них стремился выучиться, получить образование, найти работу или завести семью. Я же лишь мечтала жить в свое удовольствие, наслаждаясь вниманием мужчин. Родители обеспечивали мое существование, но взамен требовали подчинения и послушания. Спустя пару лет, которые я чувствовала себя преступницей, войдя в комнату поклонников под покровом ночи, я заявила, что взрослая и не собираюсь больше терпеть их диктатуры. Меня выгнали из дому, сказав, что раз так считаю, то буду в состоянии вести самостоятельную жизнь и зарабатывать на хлеб.

Меня приютила подруга. Но лишь на время. Она собиралась замуж, поэтому вскоре с ней должен был поселиться жених, исключавший возможность моего последующего пребывания в ее доме. Я искала альтернативу, бродя по Ля Арене в раздумьях, когда познакомилась с Овидайо. Наверное, именно так представляют местных мачо иностранки, стремящиеся понежить свои тела на вулканическом песке. Уж кто-кто, а я, поверьте, успела повидать много мужчин на своем веку, но такого я не встречала ни до ни после...

Овидайо сказал, что приехал из Лас Америкас в поисках девушек для своего шоу. Это показалось мне знаком судьбы, и, не вдаваясь в подробности, я согласилась на предложение танцевать у Ови. Спустя пару дней мы уже были на месте с еще несколькими танцовщицами. Нас поселили в большой квартире всех вместе, выдав каждой по комнате. С нами поработали стилисты, и мы стали разучивать партии для выступления в Манки Бич. Овидайо сказал, что должен официально нас оформить, собрав паспорта и остальные документы у всех деву-

шек. Спустя пару дней, он сообщил, что клуб отказался от наших услуг, и, если мы хотим на что-то существовать, какое-то время должны будем оказывать услуги интимного характера.

Как выяснилось по ходу общения, все нанятые девушки были одиноки, не имели родственников или прекратили с ними всякие связи. Знакомясь с каждой из нас, Ови влезал в доверие, выпытывая интересующую его информацию, затем, если девушка подходила, предлагал ей пойти к нему на работу.

И мы стали обслуживать богатых мужчин. К счастью, заразный сброд к нам не захаживал. Наше заведение было элитным. Ови иногда посещал квартиру, обещая, что скоро мы сможем собрать денег на собственный клуб, перестанем заниматься проституцией и будем сиять в свете софитов, и забирал все заработанное. Выходить на улицу мы возможности не имели, за нами присматривали четыре амбала, осуществлявшие нашу связь с внешним миром.

Некоторые девчонки в порывах откровений плакали и говорили, что хотят сбежать из этого проклятого места, где в случае неповиновения подвергались избиениям нашими надзирателями и терпели извращенные фантазии клиентов, покорно исполняя их прихоти. Я же лишь лелеяла надежду, что мы и впрямь заработаем на клуб и будем там танцевать. Но главной мечтой был Овидайо...

Проведя пару лет такого существования, мы потеряли одну из девушек. Она покончила с собой, повесившись в гостиной. Ее обнаружила Ракуэль, но не успела прочитать предсмертную записку, отнятую амбалами, прибежавшими на крик испуганной девушки.

Вскоре усопшую сменила новая девочка, лет восемнадцать.

Овидайо с каждым месяцем появлялся все реже и реже. За время существования притона, он не прикоснулся ни к одной из нас. А именно этого я и жаждала душой и телом. Купаясь в объятиях сотен незнакомых мужчин, я думала лишь о нем.

Не смотря на то, что всех нас пичкали противозачаточными, одна умудрилась забеременеть, став своеобразной экзотикой для клиентов, принося еще больше дохода. Никто так и не понял, куда дели ребенка после того, как она разродилась прямо в ванной под присмотром наемной врачихи, следившей за нашим здоровьем.

Годы, проведенные взаперти, уже должны были обеспечить приличную сумму, но вестей об открытии клуба так и не было. Как-то Ови забрел в наш притон, и я решила спросить о дальнейших планах. Он

говорил, что возникли некоторые сложности. Он говорил и говорил, тогда я решила, что либо сейчас либо никогда. И соблазнила его. Это был единственный в моей жизни раз, когда я занималась любовью...

После этого он не появлялся уже целый месяц, как в квартиру ворвались полицейские, арестовав всех, кто в ней находился. После выяснения обстоятельств девушек отпустили, а амбалы остались дожидаться суда.

Я не могла давать показаний против Овидайо, которого удалось обнаружить по наводкам наших надзирателей, и утверждала под присягой, что находилась в притоне добровольно. Остальные девушки опровергали мои заявления, и его осудили на два года. Я решила дожидаться Ови из тюрьмы. У меня не было никаких средств к существованию, и мне негде было жить. Поступали предложения пойти прачкой или уборщицей, но подобное было не по мне. Тогда я занялась единственным делом, которое умела и любила, но в намного менее стерильных условиях, чем прежде. Вскоре у меня обнаружился СПИД.

Кто-то начинает считать собравшихся фактически друзьями, сроднившись с ними за пребывание в бесконечности бок о бок. Иные испытывают менее добрые чувства, устав от постоянного однообразия, разбавляемого лишь изредка.

- Давайте поблагодарим Кассандру за то, что она поделилась с нами своей историей.

- Спасибо, Кассандра.

Высвеченные во мраке лица вновь оглядывают друг друга, думая кто из оставшихся начнет рассказ.

- Джемма, теперь ты.

Самым счастливым временем в моей жизни было детство. Мы жили в большом доме у наших собственников, относившихся к нам почти как к родным. Мама следила за хозяйством, бабушка трудилась кухаркой, отец с дедом заведовали ремонтом и вкалывали на поле, попутно следя за остальными рабочими, а мы с сестрой всегда были на подхвате.

Но Гражданская Война разрушила идиллию, унеся жизни всех моих родных и хозяев кроме Деспины, младшей дочери наших владельцев. Она была старше меня на пять лет и к концу сражений стала двадцатилетней красавицей и единственной владелицей имения. Она была

благосклонна ко мне и предложила остаться помогать ей на условиях добровольного найма. Она исправно платила, сколько могла, и была всегда добра и приветлива.

Вдвоем сложно было справляться с огромными территориями, захиревшими еще во время войны. Поэтому Деспина приняла решение продать поместье и купить ткацкую мануфактуру. Дела пошли в гору, и я во всем помогала своей теперь уже соратнице и подруге, учась основам управления и ведения дел. Но спустя шесть лет Деспину хватил столбняк, сведя в могилу. Мануфактуру я переписала на себя, подделав документы, будто она передала мне ее еще при жизни. Став полноправной хозяйкой производства, я смогла применить все свои деловые качества. Трудности были на каждом шагу, связанные со многими аспектами, включая мой юный возраст и цвет кожи, но я стоически их преодолевала. Я наняла белого презентабельного мужчину, чтобы он представлял мои интересы перед клиентами и партнерами, так как их отталкивало мое происхождение, пол и годы. Я сделала все, чтобы мое дело стало успешным. Наградой были деньги, коих я в жизни не видывала.

Спустя несколько лет, я смогла позволить себе все. Дом, шикарные наряды, всевозможные развлечения и кушанья. Все это было моим. Когда-то я считала, что, обретя все это, буду помогать тем, кто обделен судьбой. Но, получив богатства, я подумала, что пока их и мне недостаточно для того, чтобы еще кому-то их отдавать, и продолжала вкушать плоды своих стараний в одиночку. Я тратила деньги направо и налево, не зависимо от того, нужно ли мне было то, на что за раз я выбрасывала годовой доход обычного чернокожего американца, или нет.

Теперь я стала хозяйкой и нанимала на работу прислугу, обихаживающую меня со всех сторон.

Помню, как-то проходила мимо витрины антикварного магазина, возле которого ошивалась побирушка. За стеклом сверкал старинный канделябр, отделанный перламутром и жемчугом, привлечший мое внимание. Я зашла в лавочку и, не раздумывая, взяла полюбившуюся побрякушку. Выходя наружу, я натолкнулась на эту оборванку, протягивавшую свои давно не мытые руки. Она смотрела голодным умоляющим взглядом, прося денег на хлеб. «Иди работай!» - презрительно фыркнула я, стараясь не касаться ее отвратительно разивших лохмотий.

Когда с приходом восьмидесятых начались повсеместные стачки и

забастовки за восьмичасовой рабочий день, права трудящихся и бла-бла-бла, я возмутилась, удивляясь наглости людей, желающих вкалывать меньше, но при этом получать больше. Со своими я разобралась быстро, пригрозив, что, со мной этот номер не пройдет, и предоставила выбор: либо меньшее рабочее время и меньшие деньги, либо все остается по-прежнему. Конечно, они выбрали второе. А нескольких противников я выгнала с позором, заменив на более трудолюбивых. Что-что, а свои денежки выбрасывать на ветер я не горела желанием. Дальнейшие события в Чикаго возбудили во мне невероятное негодование и удовлетворение итогами на Хэймаркет и последующими действиями с разжигателями беспокойств, не смотря на то, что и кто там потом признал...

Я расширяла свой бизнес и пополняла капиталы. Путешествия, развлечения, танцы и чего еще душе угодно. Конечно, к сожалению, всего позволить себе я не могла, что ввергало меня в жуткую депрессию, и мысли о желанном не отпускали, заставляя хотеть этого еще больше.

На моем пути появлялись мужчины, но каждый из них мне казался охотником за моими деньгами. Белые никогда не стремились иметь со мной серьезных отношений, а все черные, с кем я имела дело, были куда беднее меня. Поэтому я жила одна в своем шикарном особняке, не считая вереницы слуг. Наследников у меня не предвиделось, рожать в одиночку я никогда не хотела. Поэтому чувствуя приближение смерти на семидесятом году жизни, я продала все, что имела. Заранее подготовила свои похороны, предусмотрев все, кроме даты, конечно. Оплатила гостиницу, в которой доживала свои дни, а оставшиеся деньги зарыла там, где никто бы их не нашел...

Старая черная женщина с седыми волосами и белоснежными как ее драгоценный жемчуг зубами закончила рассказ, удрученно вздохнув и окинув взглядом присутствующих. Встретившись глазами с Джанджи она, прочитала в них ужас, объяснимый лишь мыслями о том, как давно она здесь находится. Думаю, это пугало каждого из нас, наверное, и ее саму.

- Давайте поблагодарим Джемму за то, что она поделилась с нами своей историей.

- Спасибо, Джемма.

Вопрос о возможности вечного пребывания тут витал в воздухе...

- Теперь настала очередь Ардальона.

Лицо этого мужчины отражало непонимание своего нахождения здесь. Поначалу было видно, что ему даже нравится, что есть слушатели, не способные прервать его повествование, сопровождая его сочувствием и пониманием, но, видимо «перерывы между собраниями» наложили определенную тень на его представление о происходящем...

В холодных долгих зимах нет ничего прекрасного, вопреки всем стихотворным творениям, описывающим белые равнины и валящий снег. В таких нечеловеческих условиях мне довелось провести двадцать лет своей жизни, которые могли бы быть отличными, если бы не развод родителей и мои проблемы с девушками. Мать растила меня одна, работая как лошадь. Я же мечтал вырваться с севера и рвануть в столицу, покорив ее своим талантом барабанщика. Научившись в пятнадцать лет играть на установке самостоятельно, я надеялся быть замеченным главным образом молодыми особами, с которыми у меня дела обстояли не очень, так как я безумно стеснялся своего непривлекательного тела. Пока сверстники пропадали в подвалах, качая мускулатуру, я был вынужден корпеть над уроками, которые мне были совершенно неинтересны, от чего все старания сводились к нулю, по-прежнему оставляя мой дневник испещренным не самыми лучшими отметками. Полгода усердных выпрашиваний у матери в подарок на пятнадцатый день рождения барабанной установки возымели результат, и я стал терроризировать соседей, пока мама пропала на работе, выбиваясь из сил.

Закончив, наконец-то, школу, в институт поступать я не собирался, а стал искать способы выбраться в Москву. Мама говорила: «Даня, Даня! Куда же ты поедешь один? Где ты будешь жить и на что?» Но меня мало волновали ее присказки, и я решил на переезд. Собрав вещи, сел на поезд и укатил вперед к своей мечте. Проблемы с армией разрешились просто с маминой помощью. В подробности я не вдавался.

Первое время было весело ходить по клубам и знакомиться с новыми людьми. Так я нашел себе группу, в которую меня с удовольствием взяли. Мы выступали по кабакам, зарабатывая на хлеб. Меня мало интересовали вокальные данные нашего солиста или одаренность остальных музыкантов, главным были мои соло и возможность самовыражения. У нас стали появляться поклонницы, которые не обращали внимания на мои внешние недостатки, будучи готовыми сразу прыгнуть в постель, чем я благополучно пользовался. Я видел первые шаги на пути к славе и верил, что это только начало. Конечно, прибыли не хватало,

чтобы снимать нормальную квартиру в центре, откуда было удобно добираться до репетиционной базы, поэтому мама высылала мне кое-какие деньги. Спустя примерно полгода удачных выступлений, наш солист решил, что пора выходить на новый уровень и стал искать продюсера, записываясь на всевозможные прослушивания, что меня безумно выматывало. После нескольких подобных рейдов я заявил, что больше не собираюсь этого делать. Ведь мы веселились, срывая овации, а теперь должны выставляться перед толстыми дяденьками, которые нам совершенно не желают аплодировать, лишь находя недостатки. Парни возмутились, сказав, что лучше бы я работал над своей техникой и прислушивался к советам этих толстяков, а не жаловался на тяготы судьбы. Тогда я ушел из группы.

Стало совсем не весело. Искать новую группу сил не было: снова ходить туда-сюда, знакомиться, налаживать отношения... Я просто засел дома на пару месяцев, глуша свою тоску в вине. Приближалось лето и мой двадцать первый день рождения, на который я пожелал получить от матери в подарок поездку в теплые края. Там я отлично провел время и, вернувшись, жил лишь воспоминаниями об этом прекрасном отдыхе, мечтая, чтобы быстрее снова куда-нибудь съездить.

Вскоре так случилось, что меня пригласили играть в новую группу, но мне совершенно не понравилось с этими ребятами, поэтому вскоре я расстался и с ними. Мама стала говорить, чтобы я возвращался обратно, если у меня ничего не получается, или, по крайней мере, нашел бы работу. Я не хотел отказываться от мечты о сцене, а поиск обычной работы для меня значил именно это. Возвращаться желания тоже не было.

В течение примерно года я попробовал сыграть еще с парой групп, но одной почему-то не подошел, а другая очень быстро распалась, так как тамошний солист счел себя более талантливым и стал продвигаться на олимп славы, оставив остальных позади.

Вскоре мать заявила, что не собирает меня больше спонсировать, если я хотя бы не попытаюсь обеспечить себя сам. Она договорилась через каких-то знакомых, чтобы меня взяли охранником в одну кантору. Работа была непыльная, но скучная до ужаса. Другой я не искал, понимая, что придется вкалывать, как проклятый за копейки, а нормального места найти невозможно, не имея хороших связей.

Как-то раз я заглянул в местный бар выпить после работы. Там я увидел симпатичную девушку, но познакомиться стеснялся. Я видел,

что она и так и так посылает мне сигналы, но я не решился подойти. На следующий день я снова туда зашел, в надежде вновь встретиться. Но ошибся. Тогда я стал завсегдатаем этой забегаловки, продолжая ждать появления незнакомки. И она, все-таки, появилась. Я долго настраивался, что подойду к ней, но страх вновь сковал меня. Вдруг к девушке сел за столик какой-то парень, которого я мог наблюдать только со спины. Я похолодел, поняв, что, видимо, упустил свой шанс. Делая вид, что мне нет до нее никакого дела, я украдкой поглядывал. И каково же было мое удивление, когда я узнал в ее кавалере своего начальника. Конечно, у него есть все: деньги, хорошая работа, а теперь ему еще достается девушка, о которой я мечтал столько времени. Через год он заявил, что женится...

Я очень устал от таких подножек судьбы, а нелюбимая работа добила меня окончательно своей унылостью и безнадежностью.

Как то раз я познакомился с другой девушкой. Мы стали встречаться, и, казалось, она меня понимала. Спустя пару лет мы поженились и завели детей. Все шло своим чередом. Она говорила, что любит. Но, с каждым разом ее недовольство мной все росло и росло. Она твердила, что я неблагодарный, что ни к чему не стремлюсь, что должен найти новую работу, если эта так не устраивает, и я беспокоюсь из-за безденежья, и, наконец, прекратить клясть судьбу. Ее стали раздражать мои воспоминания о временах, когда я был счастлив, играя в группе. Спустя еще пару лет, она ушла, прихватив детей. Я попросил ее дать мне с ними общаться, но она сказала, что я ни на что не способен, что не могу им ничего дать, выскочила замуж за какого-то щеголя и больше не появлялась. Я понял, что моя жизнь кончена.

Постоянно вспоминал время, когда мы были вместе. Старался понять, почему она ушла, но так и не смог. Поначалу пытался заглушить боль, меняя одноразовых партнерш, но это не возымело результата. Я думал... и думал... Вспоминал... Там было лучше, а настоящее меня отвращало кучей проблем, недостатков, неудовлетворенности и сложностей... Каждый день для меня стал каторгой, помогали лишь воспоминания о тех временах, хотя и причиняли боль, одновременно делая существование адом... Возможно, периодически появлялись какие-то стремления что-то изменить к лучшему, была надежда... Но потом я опустил руки, мне перестало быть интересно жить совсем... Я не мог понять, за что мне все это? Почему именно со мной происходят такие вещи? Ведь есть же люди, у которых все хорошо... Почему у меня

не так? Было жутко обидно за себя, свою судьбу и не сложившуюся жизнь... Хуже было некуда...

Вскоре я покинул Москву и вернулся в родной город, обратно к маме. Она нашла мне там работу через знакомых такого же типа, что и раньше... Когда через год ее не стало, я ушел в запой, поняв, как скверно жить... По-крайней мере мне...

Из запоя меня вывел случай: напившись до чертиков, я заснул в сугробе. Вследствие обморожения пришлось ампутировать ноги. Я осознал, что жизнь ко мне несправедлива...

Даже начисляя пенсию по инвалидности, меня обманули, занизив ее на двести рублей... Большинство знакомых, мне говорили, что это так нельзя оставлять. Будто все так просто! Государство ездило на нас всю жизнь, и теперь продолжало нами пользоваться, хотя должны были обеспечивать нас после всего, что мы для них делали. Так что разбираться с оным обманом я не стал, понимая, что это ни к чему не приведет...

Порой мы смотрели на своих «соседей», прекрасно понимая, за что они сюда попали. Хотелось ткнуть в их недостатки и ошибки. Но сами мучились, не понимая, в чем наша вина, или оправдывали свои действия, пытаясь доказать, что все они были правомерными. Не перед кем-то... Перед самими собой...

Наверное, все пытались разглядеть отсутствие или присутствие нижних конечностей рассказчика после упоминания об их ампутации, но тьма, не тронувшая лишь лица, не позволяла этого осуществить.

- Давайте поблагодарим Ардальона за то, что он поделился с нами своей историей.

- Спасибо, Ардальон.

Поначалу приход сюда кажется спасением, ведь некоторые ожидают, что их взору предстанет куда более страшное зрелище. Но со временем понимаешь суть вещей. И то, что сперва казалось забавным приключением и новым опытом, обращается в самый страшный кошмар.

- Массимо, можешь начинать.

Молодой мужчина вдохновенно начал свой рассказ.

Моим хобби всегда была еда. Каразао, Пекорино, Порчетто, Боттарга... Эти слова – музыка для моих ушей. Когда я не ел, я думал о том, что хочу вкусить. Засыпая, я всегда смаковал, что буду поглощать завтра.

Многие удивлялись, как можно есть с самого утра. Но я и просыпался-то только от голода, поэтому мигом мчался на кухню, чтобы найти что-нибудь съестное.

В школе меня дразнили перекаати-полем, намекая на мою шарообразную фигуру, что меня крайне задевало. От чего я начинал заедать проблемы новыми порциями пиццы и пасты. Как-то в старших классах я решил сесть на диету, но меняхватило ровно на полдня, после чего я истребил все содержимое холодильника. На этом мои метания были закончены, и я смирился с тем, что уродлив и никому не нужен. Поэтому решил наслаждаться единственным, что доставляло мне удовольствие, если этого не хотел делать противоположный пол.

Моей мечтой было стать поваром. В колледже надо мной продолжали издеваться, подозревая в том, что я тайком поедаю продукты, предназначенные для занятий. Было очень обидно, хотя и соответствовало действительности. Застав за этим делом неоднократно, меня выгнали с позором. Ни в один ресторан брать меня не хотели без диплома, но одно третьесортное кафе было радо наличию у меня хотя бы незаконченного колледжа за плечами, поэтому незамедлительно приняло на работу. В течение ближайших пары месяцев оно понесло убытки вследствие моего неуемного аппетита. Выяснив причину приближения к банкротству, хозяин уволил меня.

Мама с бабушкой, как и в детстве, продолжали пичкать меня вкусностями, и я добрел на глазах. Они выполняли все мои прихоти, приговаривая, что избыточный вес может плохо отразиться на здоровье, неся очередную порцию моего любимого Касу Марцу. Перерастая размеры дивана, я все меньше и меньше стал двигаться, возлегая на тахте, пока еще вмещавшей меня.

Помню, мама принесла мне только что вынутую из духовки лазанью и сказала, что посоветовалась с нашим доктором. Он сказал, что мне надо ограничить себя в еде, иначе сердце может не выдержать нагрузки. Но это было слишком тяжело для меня, а родные плакали, видя мои мучения при отказе от лишнего кусочка, поэтому продолжали кормить на убой.

Я располнел на столько, что перестал выбираться из дома. Связь с внешним миром осуществлял лишь через интернет. Там я познакомился с одной милой девушкой. Фотографию свою, конечно, я стеснялся показывать, поэтому для нее выглядел как малоизвестный, но довольно привлекательный актер. Я влюбился... Она настаивала на встрече,

но как я мог явить свои необъемлемые тела? Силы воли для диет и даже минимальных физических нагрузок у меня не хватало. Поэтому я решился на операцию по удалению лишнего жира. Кучи лишнего жира...

Но денег на это не было. Я создал сайт, где рассказал свою историю и стал собирать пожертвования. Вскоре денег было достаточно для осуществления плана. Обо всем с клиникой договорилась мама.

После операции я мог самостоятельно двигаться, но обвисшая кожа после липосакции нуждалась в резекции, поэтому потребовалась новая сумма. Я продолжил собирать пожертвования, выдумывая для своей избранницы истории про заграничные командировки, мешающие нашей встрече.

Когда нужная сумма была накоплена, я отправился самостоятельно в клинику, чтобы подписать договор и оплатить услуги. По пути я наткнулся на один ресторан, в который мечтал попасть с самого детства, но не мог себе этого позволить. В кармане была приличная пачка наличных, дававшая мне возможность опробовать в нем самые изысканные блюда. И я не устоял... Наевшись до отвала, я решил оставшиеся после трапезы деньги потратить на запас излюбленного лакомства. Встретившись с нашим давним поставщиком Салтерелле, как принято говорить во Фриули, я набрал его достаточно, чтобы хватило на весь квартал, с которым, впрочем, делиться не собирался. Добравшись до дома, я уже был голоден, поэтому тут же принялся поесть приобретенные запасы любимого сыра. Так и заснул с не дожеванным куском во рту. Проснулся в тот раз, наверное, впервые за долгое-долгое время не от голода. Меня жутко тошнило и тянуло в туалет, где я и провел целый день, попеременно садясь и сгибаясь над ним. Между приступами я снова прикладывался к сыру, чтобы восполнить израсходованную на спазмы энергию.

Мама отвезла меня к врачу. Проведя обследования и анализы, тот сказал, что виной всему кишечный миаз, назначил какие-то лекарства, процедуры и запретил на время кучу вкусностей, а любимый сыр, явившийся, по его заверениям, причиной всему, навсегда. Сказал, что необходимо соблюдать диету, так как резкие перепады веса вредны для организма в целом и для сердца в частности, поэтому после такой его потери снова резкий набор будет равносильен смерти. После услышанного меня пробрал сардонический смех. Я не выдержал этих ограничений, решив, что лучше короткая, но вкусная жизнь, чем долгая и пре-

сняя...

Грустные глаза рассказчика выражали непомерную скорбь от того, что здесь о еде только и оставалось, что думать или говорить.

- Давайте поблагодарим Массимо за то, что он поделился с нами своей историей.

- Спасибо, Массимо.

Нас всегда было девять, стоило одному «уйти», как неизменно на его месте появлялся другой. Порой такие замены ждешь с нетерпением, чтобы хоть как-то разнообразить рутину, но бывают и те, исчезновение которых для тебя становится большой потерей, как будто расстаешься с давним знакомым. Осталась последняя история, которую мы уже слышали неоднократно, но мечтали, чтобы она длилась бесконечно, потому что за ней последует то, что больше всего делает наше пребывание здесь невыносимым.

- Ну что ж, Дегэйр, настала и твоя очередь.

Мужчина, сидевший все «собрание», будто не слыша и не видя никого, начал свой рассказ, продолжая смотреть в никуда, словно говоря с самим собой или кем-то незримым для остальных присутствующих.

Мы познакомились с Дороте в Сен-Тропе, где я работал менеджером в одном из многочисленных кафе. Она приехала отвлечься от будничной скуки и понежиться в солнечных лучах. Увидев ее, я подумал, что это очередная девочка, с которой смогу развлечься. Но, пообщавшись, я сменил свои планы, осознав, что Дороте больше, чем временное увлечение. Вскоре ей пора было возвращаться в Париж, казавшийся другим концом света и предвещавший разлуку.

Она уехала. Первое время мы созванивались, делись новостями и признаваясь друг другу в любви. С каждым днем я все больше и больше понимал, что умру, если не увижу ее вновь. Тогда я собрал свои пожитки и купил билет до столицы, не предупредив об этом свою возлюбленную.

Я позвонил ей только когда прибыл к месту назначения. Моя девочка была счастлива... Именно такой реакции я и ожидал. Мы вновь наслаждались друг другом, даря внимание и ласку. Я нашел неплохую работу и планировал создание семьи, о чем и сообщил Дороте в форме предложения. Она будто и не удивилась такому стремительному развитию событий, ведь, и впрямь, казалось, что мы знакомы уже целую

вечность.

Спустя полгода после знакомства, мы поженились. На медовый месяц отправились в место, которое свело наши судьбы воедино. По возвращению началась совместная жизнь, оказавшаяся не совсем тем, чего я ожидал...

Красавица, в которую я когда-то влюбился, на глазах стала превращаться в обычную женщину, ходящую в махровом халате и шаркающих домашних шлепанцах. Я надеялся, что это не навсегда, но время говорило не в мою пользу. Быт оказался отличным от беззаботного плескания в прибрежных водах Ривьеры.

Я стал заглядываться на других девушек, уже не просто отмечая их внешнюю привлекательность, но и думая о близости с ними.

Я засомневался в том, что Дороте будет последней женщиной в моей жизни.

Как-то в офис, в котором я работал, пришла новая сотрудница. Она была довольно привлекательна и приветлива. Мы стали общаться и ходить вместе на кофевейки и обеды. И так совпало, что именно тогда Дороте сообщила мне о своей беременности. Меня обуяли смешанные чувства: с одной стороны, я очень был рад тому, что стану отцом, но, с другой, я уже был во власти другой женщины и, приходя домой, не чувствовал к своей ничего. К той, что ждала меня с работы с горячим ужином, той, что по утрам вставала раньше положенного, чтобы успеть приготовить мне завтрак, той, что стирала мои заношенные носки своими нежными ручками, грубевшими от домашней рутины, той, что носила под сердцем моего ребенка...

Я начал вести двойную жизнь, словно подлый шакал, скрывая следы измены от на глазах полневшей супруги. Дороте встречала меня с работы, на которой я все чаще и чаще задерживался, с наивной улыбкой на лице и тянущимися ко мне руками, стремящимися заключить в объятия.

Через несколько месяцев я познакомился с еще одной девушкой, которая тоже стала моей любовницей.

Я был безумно счастлив, когда родился Жиль. В тот день я решил, что покончу со всеми интрижками.

Я осуществил задуманное, порвав с обеими разом. Стал возвращаться домой вовремя, уделяя внимание своей семье. Сейчас я понимаю, что это было лучшее время в моей жизни... Но тогда хватило меня не на долго...

Если б только возможно было повернуть время вспять, я бы, не задумываясь, выкинул из своей жизни всех женщин, с которыми был параллельно с Дороте...

Следующую я нашел в одном из клубов, в котором развлекался, сказав жене, что уехал в командировку.

Я запутался... Порой, приходя в семью, я чувствовал, что это мое истинное счастье, но выходя в люди, вновь пускался во все тяжкие.

Со временем меня повысили, о чем я не сообщил Дороте, тратя надбавку на свое усмотрение. Иногда приносимых мной денег не хватало, но я говорил жене, что надо подужаться, параллельно покупая очередной любовнице дорогие духи и снимая номер в фешенебельном отеле для своей с нею утех...

Я чувствую лишь ужас, отвращение и раскаяние, вспоминая вранье, произносимое мной в телефонную трубку жене, когда та звонила, чтобы узнать, когда я буду дома, пока очередная подруга ублажала мою похоть...

В один из подобных вояжей, я привез любовницу на Лазурный берег, остановившись в той же гостинице, что и с Дороте в наш Медовый месяц, предав воспоминания о нем и очернив место, которое свело наши судьбы воедино. Мы плескались в чистейших водах, пока моя законная супруга, уверенная, что я нахожусь в одной из рабочих поездок, якобы пытаюсь обеспечить наше существование, ухаживала за Жилем, говорившем мне в трубку, что очень скучает и любит, пока моя подруга, сидела рядом, зажимая рот, чтобы не рассмеяться... Мой сынок просил возвращаться поскорее... А я менял драгоценные минуты с ним на возможность заглянуть под очередную юбку...

Порой Дороте спрашивала меня, верен ли я ей. И я без запинки отвечал, что да... Ее глаза выражали надежду на то, что я честен, и подозрение в том, что все же это не так... И моя бедная женушка шла готовить мне на утро костюм, сорочку и нижнее белье, которое на следующий день с меня снимала другая женщина...

Иногда они меня бросали, но чаще я уходил сам, когда они надоела. Но в моменты, когда отвергнутым оказывался я, вымещал свою злость и обиду на ничего не подозревающих Дороте и Жилия, любившего кататься на переднем сидении машины, в которой незадолго до того, как посадить свою семью, я предавал ее и душой и телом...

Как то мы отправились с женой в гости. Она долго смотрела на меня, ничего не говоря, пока я был за рулем. Тогда я спросил, в чем дело. До-

роте сказала, что чувствует, что я уже не с ней, будто у меня какая-то своя жизнь, в которой ей нет места. Я разорался на бедняжку, силящуюся сдерживать слезы, и не справившись с управлением влетел в дерево, росшее на обочине. Последние слова, которые я сказал женщине, посвятившей мне жизнь, были слова ненависти и злости...

Не отводя взгляда от неведомой нам точки, мужчина закончил повествование, вновь погрузившись в раздумья.

- Давайте поблагодарим Дегэйра за то, что он поделился с нами своей историей.

- Спасибо, Дегэйр, - на «сегодня» это последнее, что нам разрешено произнести...

Наступает тьма, поглощая всех без остатка и оставляя наедине со своими мыслями и самыми жуткими воспоминаниями, которыми мы вынуждены бесконечно делиться с «сокамерниками»

Ты пытаешься считать секунды до отступления мрака, но их здесь не существует, и начинаешь сходить с ума, теряясь в пустоте отсутствия времени, света и чего бы то ни было осязаемого.

Впервые встретившись с этой тьмой, становишься охваченным безумным страхом, что это навсегда. Что учесть вариться в мыслях о причине своего пребывания здесь без возможности видеть, слышать, говорить и осязать, возымела полную власть и не отпустит во веки веков.

Раз за разом словно просматриваешь замедленную съемку своего «падения», и постепенно открывается то, что ранее виделось совершенно по-другому или вовсе оставалось незамеченным. Кого-то мучит гнев, злоба и непонимание, почему они вынуждены пребывать в этом мраке, считая свои свершения либо благодетельными, либо слишком незначительными, чтобы стоять перед ответом. Иные же стремятся познать суть явления и ищут путь. Кому-то это удастся...

Каждый раз, когда свет возвращается, вновь озаряя наши лица, мы осматриваем собравшихся, чтобы понять в том же ли мы составе.

Проводя взглядом по кругу теперь, мы понимаем, что Дегэйра с нами нет. На его месте находится молодая особа, чей вид сообщает об удивлении и благоговении от увиденного, явной причиной которого является ее недопонимание обстоятельств, в которых она оказалась.

Можно сказать, что это поразительно: в течение всего нескольких последних раз сменилось уже трое. Порой мы остаемся в прежнем составе очень-очень долго, прежде чем произойдет хоть одна замена. А

тут, практически сразу, три... Задаешься вопросом: хороший ли это знак? Дает ли это нам надежду на скорейшее спасение из этого места, или наоборот лимит исчерпан, и нас ждет еще более долгое пребывание тут?

А, может, это совсем не имеет никакого значения, и все зависит лишь от каждого из нас?..

- Привет! – нас, как обычно, представляют друг другу, и мы поочередно склоняем головы, услышав свое имя, – единственное «телодвижение», возможное для нас, - Кассандра, Джанджи, Джемма... - снова те же имена и кивающие лица, - а это Альберта, она у нас новенькая, поприветствуйте Альберту.

Мы всегда приветствуем новеньких, но ни слова не произносится о покинувших нас.

- Привет, Альберта, - произносим мы хором.

- Ну что, кто начнет? – все молчат, - Почему бы тогда нам не выслушать сперва нашу новенькую?

Та взметнула высокие брови, явно не будучи новичком в публичных выступлениях, и приступила к своему рассказу с видом полным самоуважения и ощущения важности происходящего.

Идея открыть фонд у меня появилась еще в школе, когда мы писали сочинение на тему «Кем я стану, когда вырасту». Сначала я хотела рассказать, что мечтаю быть балериной, но мама посоветовала написать о благотворительности, потому что балеринами захочет стать половина девочек из класса, а мое сочинение будет выделяться своей зрелостью, оригинальностью и охарактеризует меня как доброго благородного человека с широкой душой. Учительница зачитала мое произведение перед всем классом, поставив в пример. Именно тогда я поняла, что это мое призвание.

На первых порах я находила бездомных животных и организовывала знакомых на сбор еды для них и поиска хозяев, которые впоследствии были нам благодарны и одаривали комплементами, восхищаясь находчивостью и альтруизмом.

Затем последовали местные одинокие старушки. Им новых хозяев я, конечно, не находила! Люблю эту шутку. Это было уже в старших классах. Я организовала группу добровольцев, которых распределила по этим бедным женщинам в помощь им по хозяйству и уходу за ними.

Как-то один из родителей моей свиты сказал, что одобряет мое на-

чинание и готов поддержать материально, если в том будет нужда. Тогда я придумала собирать деньги для тех, кому они необходимы. Это был мой первый неофициальный благотворительный фонд. Чтобы получить деньги, просители описывали свои истории и мотивировали желание получить материальную помощь. Я выслушивала их, или зачитывала, если это было в письменной форме, и решала, кто более достоин. Бывали и такие, кто просто хотел пожить. Специально для предотвращения подобных обманов я организовала знакомых для проверки достоверности фактов, которые предоставляли просители. Уличенных в обмане я заносила в черный список, который предоставляла на суд общественности. Изредка случались и ошибки, но они терялись в общей массе творимого мною добра.

Параллельно с благотворительностью я пела в церковном хоре, совместив дела прихода со своими деяниями. Местный священник хотел полностью объединить мой фонд со своим, но я нашла слова и причины, чтобы предотвратить это. Ему ничего не оставалось, как согласиться со мной. Как я могла отдать свое детище во славу этому поборнику чужих заслуг?

После школы вопроса о поступлении в колледж передо мной не стояло, это просто не обсуждалось. И в Тринити я так же продолжила свою благотворительность, организовывая творческие вечера по сбору средств для нуждающихся. Было очень интересно готовить речи, соответственно выбранной тематике, будь то бездомные или больные СПИДом. И все они были благодарны, когда я самолично вручала им необходимые вещи, еду и препараты, купленные на собранные средства. Помню, однажды попался один неблагодарный тип, заразившийся ВИЧем, наверное, от своего голубого дружка или когда колотся всякой дрянью, который заявил, что не нуждается в моих подачках. Многие уверены, что об их статусе никто не узнает, так как это врачебная тайна, но на самом деле существуют списки, в которых можно отыскать всех, у кого когда либо был обнаружен вирус иммунодефицита человека. Прибегнув к помощи знакомых, я смогла заполучить «лондонский каталог», скажем так. Потом, как добрая фея, я являлась к этим больным, одаривая всем необходимым. А этот не оценил моих усилий и благосклонности к нему, оскорбив мой порыв. Тогда я решила, что будет целесообразно отбирать из этих списков тех, у кого нет возможности позаботиться о себе самому. Тот тип, видимо, был достаточно состоятелен и не нуждался в наших средствах, но можно

было бы вежливо об этом сообщить, а не строить из себя обиженного и оскорбленного.

Некоторые интересовались, почему я прибегла к такому нетрадиционному методу, вместо того, чтобы, как и раньше, помогать тем, кто попросит сам. Но я подумала, что на много интереснее преподнести это человеку, который сидит и не о чем не подозревает, воспринимая все как дар свыше.

Теперь я совмещала благотворительность с пением на сцене, вместо церкви. Стали появляться поклонники, и меня начали приглашать в различные проекты и рекламу. Вскоре времени на благотворительность становилось все меньше и меньше, но таблоиды пытались очернить меня всякими грязными слухами, поэтому я усилила эту сторону своей деятельности и вернула свое доброе имя. Именно тогда я открыла официальный фонд имени себя, ставший довольно-таки популярным и востребованным. Я ездила по всему миру, чтобы облагодетельствовать бедняков и обделенных. Став известной с помощью пения, я поняла, что теперь обо мне больше говорят именно в ключе благотворительности, поэтому, естественно, на это я отводила большую часть времени.

Меня поражали те, кто имел финансовое благосостояние, но отказывал моему фонду в финансировании. Вскоре эти жадные личности находили нелицеприятные отзывы о себе в прессе и телевидении. Конечно, это делалось не мной лично, чтобы не запятнать свою честь, я прибегала к иным помощникам. Я возмущалась глупости окружающих, которые отказывали сами себе в возможности сделать добро, которое им обязательно зачтется и в этой и в той жизни.

Спустя пару лет после свадьбы, муж заявил, что хочет ребенка. Многие мои сверстницы уже давно обзавелись потомством, но я не могла себе этого позволить, видя их раздобревшие фигуры. Для меня было неприемлемо так изуродовать свое тело, поэтому я решила усыновить кого-нибудь. Как-то, будучи с миссией в Никарагуа, я заметила очень симпатичного мальчика, коих не встречала ранее среди этих обездоленных. Да что там, даже среди обычных детей. Тогда я решила усыновить именно его. Муж требовал собственное дитя, но я сказала, что либо этот, либо никакого. Процесс усыновления начался, но муженек пошел на попятную. Отказаться от мальчика я уже не могла. Что бы обо мне тогда заговорили? Так что великовозрастного ребенка я променяла на маленького, принесшего мне новых почитателей.

Как-то я с волонтерами застряла в одном из аэропортов Боливии. Нам предоставили какие-то ночлежки, где из развлечений не было совершенно ничего. Тогда я и нашла Библию в ящике прикроватной тумбочки, которую стала читать от скуки. Меня очень увлекло это занятие. Я узрела много вещей, которые не видят живущие на нашей земле. Я увидела свои деяния, как заслуживающие моего дальнейшего пути к свету, который я и продолжила с еще большим рвением после того, как смогла покинуть этот клоповник.

Я стала просвещать массы, указывая им верный путь. Меня приводили в исступление лица, смотрящие на меня во время произнесения мной речи, а невежды, отворачивавшиеся, усмехавшиеся или уставившиеся с непонимающим или отчужденным видом, вызывали поначалу злобу. Но со временем к таким особям я стала относиться снисходительно, жалея их и предвидя огненную гиену, уготованную им.

Глобальные катастрофы и эпидемии были очень плодородной почвой для моего фонда. Сразу начиналась шумиха, куча финансовых притоков и возможностей продвижения. Я всегда была на гребне волны и там, где нуждались больше всего. Именно поэтому я и помчалась в Японию, как только услышала об этом жутком землетрясении. Последнее, что помню, развалины в Ибаракки и летящая мне на голову балка.

По ходу повествования выражение лица новенькой сменилось с благоговейного от мысли о попадании в круг почитателей ее заслуг и добродетелей, на изумленное от того, что речь ее оказалась не столь официальной и стройной как обычно, выдав многие факты, которые она всегда старалась скрыть.

- Давайте поблагодарим Альберту за то, что она поделилась с нами своей историей.

- Спасибо, Альберта.

Кто мог осудить человека, целью которого был Рай? Но хотелось спросить эту женщину: возможно, стоило стараться просто жить так и делать такие поступки, чтобы быть достойным попадания туда, а не ставить каждый раз галочку, подав бездомному и требуя его преклонения. Но мы не имели такой возможности. Да и кем мы являлись, чтобы осуждать?

- Джемма, давай теперь послушаем тебя...

Незнакомка

(входит в сборник «Рассказы»)

Мэри укладывала нашу двухмесячную малютку Сюзи. Она была такая крохотная, что я боялся к ней прикасаться. Она еще ничего не умела делать, только постоянно пачкала памперсы, сосала сисюку и улыбалась своим беззубым ртом, когда дядя Генри корчил рожи, которыми он доставал в детстве и меня. Ну, еще, конечно, она любила плакать. О, да! Это малышка Сюзи умела делать отменно.

Говорят, что отцы хуже осознают свое положение, нежели матери, и родительское чувство приходит к ним постепенно. Особенно, если отцом стал двадцатилетний сопляк. Но, черт побери, как только я взял на руки эту кроху, я понял, что она единственное, ради чего стоит жить.

В дверь постучали. Я подумал «кому в такую погоду нейметя ходить в гости?». Если бы это оказались очередные миссионеры, я бы засунул в их вымокшие под ливнем задницы их же поганые листовки и махнул на прощание ручкой. Эти мерзавцы, считающие, что если мы не примкнем к их миссии, будем вечно гореть в аду, уже три раза на этой неделе оказывались на нашем пороге. А ведь сегодня только среда, черт бы их побрал! Я неохотно отставил бутылку пива, когда в дверь постучали второй раз.

- Кто там? – раздался голос Мэри. И как только ей удастся все слышать сквозь шум дождя и вопли Сюзи.

- Я открою, - крикнул я.

Чертыхаясь, я добрался до двери и распахнул ее настежь, уже почти уверенный в том, что это очередные свидетели апокалипсиса или нового мессии.

- Здравствуйте, могу я чем-то помочь? – спохватился я. Передо мной стояла молодая девушка, промокшая насквозь. Она дрожала в своем крохотном платьице, облепившем ее хрупкое тельце. Светлые волосы прилипли к лицу, и с них текли холодные струйки, заставляющие кожу покрываться мурашками.

- Можно воспользоваться вашим телефоном? – стуча зубами спросила незнакомка, - пожалуйста...

- Д-да, конечно, - я посторонился, приглашая девушку в дом и наблюдая, как она оставляет за собой мокрые следы, образующие маленькие лужицы. Мэри это не понравится. Ох, как не понравится.

- Кто там, Джон? – снова крикнула жена.

- Позвонить хотят, - ответил я через чур быстро.

- Что? – видимо, Мэри показалось странным, что в двадцать первом веке еще остался кто-то, кто не носит с собой мобильник. Она спустилась вниз с продолжающей рвать глотку малышкой и оторопело уставилась на гостью, - добрый вечер, - с неуместной вопросительной интонацией произнесла она, растерявшись.

Девушка чуть вздрогнула и робко произнесла:

- Добрый вечер, миссис. Вы не против? Ваш сын разрешил воспользоваться вашим телефоном.

Мэри напряглась. Она сверкнула глазами и нервно сказала:

- Конечно. Звони.

И заторопилась обратно в комнату вместе с надрывающейся Сюзи.

Надо сказать, что мы с Мэри были не обычной парой. Конечно, в новом тысячелетии пора закрыть глаза на старые предрассудки, что мы и сделали. Но большинство придерживалось старых стереотипов и судачило у нас за спиной, говоря, что она мне в матери годится. Честно говоря, надо признать, что технически в этом есть доля правды, моя мать старше ее всего на два года.

Мы познакомились на съемках фильма, режиссером которого была Мэри. А я играл главную роль. Это была ее пятая картина. Первую она начала снимать в возрасте двадцати пяти лет, и потом по одной картине в три года, так что к сорока она стала пусть и не самой известной женщиной-режиссером, но, скажем так, пользовалась популярностью в определенных кругах. Мэри занималась, как она считала серьезными вещами, не тратя время на комедии и иную чушь, в которой до ее фильма снимался я. Вообще-то, я всегда был склонен думать, что делаю нечто важное, и моя работа не просто лицедейство, а что-то сродни волшебству. Мои предыдущие картины принесли мне тоже некую известность в иных определенных кругах, коими по большому счету были девочки-подростки или их не нагулявшие в свое время мамы. Мне хотелось завоевать любовь и других зрителей, показать, на что я способен, что я серьезный актер, а не просто симпатичная мордашка с кудряшками и голубыми глазами. Так я и познакомился с Мэри. Многие считали, что она мне нужна для продвижения по карьерной лестнице, что она слишком стара и слишком некрасива для такого, как я, который может заполучить любую молодуху, какую бы ни выбрал. Да, она была чуть моложе моей матери, которая придерживалась

общего мнения о том, что моя Мэри старая шлюха, развращающая ее любимого сыночка, но я ее не виню, хотя с тех пор, как Мэри забеременела, мы не общались. Если бы только мама знала, сколько до этой «старой шлюхи» уже имели возможность развращать ее сынулю, она, возможно, пересмотрела бы свое отношение к этому вопросу. Но она и слушать ничего не хотела, искренне веря, что я был чуть ли ни ангелом до встречи с ней.

Но в итоге, как бы злопыхатели ни краснели, пытаюсь найти «истинную» причину нашего союза, как бы мои малолетние поклонницы ни плевались, читая очередную статью о нашей с Мэри личной жизни, правдой было то, что я просто влюбился. Как там говорится? Сердцу не прикажешь? Вот и мне это было не под силу. Возраст, сплетни, запреты матери и ее слезы, ничто не могло меня остановить. Даже мои опасения. Я бросился в омут с головой. И счастлив, что не нашлось силы, способной меня остановить.

Когда раздался хлопок, закрывшейся за Мэри двери, я неловко улыбнулся незнакомке, наблюдая, как вокруг нее образовалась внушительная лужа, стекшей с волос и одежды воды. Она продолжала дрожать и потирать себя руками, чтобы согреться. Очередная капля упала на ее грудь с отлипшей ото лба челки, и я увидел, как ее тело вновь покрылось гусиной кожей. Тут я заметил, что сквозь мокрую ткань платья проступают набухшие соски, притянувшие мой взгляд. Спустя несколько секунд, я понял, что безотрывно смотрю на них как замороженный. Я тряхнул головой и, спохватившись, замямлил, призывая девушку проследовать за мной на кухню к телефону. Я уселся на столешницу, стараясь не подслушивать, о чем она говорит с человеком на другом конце провода. Но ничего не мог с собой поделать. Я уловил отрывки фраз, произнесенных мужским голосом, который явно был чем-то недоволен.

- Но как я доберусь до дома? Машина сломалась, телефон разрядился, на улице льет, как из ведра... да хорошо... хорошо...

Девушка, казалось, была готова заплакать, составив компанию не понимающей Сюзии, но сдержалась, назвав нашу улицу, на которой и встряла в эту страшную непогоду.

- Хорошо, я буду ждать в машине... постарайся побыстрее, если получится...

Она повесила трубку, перевела дыхание и повернулась ко мне, пытаясь улыбаться:

- Спасибо, - она кивнула головой в знак благодарности, - я пойду.

- Рад... помочь, - не нашел, что еще ответить я.

Девушка скрылась за дверью, и меня это, почему-то расстроило.

- Она ушла? – тут же появилась Мэри.

- Да. Только что, - я запер дверь и повернулся к жене.

Честно говоря, Мэри и не была мне женой в общепринятом смысле слова, с официальными документами, клятвами и кольцами. Но называть сорокалетнюю женщину своей девушкой, даже я понимал, было несколько комично. Поэтому мы сошлись во мнении, что «жена» вполне подходящее определение.

- Сын... - хмыкнула она, подходя к окну, - надеюсь, ты ей сказал, что я вовсе тебе не мать?

- Как-то не пришлось, - замялся я, позабыв об этом, когда все мои мысли заняли соски этой девчонки. Они до сих пор стояли перед глазами. У Мэри тоже была красивая грудь. Для ее возраста. Дал бы голову на отсечение, в годы этой незнакомки моя жена дала бы ей фору в этом вопросе, но сейчас, особенно после рождения дочки, все выглядело не совсем так, как я это любил. Соски Мэри расползлись чуть ли ни на половину молочных желез, которые разбухли, как дыни. Я ничего не имею против большой груди. Я даже за. Причем обеими руками. Но они не просто увеличились, став как мячики. А превратились в сетки с этими самыми мячиками, болтающиеся при каждом движении. Я не то что жалуюсь, но надеюсь, что когда она перестанет кормить грудью (ведь есть же всякие там смеси, да?), они станут хоть отдаленно напоминать груди, которые я привык ласкать, чтобы сделать приятное женщине и получить удовольствие сам, а не в то, к чему прикоснувшись, рискуешь оказаться вымазанным молоком, на которое, мне уже кажется, у меня аллергия. Несмотря на все это, я ее люблю. Ведь не в груди же дело, правда? И не в том, что уже месяцев пять у нас не было секса... В конце концов, она родила мне дочь. А это многого стоит. Можно и потерпеть.

- Похоже, она что-то забыла, - сказала Мэри, всматриваясь в сумрак за окнами.

- Да? – я подошел ближе, стараясь не очень показывать, что меня это волнует.

- Да, - недовольно сказала жена, услышав стук в дверь.

Я вопросительно посмотрел на нее, словно ожидая разрешения впустить незнакомку снова.

- Чего стоишь? – непонимающе уставилась она.

Я расторопно открыл дверь.

- Простите, - виновато произнесла девушка, - кажется, я заперла ключи в машине... а тут такой дождь...

- Заходи, - сказала Мэри, и повернулась ко мне, саркастично добавив, - мой сын сделает тебе горячего чаю, чтобы ты согрелась.

Она снова пошла наверх. Казалось, она так привыкла к воплям Сюзи, что замечала их, только когда кто-то был рядом, начиная морщиться от их пронзительности.

- Э... есть черный и зеленый, - сказал я, - чай...

- А можно кофе? – застенчиво убрала она мокрую прядку с гладкого лица.

Как я отвык видеть такую безупречную кожу. Мэри следила за собой, но годы берут свое, и никакие подтяжки, пиллинги и крема не смогут достоверно имитировать молодость.

- Да, конечно, - я старался выглядеть уверенно, словно взрослый мужчина, в дом которого пришла беспомощная крошка в поисках спасения. Но не мог отделаться от чувства, что готов залиться краской, как подросток, у которого случилась эрекция перед всем классом, - садись на диван, я сейчас.

- Спасибо, но я боюсь его намочить...

Я понял, что она совершенно права. На ней сухого места не осталось, и приглашать ее присесть было довольно опрометчиво.

- Я принесу полотенце, - сказал я и поднялся в ванную.

Когда вернулся с огромным баннным полотенцем, она все еще стояла на том же месте, не сдвинувшись ни на дюйм.

- Вот... - я протянул ей полотенце, стараясь не смотреть на по-прежнему торчащие соски.

- Спасибо, - поблагодарила она. И тут же сделала то, чего я ну никак не ожидал: она схватилась за подол платья и потянула его вверх, мигом оставшись в одних трусиках. Таких крошечных, которых я уже давно не видел. Очень давно. Кажется, целую вечность. Так же быстро она схватила из моей руки полотенце, я только и успел заметить что эти трусики, и тут же закуталась в него с головой, - можно я его просушу?

- Да, - резко ответил я и взял мокрое платье, прикрывая им с трудом скрываемое возбуждение. «Вот черт» - подумал я, когда понял, что теперь у меня не только стояк, но и такой видок, будто я обоссался. Я снова заторопился в ванную, чтобы выжать платье, потом отнес его в подвал, где положил рядом с бойлером, чтобы оно быстрее высохло.

И чтобы его не увидела Мэри, если ей придется с продолжающей надрываться Сюзи зайти в уборную. С этим ребенком явно что-то не так. Может, стоит еще раз показаться врачу? Разве дети должны так орать?

Потом я вовремя вспомнил, что надо сменить штаны и исподнее, которое тоже промокло от прижатого в целях конспирации платья. Надеюсь, Мэри не заметит перемены. Последнее время она вообще на меня мало внимания обращает, особенно после рождения Сюзи. С чего бы ей сейчас смотреть на мои штаны? Хотя, по закону подлости именно так и бывает. Я поправил конец, чтобы он не бросался в глаза, и вернулся к незнакомке. Она сидела на диване, спустив полотенце с головы на плечи, и с интересом рассматривала интерьер.

- Можно и это? – смущенно спросила она, протягивая мне что-то. Только теперь я заметил, что у нее в руках были те самые крошечные трусики.

«Что ты со мной делаешь? Я практически женатый человек! У меня и ребенок есть, слышишь, как надывается?»

- Угу, - кивнул я, и отнес их к платью. Это очень странно, что мне захотелось их понюхать? Запах женщины и все такое, знаете? Сам Аль Пачино так делал ведь, кажется... А то последнее время единственный запах, который я ощущаю от своей жены, это запах блевотины Сюзи и ее детской присыпки...

Я поспешил вернуться в гостиную, надеясь, что Мэри решит не выходить из комнаты вплоть до самого ухода этой девушки. Почему-то от этой мысли мне было спокойнее.

Но я же ничего не делал... Она просто промокла и попросила высушить ее одежду. Ее маленькое платьице, сквозь которое просвечивались набухшие соски, и крохотные трусики... Черт.

- Ну... - не знал я, что еще сказать, вернувшись к гостье.

- Кофе, - улыбнувшись, напомнила она.

- Ах, да. Точно.

Я пошел на кухню и включил кофеварку. Как же эта дрянь долго готовит этот проклятый кофе! Ничего, у меня было время успокоиться. Но я, видимо, использовал его не по назначению и только еще больше разнервничался.

- Вот, - я поставил чашку на кофейный столик, не зная, что делать дальше.

- Может, присядешь? – увидев мое замешательство, спросила она, снова улыбнувшись.

Эй! Кто здесь хозяин, в конце концов?

- Ну да, - выдавил я, присаживаясь рядом. И какого черта я сел практически вплотную, когда напротив был еще один свободный диван?

Девушка потянулась за кофе и, уж теперь и не знаю, специально ли, или так получилось, но с ее плеча соскользнуло полотенце, опустившись до самой талии. Она поторопилась прикрыть оголившуюся грудь другой рукой, но тогда полотенце окончательно потеряло «почву под ногами» и оказалось на диване, скрывая лишь то, что было ниже пояса. Я не мог оторвать глаз. Да, я чертов мерзавец и извращенец. Хотя скорее, я был бы извращенцем, если бы это не произвело на меня впечатления. Разве нет?

- Прости, - зарделась она, пытаясь вернуть покровы в исходное положение.

- Спасибо, - я так увлекся, что не понимал, что говорю. Со стороны я, наверное, выглядел как один из придурочных задротов в идиотских молодежных комедиях, который впервые увидел сиську. Но я был не далек от этого. Когда живешь бок о бок с женщиной, с которой нельзя заниматься сексом, то начинаешь думать, что его не существует вовсе. А видя рядом другую обнаженную красотку, понимаешь, что был жестоко обманут.

- Что? – переспросила она, засмеявшись.

Вот лицемерка, все она услышала.

- Ничего. Все хорошо, - опомнился я.

Она могла сейчас же сбросить это полотенце и я сделал бы все, что бы она ни попросила. Но, видимо, ей захотелось со мной поиграть, или сделать вид, что она не из тех, кто дает на первой минуте знакомства. А лишь на пятой. Поэтому она укуталась вновь и, на этот раз осторожно придерживая полотенце, взяла чашку и аккуратно пригубила кофе, пробуя температуру напитка. Потом вернула его на стол, видимо, ожидая, когда он немного остынет.

- Хочешь... печенья или чего-нибудь еще? – я старался вести себя непринужденно и контролировать голос, чтобы он не дрожал и не срывался от нервов.

- Чего-нибудь еще, - загадочно сказала она.

«Как в порно, мать его!»

- А... чего, чего-нибудь? – попытался уточнить я, надеясь, что это нечто из списка моих тайных желаний.

- А что у тебя есть?

«Могу показать прямо сейчас. Тебе точно понравится. По крайней мере, рот у тебя будет занят долго».

- Ну... не знаю... всякое... - «Ты что несешь, идиот?!»

- Да? А есть помадка?

- Что? – «она меня за трансвестита держит, что ли?!»

- Или конфеты какие-нибудь?

Она издевается! Или это я ни о чем другом думать не могу, поэтому в каждом ее слове вижу намек на соитие?

- Сейчас гляну... - я встал и снова вышел на кухню.

Надо было успокоиться, ведь в паре шагов находится мать моего ребенка и дочурка, которая все еще орет, как резанная. Разве можно в такой ситуации помышлять об адюльтере? Но виноват ли я, что именно в такой неподходящий момент рядом оказалась практически голая сногшибательная девица? Я перевел дыхание, попытался вспомнить технику Цигун, надеясь, что она приведет мою внутреннюю энергию в равновесие с природными силами.

- Можно я воспользуюсь туалетом? – в дверном проеме стояла эта наглая девчонка, имитируя на лице признаки скромности. Ну, разве может кто-то, чувствующий себя неудобно, сорвать при незнакомом человеке одежду? Тогда мне это не показалось странным, лишь шокировало и отключило все мозговые рецепторы, переключив на нижний центр управления системой.

- Да, конечно, - отвлекся я от дыхательных упражнений, - вверх по лестнице, вторая дверь справа.

Как я надеялся, что она не столкнется с Мэри.

- Спасибо, - не прошло и пары минут, как она уже вернулась, - нашел конфеты?

«Думаешь, я тут этим занимался?»

- О... конфеты, точно... - я совсем забыл про них, в голове лишь пульсировала одна мысль, точнее импульс, заставляющий наплевать на все запреты, здравый смысл, приличия, обещания и верность, и оторвать эту напрашивающуюся на то, чтобы ее выпороли, нимфетку.

Она оперлась на столешницу, разглядывая коллекцию фарфоровых подставок для зубочисток Мэри, и поднялась на носочки, чтобы лучше было видно.

- Можно? – как назло, конфеты были в шкафчике, который она загоразивала своими стройными, загорелыми, гладкими ногами. Ну, кто хранит конфеты в нижнем кухонном шкафу? Мэри, ты сама виновата!

Видимо, мой вопрос и движение были слишком двусмысленными, и эта девчонка предпочла понять не тот, который в данный момент, чистосердечно намереваясь достать угощение, вкладывал я.

- Когда очень хочется, то можно, - шепотом сказала она, приблизив губы к моему уху. Ее дыхание обжигало мне кожу. В глазах потемнело, рассудок помутнел окончательно, и я словно сорвался с тормозов: ухватил эту девчонку за ляжки и резким движением усадил на столешницу. Она ахнула от неожиданности, но мгновенно расплылась в своей нахальной улыбке. Тут же смекнула, что к чему, и раздвинула ноги, сбросив полотенце с груди. Такое тело не оставило бы равнодушным ни одного нормального мужчину, а так как я причислял себя ко вполне себе нормальным, то уже не мог остановиться. Я впился губами в ее торчащие соски, так дразнившие меня все это время. Прошелся по ним языком, когда счел, что с них хватит, расстегнул наспех ширинку и присунул давно готовый агрегат. Этот момент стоил пяти месяцев онанизма! Она схватила мою руку и прикрыла ею свой рот, чтобы заглушить стоны. Это меня еще больше завело, и я ускорил темп, отчего она в исступлении принялась водить по моей ладони языком. Мне хотелось видеть ее тело, но в такой позе это было неудобно. Я бросил взгляд на кухонный стол, но он был завален всякими бутылочками и недоеденным ужином жены, поэтому я бездумно потащил ее на диван в гостиную. Так было гораздо лучше. Ее грудь двигалась в такт моим движениям. Я задрал ей ноги, чтобы получше видеть, как я вхожу в нее. Черт! Я и не помню, когда последний раз наблюдал подобное воочию, все эти месяцы довольствуясь лишь порно. Потом захотел почувствовать тепло ее тела и, скинув футболку, лег сверху, ощущая, как трется об меня ее упругие сисечки. Я был рад, что сегодня успел слить пару раз с помощью «правой верной подружки», иначе я бы уже давно выдохся. Вскоре она уперлась ладонями мне в грудь и дала понять, чтобы я поднялся с нее. Она усадила меня на диван, а сама залезла верхом и принялась скакать на мне, откинувшись немного назад и упершись ладонями в мои колени.

- Джон! Принеси, пожалуйста, ножницы с моего ночного столика, - раздался голос Мэри.

Ну и зачем, скажите на милость, ей понадобились сейчас ножницы, а? И что мешает ей взять их самой?

- Да! – крикнул я, - да! – повторил я уже не в ответ на ее просьбу, - да-да! – схватился за грудь притихшей от испуга девчонки, заставив ее

продолжить свое дело.

- Хватит дакать! – рассердилась Мэри, - принеси их уже.

Я не мог оставить это дело незаконченным, но и времени на продолжение у меня уже не было, поэтому я решил использовать очень действенный, по крайней мере, для меня метод, и засунул этой девачке свое хозяйство в задницу. Мне было не до того, чтобы спрашивать разрешения, я должен был принести жене ножницы. Честно говоря, пока она не подала голос, я позабыл о ее существовании, а крики Сюзи и мне так приелись, что превратились в фон моей жизни, который в определенные моменты я научился не замечать. Получив такой сюрприз, девчонка даже не пикнула, а, казалось, наоборот, только этого и ждала. Пара секунд, и дело сделано. Я наскоро застегнулся, натянул брошенную на пол футболку и помчался к ночному столику Мэри. Там нашел ее ножницы, глянул в зеркало, поправил волосы, оглядел себя с ног до головы, одернул футболку, еще раз поправил прическу и пошел к Мэри.

- Она еще здесь? – шепотом спросила жена, укачивая Сюзи, которая заулыбалась при виде меня, начав издавать смешные звуки.

- Да, пока за ней никто не приехал, - пожал плечами я и потянулся к дочке, чтобы создать видимость какой-нибудь деятельности, должной скрыть мое еще не успевшее восстановиться дыхание.

Она стала пытаться ухватить мой палец, но у таких малявок с координацией плоховато, поэтому она тщетно сучила ручонками, пока я играл с ней, как дирижер, водя указательным пальцем.

- Ну, хватит, - одернула меня Мэри, - я ее тут уложить пытаюсь, а ты разыгрываешь. Теперь вообще не заснет.

Я выпрямился. Сюзи вновь начала драть глотку, требуя продолжения банкета.

- Может, стоит показать ее врачу? – спросил я, чеша затылок.

- Доктор Уэстридж сказал, что с ней все в порядке, - нервно ответила Мэри, увеличив амплитуду раскачиваний, чтобы дочка быстрее стихла.

- Вот твои ножницы, - вспомнил я, зачем пришел.

- Не нужны мне ножницы, - нахмурилась она.

- Так зачем?..

- Не могла же я сказать тебе просто подойти, потому что мне надо с тобой поговорить так, чтобы этого не слышала она, - кивнула в сторону двери Мэри.

- Вот ты конспираторша, - мотнул я головой, натянув кривую улыбку. На самом же деле я испытал в этот момент злость, ведь она совершенно беспричинно отвлекла меня от того, чем я там занимался.

- Ты хоть чаю ей сделал? – строго спросила жена.

- Она попросила кофе, - «я сделал ей что покруче».

- Может, скажешь ей позвонить еще разок. Узнать, когда за ней придут? Не может же она всю ночь здесь торчать...

Вообще-то, меня устроил бы подобный исход.

- А... мм... - спустившись, я увидел девушку, закутавшуюся в полотенце и сидящую ровненько на диване с чашкой остывшего кофе.

- Все в порядке? – невинным голоском спросила она, будто только что не дала отыметь себя чуть ли ни во все дыры совершенно незнакомому мужику.

- Жена сказала, чтобы я попросил тебя еще раз позвонить тому, кто должен тебя забрать, - извиняющимся тоном сказал я, сочтя, что это звучит как свидетельство очевидного нежелания ее пребывания в этом доме.

- Что ты сказал? – расширила глаза незнакомка. Странно так называть девушку, с которой только что у тебя был умопомрачительный секс, но я до сих пор не знал ее имени.

- Э... позвонить... просто, чтобы уточнить... - я замешкался. Конечно, не очень приятно слышать, что тебя мечтают поскорее вытурить из дома, но, мне показалось, что она восприняла это уж слишком близко к сердцу. Оставалось надеяться, что она ни одна из этих неуравновешенных психопаток, о которых так любила снимать фильмы Мэри.

- Твоя жена?

- У... д-да... - только теперь я понял, что она до сих пор считает Мэри моей матерью.

- Но ей же лет сорок... - сочла это за злую шутку девочка.

- Да-да, - развел руками я, устав от подобной реакции уже далеко не первого человека, - и годится мне в матери... я знаю... но, тем не менее, это моя жена.

- Хэ... - нервно выдохнула она, - выходит, этот ребенок?..

- Моя дочь... - не стал утруждать я девушку догадками.

- Да ты больной, - вскочила она, видимо не желая участвовать в любовном треугольнике.

- Тише ты, - шикнул я.

- Где моя одежда? – встала на дыбы девчонка.

- Сейчас принесу...

Одна нога здесь – другая там. Платье с трусиками еще не успели про-сохнуть, но ее, похоже, это не волновало. Она мигом натянула их на себя и уставилась в упор:

- Я позвоню и уйду.

Я кивнул и провел языком по передней поверхности верхних зубов. Сглотнул. Потер нос. Я должен был переживать, что жена может догадаться. Что эта девчонка все ей расскажет. В конце концов, меня должна была мучить совесть, наступить прозрение. Но все, что меня беспокоило – это то, что сейчас она выйдет за дверь и навсегда останется незнакомкой.

- Забери меня сейчас же. Да. Я больше здесь не останусь, - ее голос был напряжен. Она очень нервничала. Сказав последнюю фразу, она резко опустила трубку на рычаг, пошла ко входной двери и вышла наружу.

За окном все еще был адский ливень, который ветром заносило на крыльцо под крышу. Но, видимо, это ее не пугало. Она опустилась на подвесные качели, на которых любила сидеть Мэри со Сюзи, показывая дочурке проходящих соседей и говоря, кто есть кто.

Я не знал, как мне быть. Пока я раздумывал, беспомощно стоя и глядя на нее через окно, к дому подъехала машина. Она соскочила с крыльца и, тщетно пытаясь спрятаться от дождя под маленькими ладошками, добежала до автомобиля, юркнула на заднее сиденье, и исчезла, словно ее никогда и не было.

Но нет. Она была. Была. Я точно это знал. Пол был еще влажным в тех местах, где ступали ее ножки, обутые в легкие балетки, неподалеку от кухни валялось полотенце, которым она укрывала свое стройное тело, на столике стояла чашка недопитого ею кофе, а за окном по-прежнему находился ее автомобиль, в котором она имела неосторожность запереть свои ключи.

«Точно!» - у меня появилась идея. Я должен был это сделать. Я выскочил под проливной дождь и двумя скачками оказался рядом с авто, тщетно пытаясь разглядеть в темноте номер. Я ничерта не мог увидеть, и дождь совсем не помогал, полностью закрывая обзор, как непроходимая стена. Тусклый свет уличного фонаря рассеивался в каплях, еле доходя до моих глаз. Тогда я принялся на ощупь трогать номерной знак, по крупинкам собирая его воедино. И это сработало! Я понесся в дом, повторяя заветные символы, чтобы не забыть их, стремясь записать в

укромном местечке, в которое нет доступа у Мэри.

- Она уже ушла? – ворвавшись в дом, я окаменел, как истукан. Передо мной стояла жена. Видать, я очень глупо выглядел: весь мокрый и застывший в нелепой позе.

- Да... только что... за ней приехали... и... я проводил...

- Тебе надо просохнуть, - окинув меня взглядом, сказала жена. Она принялась убирать остатки неопровержимых доказательств того, что эта незнакомка существует не только в моем воображении. Сначала она унесла со столика чашку, а по дороге на кухню брезгливо подхватила брошенное ею полотенце, даже не предполагая, что то было накинуто на совершенно нагое тело. Потом она вернулась с половой тряпкой, мечтая вытереть все ее следы насухо, отбирая у меня последние памятные «сувениры», - и чего ты стоишь? – возмутилась Мэри.

Я понял, что веду себя, как имбицил, и, спохватившись, заторопился в ванную.

- Разденься здесь, - остановила меня жена, видя, что вода течет с меня ручьями.

Я наскоро скинул мокрые тряпки, оставил тапочки и голышом помчался вверх.

- Тише! Сюзи только заснула, - шикнула Мэри.

Оказавшись в ванной, я стал искать что-нибудь, куда мог бы записать все еще крутящийся в голове номер машины незнакомки, подарившей мне незабываемый вечер. Пока я рылся в поисках хоть клочка бумаги, забытой в грязном белье, раздался стук в дверь. Я наспех накинул полотенце и, делая вид, что вытираю волосы, отодвинул щеколду.

Передо мной стояла Мэри. Ее лицо было мертвенно бледным, а в глазах застыли слезы.

- Ч-что?.. – замямлил я. Не имея представления о том, как она догадалась, я понял, что она все знает.

- В нашем доме... прямо у меня под носом... под носом нашей дочери... как ты мог...

- Ты о чем? – я решил прикидываться идиотом до тех пор, пока не пойму, что не смогу опровергнуть ее уверенность в моей измене.

Хоть моя голова, сердце и все остальные члены моего организма были заняты другой женщиной, я инстинктивно принял оборонительную позицию от нападков жены. Видимо, у нас мужчин это в генах, не иначе.

- Это не поможет... Генри мне все рассказал...

- О чем тебе рассказал Генри? – тут я совсем был сбит с толку. Что мог мой дядя такого рассказать моей жене, после чего она подходила ко мне с подобными обвинениями? Может, она совсем о другом говорит, что по нелепой случайности чуть не заставило меня самолично признаться в походе налево?

- Эта девчонка... Генри подослал ее... она специально тебя соблазнила...

- Скажи, что я ослышался, - все казалось неистовым бредом, больше похожем на дурацкие фильмы, в которых я снимался.

- Мечтаю, чтобы ослышалась я... эта девка специально легла под тебя... или сверху была она, а?

- С чего бы это дяде Генри подсылать какую-то девку? – этот момент был мне совершенно не понятен. Было бы логичнее, если бы кто-то со стороны жены пытался открыть ей на меня глаза. Но мой собственный дядя! Зачем ему это?

- В пятницу, когда он был у нас, а ты задержался на съемках, он стал подкалывать меня, что вовсе ты ни на каких не на съемках... что ты развлекаешься где-то на стороне...

Это было вполне в его духе. Да. Но никогда не думал, что он перейдет черту. Все же воспринимали это лишь как нелепые шутки. Неужели кто-то мог принимать Генри всерьез? Никто не может воспринимать всерьез человека, который корчит такие рожи, как дядя Генри!

- Он принялся рассказывать о твоих старых похождениях и победах... я отшучивалась... но потом он заговорил о твоей матери...

- Моей матери? – опешил я. Эта тема в нашем доме была негласным табу, потому что всегда приводила к конфликтам.

- Да, твоей матери, - она сузила глаза и сжала губы с такой силой, что они совсем побелели, - Генри и она, видите ли, поспорили, что ты мне изменишь с первой попавшейся красоткой, не моргнув и глазом.

- Вот как?.. – никогда не думал, что моя мать способна на такое.

- Да. Но Генри сказал, что он поставил на то, что ты этого не сделаешь.

«И на том спасибо» - подумал я.

- Но эта гримза...

- Эй! Ты говоришь о моей матери!

- Я знаю, - прошипела Мэри. Она готова была на меня наброситься. Представляю, каких усилий ей стоило сдерживаться. Поэтому я решил замять тему с оскорблениями моей матери. В конце концов, она это за-

служила, - она поставила на то, что ты залезешь под первую же юбку. Она утверждала, что ты уже давно от меня гуляешь, но хорошо скрываешься... тогда Генри предложил устроить спектакль, в котором ты бы смог доказать свою верность... не думала, что он подойдет кого-то прямо в мой дом... он чудак, ты знаешь... черт побери, мне сорок лет, а я все еще верю в сказки... и я, действительно, думала, что ты устоишь перед соблазном...

- Так это было все подстроено?... – только теперь до меня дошло все, что говорила мне жена. Только теперь я осознал, что эта девочка была со мной как проститутка, а не как женщина, которой обуяла страсть. В голове продолжали крутиться цифры номерного знака. Я знал, что найду ее. Но теперь не был уверен для чего: чтобы повторить, или чтобы отомстить. Я чувствовал себя идиотом. Обманутым. Беспомощным. Идиотом. Мне совсем не было совестно перед Мэри. Ведь это она устроила мне такую проверку, которую заведомо не смог бы пройти ни один здоровый мужчина, которого не коснулась рука импотенции, и у которого не было секса целых чертовых пять месяцев!

- А ты думал в реальной жизни молоденькие девчонки запрыгивают и начинают убажывать незнакомых мужиков, как в порно? Ты, кажется, пересмотрел фильмов подобного жанра, - злобно процедила Мэри.

- А что мне еще оставалось делать, когда моя жена придумывает любые отмазки, чтобы не заниматься со мной сексом?! – тут меня прорвало. И она еще смеет меня тыкать носом в то, что я смотрю порнуху после того, как я стоически терпел ее отговорки столько времени?!

- О, да! – гавкнула она, - кесарево – очень хорошая отмазка!

Я пошел в спальню и принялся доставать из шкафа сухие вещи. Мэри следовала за мной, нервно бормоча проклятья.

- И ты еще смеешь предъявлять мне претензии в такой ситуации? И в который раз ты проделываешь это, а? Если уж ты, и глазом не моргнув, изменил мне в нашем собственном доме, когда я укладывала, между прочим, твою дочь, которую, если ты успел заметить, я родила! Ты даже не попытаешься извиниться!

- Извиниться? – фыркнул я, натягивая футболку, - ты хочешь, чтобы я извинился?

Но правда была в том, что я не чувствовал себя виноватым. Мне не за что было извиняться. Что бы там ни думала она себе сейчас, что бы ни говорила моя мать, до сегодняшнего вечера я ни разу не изменял Мэри. И, если бы она не затеяла этот дурацкий спектакль, я бы

спокойно допил свое пиво, поцеловал на ночь малышку Сюзи, обнял жену, пожелав ей спокойной ночи, а наутро отправился на съемки, где имитации любовных сцен мне бы вполне хватило, чтобы спустить вечером в унитаз и не думать о походе на сторону.

Я мог обвинять мать, которой было важнее ее собственное видение и мироощущение, чем счастье сына, мог злиться на дядю Генри, который по своей глупости подбросил подставную актрису прямо в мой дом, мог ненавидеть эту незнакомую девчонку, которая так правдоподобно изображала безудержную страсть, сама же в уме, наверно, подсчитывая барыши за хорошо сыгранную роль. Но главным было то, что во всем в итоге была виновата Мэри. Это она дала зеленый свет на свершение этого плана. Она усомнилась в моей верности и любви к ней. Она подтолкнула меня к тому, чтобы я оправдал ее сомнения. Ведь я любил эту женщину. Любил всем сердцем, закрывая глаза на вертящихся вокруг меня молоденьких красоток с шикарными телами. Я наплевал на все предрассудки, отказался от всех этих молодух и от собственной матери, каждый день доказывая свою любовь ей, моей единственной, моей Мэри. И, если бы она не обставила все таким образом, то я никогда бы и не совершил ничего подобного. Ведь, в самом деле, это только в порно молоденькие красотки приходят в дом и набрасываются на совершенно незнакомых мужиков.

В голове промелькнула мысль о том, что эта девочка и понятия не имела, куда ее отправили. Стоило вспомнить выражение ее лица, когда она узнала, что женщина с ребенком наверху вовсе не моя мать, как она подумала изначально. Она совсем не была похожа на продажную девку... надеюсь, ей было, хотя бы, восемнадцать...

- И куда ты идешь? Я с тобой говорю, - Мэри шла за мной по пятам, пока я спускался по лестнице, крутилась вокруг, пока я надевал ботинки, продолжала требовать ответа, пока я открывал входную дверь. И осталась стоять в проеме, когда я вышел в ночь под проливной дождь, продолжающий хлестать, как из ведра.

Вот так за пару минут можно разрушить жизнь троих человек. Мою. Мужчины, который был готов на все ради семьи. Мэри, которая, наверно, заслужила подобный исход, раз решила поиграть в такие игры. Ведь, если ты делаешь ставку, нужно быть готовым к тому, что выпадет зеро, а не твоя двадцатка. И малышки Сюзи, которая завтра проснется уже без отца.

А ведь я мог просто допить эту чертову бутылку пива, все еще сто-

ящую на кофейном столике, поцеловать жену и дочь и спокойно лечь спать. А теперь я шел в промозглой ночи, промокший и продрогший насквозь. А в голове у меня крутился номер машины этой подставной незнакомки.

Содержание

От автора	3
Бой Курантов	4
Работа над ошибками	20
Новогоднее чудо	44
В один конец	51
НГ (Не Говори)	70
Кладовая	95

БОНУС

Клуб мертвых сердец	130
Незнакомка	163

РАССКАЗЫ

Перед Вами сборник, включающий в себя четырнадцать рассказов. Каждый из них окунет Вас в свое совершенно особое настроение. Вы встретитесь со свободолюбивым байкером, решившим попробовать жить так, как велит его сердце; с обиженным сыном, покинутым в глубоком детстве отцом, которому пора платить по счетам; с полоумным любителем справедливости, не видящим грани между добром и злом; с прекрасной незнакомкой, готовой соблазнить молодого отца семейства и со многими другими, кто, порой, идет на самые крайние меры вплоть до убийства, чтобы достигнуть своих целей.

Это истории, сочетающие в себе любовь и ненависть, правду и вымысел, драму и триллер. Они способны Вас развлечь и заставить задуматься. Приятного чтения.

Незнакомка

Спецпредложение

Старый знакомый

Мир и согласие

Ты поймешь

Дукати

Поход

Вдовец

Королева

Монохромная радуга

Премьера

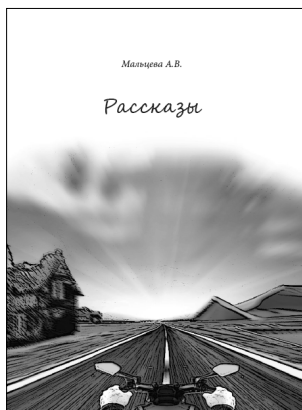
Ценная реакция

Творец

Людмила

Приобрести печатное издание можно на
<http://book.mimolet.com/product/12-543801/>

Информацию об электронном издании можно найти здесь:
<http://vk.com/club43464430>

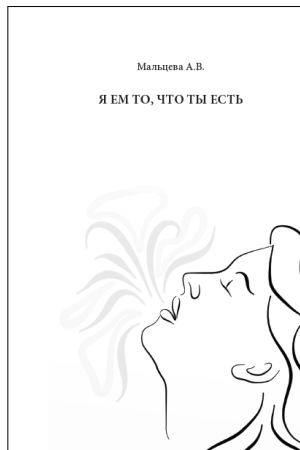
Я ЕМ ТО, ЧТО ТЫ ЕСТЬ

Когда мужчина влюбляется, он готов отдать любимой женщине душу. А что если она действительно захочет ее забрать?

Элина прекрасна настолько, что ни один мужчина не сможет устоять перед ее чарами. Они готовы положить к ее ногам весь мир, но все, что ей нужно, это лишь их души. Она вынуждена притворяться обычной девушкой, поддерживая всеобщее мнение о том, что такие как она – лишь миф. Но то, что остальным кажется сказкой, для нее реальность будничных дней, наполненных поисками новых жертв и мыслями о том, кто она и зачем пришла на эту землю. Сможет ли Элина определиться, на стороне каких сил она находится, и понять смысл своего существования?

Приобрести печатное издание можно на
<http://book.mimolet.com/product/12-998957/>

Информацию об электронном издании можно найти здесь:
<http://vk.com/club43464430>

КЛУБ МЕРТВЫХ СЕРДЕЦ

«Клуб мертвых сердец» - это сборник из семи рассказов, наполненных мистикой и фантастическим замыслом, которые возглавляет одноименное произведение.

Эти истории отправят Вас вместе с героями туда, куда попадают люди, ступив за черту, лежащую между жизнью и смертью. И совсем необязательно, что это будет именно то место, в котором они считали, что могут оказаться. Вы побываете в сновидениях, которые для кого-то могут стать важнее реальной жизни. Окунетесь в мир переживаний детоубийцы и свидетеля другого страшного преступления. И, наконец, увидите, что перемены не всегда бывают к лучшему, даже если сперва они кажутся манной небесной.

Клуб мертвых сердец

Сон как реальность

Девушка с волосами цвета прошлогодней соломы

Метемпсихоз

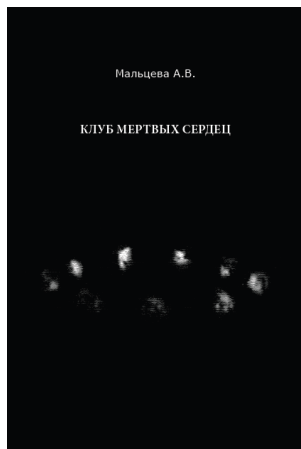
Вестник

Перемены

Клуб 27

Приобрести печатное издание можно на
<http://book.mimolet.com/product/12-244969/>

Информацию об электронном издании можно найти здесь:
<http://vk.com/club43464430>

ВЗРОСЛЫЕ

Наверное, каждый подросток когда-нибудь думал о том, как было бы здорово жить без родителей и учителей, вечно попрекающих и знающих «как надо». И, наверное, мало найдется взрослых, которые хоть раз в жизни не подумали бы о том, что дети и подростки лишь материал, из которого только по прошествии лет сможет получиться настоящий человек. Задумывался ли кто-нибудь о том, что действительно будет, если желание уставшего от родительского гнета тинэйджера исполнится?

Приобрести печатное издание можно на
<http://book.mimolet.com/product/12-861921/>

Информацию об электронном издании можно найти здесь:
<http://vk.com/club43464430>

Официальный сайт автора
anastasiamaltseva.ru

Официальный сайт книги «Взрослые»
vzroslye.zg5.ru

Официальная группа автора ВК
vk.com/club43464430

Официальная публичная страничка автора ВК
vk.com/maltsevaanastasia

Официальная публичная страничка книги «Взрослые» ВК
vk.com/public43607875

По вопросам сотрудничества и рекламы обращаться по e-mail:
info@anastasiamaltseva.ru

Для отзывов и предложений:
anastasia@anastasiamaltseva.ru

© Мальцева А.В.